
САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

---

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

---

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

---

*Журнал включен ВАК Минобрнауки России
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук*

3 (60) • 2015

САРАТОВ • МОСКВА

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), д.ю.н., профессор; В.В. Ныркoв (зам. главного редактора), к.ю.н., доцент; О.Л. Солдаткина (ответственный секретарь), к.ю.н.; В.А. Абалдуев, к.ю.н., доцент; С.Ф. Афанасьев, д.ю.н., профессор; Е.В. Вавилин, д.ю.н., профессор; С.В. Ворошилова, д.ю.н., доцент; Н.А. Власенко, д.ю.н., профессор; О.С. Вырлеева-Балаева, к.ю.н.; А.В. Голикова, к.ю.н., доцент; М.В. Данилов, к.п.н., доцент; А.Н. Иванов, к.ю.н., доцент; К.Е. Игнатенкова, к.ю.н.; Н.В. Исаков, д.ю.н., профессор; Е.В. Кобзева, к.ю.н., доцент; Н.Н. Ковалева, д.ю.н., доцент; А.В. Колесников, к.ю.н., доцент; Е.В. Колесников, д.ю.н., профессор; Г.Н. Комкова, д.ю.н., профессор; И.Н. Коновалов, д.и.н., профессор; Д.А. Липинский, д.ю.н., профессор; В.А. Пономаренков, к.ю.н., доцент; В.В. Попов, д.ю.н., доцент; В.А. Рудковский, д.ю.н., профессор; А.Ю. Соколов, д.ю.н., доцент; А.Ю. Соколов, д.ю.н., профессор; А.Ю. Соколов, д.ю.н., профессор; В.В. Субочев, д.ю.н., доцент; Н.С. Судоргин, к.ю.н., доцент; Н.И. Сухова, к.ю.н., доцент; Л.А. Тимофеев, д.ю.н., профессор; В.Д. Холоденко, к.ю.н., доцент; Е.Ю. Чмыхало, к.ю.н., доцент; Р.З. Юсупов, к.ю.н., доцент.

Редакционный совет:

Н.И. Матузов (председатель), д.ю.н., профессор; С.А. Белоусов, к.ю.н., доцент; А.И. Демидов, д.ф.н., профессор; И.А. Иванников, д.ю.н., профессор; С.А. Комаров, д.ю.н., профессор; А.Г. Лисицын-Светланов, д.ю.н., профессор, академик РАН; Н.И. Михайлов, д.ю.н., профессор; С.Б. Суоров, д.с.н., профессор; С.Н. Туманов, к.ю.н., доцент; Ю.Л. Шульженко, д.ю.н., профессор; Р.С. Байниязов, д.ю.н., профессор; Ю.А. Волошин, д.ю.н., профессор (Украина); Г.А. Василевич, д.ю.н., профессор (Республика Беларусь); Г. Робберс, доктор наук, профессор (Германия); Я. Зелински, доктор наук, профессор (Польша); С. Лю, д.ю.н., профессор (Китай).

Editorial board:

A.V. Malko (editor-in-chief), Doctor of Law, Professor; V.V. Nyrkov (deputy of editor-in-chief), Candidate of Law, Associate Professor; O.L. Soldatkina (executive secretary), Candidate of Law; V.A. Abalduiev, Candidate of Law, Associate Professor; S.F. Afanasiev, Doctor of Law, Professor; E.V. Vavilin, Doctor of Law, Professor; N.A. Vlasenko, Doctor of Law, Professor; S.V. Voroshilova, Doctor of Law, Associate Professor; O.S. Vyrleeva-Balaeva, Candidate of Law, Associate Professor; A.V. Golikova, Candidate of Law, Associate Professor; M.V. Danilov, Candidate of Political Science, Associate Professor; A.N. Ivanov, Candidate of Law, Associate Professor; K.E. Ignatenkova, Candidate of Law, N.V. Isakov, Doctor of Law, Professor; E.V. Kobzeva, Candidate of Law, Associate Professor; N.N. Kovaleva, Doctor of Law, Associate Professor; A.V. Kolesnikov, Candidate of Law, Associate Professor; E.V. Kolesnikov, Doctor of Law, Professor; G.N. Komkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; I.N. Konovalov, Doctor of History, Professor; D.A. Lipinskiy, Doctor of Law, Professor; V.A. Ponomarenkov, Candidate of Law, Associate Professor; V.V. Popov, Doctor of Law, Associate Professor; V.A. Rudkovskiy, Doctor of Law, Associate Professor; A.Y. Salomatin, Doctor of Law, Doctor of History, Professor; A.Ju. Sokolov, Doctor of Law, Associate Professor; V.V. Subochev, Doctor of Law, Associate Professor; N.S. Sudorogin, Candidate of Law, Associate Professor; N.I. Sukhova, Candidate of Law, Associate Professor; L.A. Timofeev, Doctor of Law, Professor; V.D. Holodenko, Candidate of Law, Associate Professor; E.Y. Chmyhalo, Candidate of Law, Associate Professor; R.Z. Yusupov, Candidate of Law, Associate Professor.

Editorial council:

N.I. Matuzov (chief), Doctor of Law, Professor; S.A. Belousov, Candidate of Law, Associate Professor; A.I. Demidov, Doctor of Philosophy, Professor; I.A. Ivannikov, Doctor of Law, Professor; S.A. Komarov, Doctor of Law, Professor; A.G. Lisitsin-Svetlanov, Doctor of Law, Professor; N.A. Mihajlov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Starilov, Doctor of Law, Professor; S.B. Surovov, Doctor of Sociology, Professor; S.N. Tumanov, Candidate of Law, Associate Professor; Ju.L. Shul'zhenko, Doctor of Law, Professor; R.S. Bayniyazov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Volishin, Doctor of Law, Professor (Ukraine); G.A. Vasilevich, Doctor of Law, Professor (The Republic of Belarus); G. Robbers, DR, Professor (Germany); J. Zielinski, Dr hab, Professor (Poland); S. Lyu, Doctor of Law, Professor (China).

СОДЕРЖАНИЕ

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РАН – 90 ЛЕТ ПЛОДОТВОРНОЙ РАБОТЫ НА НИВЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ 8

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

<i>Сухова Н.И. (г. Саратов)</i> Правовая политика: функциональный аспект	9
<i>Козацкая В.Э., Толченкин Д.А. (г. Рязань)</i> Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ как источник права в материальном и идеальном смысле	15
<i>Петров Д.Е. (г. Саратов)</i> Единство и различие метода и способа правового регулирования	18
<i>Барсукова В.Н. (г. Саратов)</i> Обязанность уважать честь и достоинство человека в структуре правового статуса личности	22
<i>Шукина Т.В., Брусенцева Т.А. (г. Липецк)</i> Категория «доверие населения к органам государственной власти» как фактор нематериальной мотивации государственных гражданских служащих к высоким служебным результатам	28

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Навальный С.В. (г. Саратов)</i> Информационная безопасность в России: пути обеспечения	33
<i>Векслер В.А. (г. Энгельс), Рейдель Л.Б. (г. Биробиджан)</i> Информация и право	39
<i>Довнар Н.Н. (г. Минск, Белоруссия)</i> Манипулирование СМИ как угроза информационной безопасности	42
<i>Курьшев Е.Ю. (г. Саратов)</i> Содержание правовой инновации	48

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Айрапетян А.С. (г. Саратов)</i> Выборы и референдум как сферы официального использования языков народов Российской Федерации	53
<i>Пучкова В.В. (г. Смоленск)</i> Сравнительный анализ механизма конституционно-правового регулирования реализации права граждан на охрану здоровья	60
<i>Васин Ю.Г. (г. Москва)</i> О новом подходе к исследованию реальной преступности	65
<i>Афанасьев С.Ф., Малько Е.А. (г. Саратов)</i> О гражданской процессуальной политике в контексте принятия Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ	70
<i>Хижняк В.С. (г. Саратов)</i> Международно-правовая политика ООН в области поощрительных санкций	77

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

- Данилов М.В. (г. Саратов)*
«За пределами политического»: технологии деполитизации
иностранного влияния на политическую жизнь России 83
- Чернявский А.И. (г. Москва)*
Интерпретация концепта «политическое лидерство» в дискурсивном
пространстве современной отечественной и зарубежной политической . . . 88

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – ИНСТИТУТ СЕРВИСА, ТУРИЗМА И ДИЗАЙНА (ФИЛИАЛ) СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА В Г. ПЯТИГОРСКЕ

- Бондаренко Н.Г.*
Мораль и правосознание в контексте социально-философской рефлексии . 95
- Гайдидей Ю.М., Донская Н.Г., Бунина А.Ф., Титенко Ю.А.*
Повышение уровня судопроизводства
через судебно-правовую культуру 101

Трибуна молодого ученого

- Осипов Р.А. (г. Саратов)*
Роль правовой информированности в формировании
и развитии правосознания личности 106
- Тарасов Д.Ю. (г. Екатеринбург)*
Проблема оценки эффективности норм права,
регулирующих экономические отношения: возможные варианты 110
- Провалинский Д.И. (г. Екатеринбург)*
Гранты как форма проявления правовых стимулов 116
- Волкова М.А. (г. Саратов)*
Участие граждан в управлении делами государства
через институт политических партий 122
- Кулапов Д.С. (г. Саратов)*
К вопросу об определении медиабельности правового спора 127
- Поддубная Д.А. (г. Саратов)*
К вопросу о некоторых проблемах нормативного закрепления функций
саморегулируемых организаций 132
- Мун В.А. (г. Волгоград)*
Государственно-правовая политика России
во второй половине XIX века в области трудового права 136

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ СУДЕБНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ»

- Терехин В.А. (г. Пенза)*
Правосудие как ключевой компонент судебной деятельности:
проблемы понимания 141
- Малько А.В., Елистратова В.В., Семикина С.А. (г. Саратов)*
О необходимости формирования правовой политики в сфере создания
судебной системы Евразийского экономического союза 144
-

<i>Фомин А.А. (г. Пенза)</i>	Роль общественности при осуществлении правосудия	146
<i>Мещерякова А.Ф. (г. Пенза)</i>	Специализация судов и унификация процессуального законодательства как средство повышения качества правосудия	147
<i>Артемова Д.И. (г. Пенза)</i>	Международно-правовые стандарты и принципы уголовного правосудия	149
<i>Молева Г.В., Лапаев И.С. (г. Пенза)</i>	Признание и исполнение иностранных судебных решений как средство повышения эффективности правосудия	150
<i>Вершинин В.Б. (г. Пенза)</i>	Подача искового заявления через сеть Интернет как одно из условий реализации принципа доступности правосудия	152
<i>Костенко М.А. (г. Таганрог)</i>	Стандарты юридической техники в условиях реформирования судопроизводства в России	153
<i>Игнатенкова К.Е. (г. Саратов)</i>	Судейское усмотрение как средство повышения эффективности правосудия	154

CONTENT

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE – 90 YEARS OF PRODUCTIVE WORK IN THE FIELD OF LEGAL SCIENCE . . . 8

LEGAL POLICY: GENERAL THEORETICAL ASPECT

<i>Sukhova N.I. (Saratov)</i>	Legal policy: a functional aspect	9
<i>Kozatskaya V.E., Tolchenkin D.A. (Ryazan)</i>	The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation as a source of law in the material and the ideal sense	5
<i>Petrov D.E. (Saratov)</i>	The unity and diversity of method and ways of legal regulation	18
<i>Barsukova V.N. (Saratov)</i>	The duty to respect the honor and dignity of the person in the structure of the legal status of the individual	22
<i>Schukina T.V., Брусенцева В.А. (Lipetsk)</i>	The category «confidence of population to public authorities» as the factor of non-financial motivation of civil servants to high official results	28

LEGAL POLICY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION AND FORMING OF INFORMATIONAL SOCIETY

<i>Navalnyi S.V. (Krasnoyarsk)</i>	Information security in Russia: ways of providing	33
------------------------------------	---	----

<i>Vexler V.A. (Engels), Redel L.B. (Birobidzhan)</i>	
Information and law	39
<i>Dovnar N.N. (Minsk, Belorussia)</i>	
Manipulation in mass media as a threat for information security	42
<i>Kuryshhev E.J. (Saratov)</i>	
Content of legislative innovation	48

BRANCH PROBLEMS OF LEGAL POLICY

<i>Airapetian A.S. (Saratov)</i>	
Выборы и референдум как сферы официального использования языков народов Российской Федерации	53
<i>Puchkova V.V. (Smolensk)</i>	
Comparative analysis of the mechanism of constitutional and legal regulation of the right of citizens to health (in the example of the Scandinavian countries and Czech Republic)	60
<i>Vasin Y.G. (Moscow)</i>	
A new approach to the study of criminality	65
<i>Afanasiev S.F., Malko E.A. (Saratov)</i>	
On the civil procedural policy in the context of the adoption of the Concept of a single Code of Civil Procedure	70
<i>Khizhnyak V.S. (Saratov)</i>	
International legal policy of the UN in the sphere of promotional sanctions	77

POLITICAL LIFE OF SOCIETY

<i>Danilov M.V. (Saratov)</i>	
“Beyond the political”: technology depoliticization of foreign influence on political life in Russia	83
<i>Chernyavsky A.I. (Saratov)</i>	
The interpretation of the concept «political leadership» in the discursive space of modern domestic and foreign political science	88

PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION – INSTITUTE OF SERVICE, TOURISM AND DESIGN (BRANCH) OF NORTH-CAUCASIAN FEDERAL UNIVERSITY (PYATIGORSK)

<i>Bondarenko N.G.</i>	
Morality and sense of justice in the context of social and philosophical reflection	95
<i>Gajdidej Y.M., Donskaja N.G., Bunina A.F., Titenko Y.A.</i>	
Improving justice through judicial and legal culture	101

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

<i>Osipov R.A. (Saratov)</i>	
Role of legal knowledge in the forming and development of legal awareness of a personality	106
<i>Tarasov D.Y. (Ekaterinburg)</i>	
The problem of evaluating the effectiveness of the rule of law, regulating economic relations: the options	110

<i>Provalinsky D.I. (Krasnoyarsk)</i>	Grants as a form of legal incentives	116
<i>Volkova M.A. (Moscow)</i>	The participation of citizens in managing the affairs of the state through the institution of political parties	122
<i>Kulapov D.S. (Saratov)</i>	To the question about interpretation is the legal dispute mediable or not	127
<i>Poddubnaya D.A. (Saratov)</i>	On the question of fixing some of the problems of regulatory functions of self-regulatory organizations	132
<i>Mun V.A. (Volgograd)</i>	Evolution of the protective function of labor law in the period from the second half of the XIX century to the end of the XX century	136

ROUND TABLE DISCUSSION'S MATERIALS
«PROJECT OF THE CONCEPT OF JUDICIAL POLICY
IN MODERN RUSSIA: WAYS OF UPGRADING»

<i>Terehin V.A. (Penza)</i>	Justice as the main element of judicial activity: problems of understanding	141
<i>Malko A.V., Elistratova V.V., Semikina S.A. (Saratov)</i>	About necessity of forming of legal policy in the sphere of creation of the judicial system of Eurasian economic union	144
<i>Fomin A.A. (Penza)</i>	The role of the community in the administration of justice	146
<i>Meshcheryakova A.F. (Penza)</i>	Specification of courts and unification of procedural legislation as the means of increase of the justice's quality	147
<i>Artemova D.I. (Penza)</i>	International-legal standards and principles of criminal justice	149
<i>Moleva G.V., Lapaev I.S. (Penza)</i>	Recognition and execution of foreign judicial court decisions as the means of the efficiency of justice's increase	150
<i>Vershinin V.B. (Penza)</i>	Filing a claim through Internet as one of the conditions of the principle of justice accessibility's realizing	152
<i>Kostenko M.A. (Taganrog)</i>	Standards of legal techniques in the terms of reforming of Russian legal procedure	153
<i>Ignatenkova K.E. (Saratov)</i>	Judicial discretion as the means of the efficiency of justice's increase	154

• ПОЗДРАВЛЕНИЯ •

Институт государства и права РАН — 90 лет плодотворной работы на ниве юридической науки

В этом году российская юридическая общественность отмечает знаменательную дату — 90-летие одного из крупнейших научных юридических учреждений страны — Института государства и права Российской академии наук.

Российская академия наук — интеллектуальный «золотой запас» России, старейшее научное учреждение, имеющее долгую и насыщенную историю. В XVIII в. значительную часть членов академии составляли ученые-юристы. В период новейшей истории был создан Институт государства и права РАН, который ныне представляет собой самобытное подразделение Российской академии наук, разрабатывающее фундаментальные проблемы юриспруденции.

Институт государства и права РАН всегда отличался тем, что сочетал в своей деятельности классические традиции и новаторские подходы. Благодаря этому ему удается идти в ногу со временем, оперативно реагируя на постоянно возникающие новые проблемы политико-правовой действительности и предлагая наиболее оптимальные варианты их решения.

История Института государства и права РАН связана с именами многих известных ученых, во многом определивших лицо современной юридической науки. Используя потенциал лучших исследователей страны, институт неизменно играл и ныне продолжает играть важнейшую роль в создании наиболее благоприятных условий для правового развития российского общества и государства.

Сегодня Институт государства и права РАН продолжает двигаться вперед, укреплять внешние контакты и внутренне совершенствоваться. Его дальнейшая судьба неразрывно связана с планомерным, эволюционным развитием российской науки. Присоединяясь к поздравлениям и словам искреннего восхищения столь долгой и плодотворной научной деятельностью, от всей души желаем ему стабильности и процветания!

А.В. Малько,
*директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

• ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ •

Н.И. Сухова,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Саратовского филиала
Института государства и права РАН

N.I. Sukhova,
Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov branch of the Institute of State
and Law of Russian Academy of Sciences
sukhova777@yandex.ru

Правовая политика: функциональный аспект

Аннотация: актуальность темы статьи обусловлена значением и ролью правовой политики в процессе совершенствования и развития правовой системы общества. Целью данной работы явилось определение возможных направлений воздействия правовой политики на правовую сферу и закономерностей их проявления. Достижению указанной цели способствовало решение нескольких задач, основная из которых состояла в анализе закономерностей взаимодействия правовой действительности и правовой политики. Поставленные задачи решались с помощью применения диалектического, системного, функционального методов научного исследования. Сделанные автором выводы сводятся к тому, что выделение и определение функций правовой политики обусловлено ее природой, раскрывающейся в концептуальной и деятельностной составляющих этого явления. Учет особенностей воздействия правовой политики на правовую реальность, установление возможных и маловероятных путей этого воздействия обеспечит эффективное использование потенциала правовой политики в решении различных проблем в сфере права.

Ключевые слова: право, правовая система, правовая политика, функции правовой политики, субъекты правовой политики, функциональный подход.

Legal policy: a functional aspect

Abstract: the topicality of the article due to the value and role of legal policy in the process of improvement and development of the legal system of the society. On this basis, the aim of this work was the identification of potential areas of impact of legal policy in the legal field and regularities of their manifestations. The achievement of this goal was facilitated by the solution of several problems, the main of which consisted in the analysis of patterns of interaction of the reality of law and legal policy. Set by the author of the problem was solved by applying dialectical, system, functional methods of research. The author's conclusions are that the selection and definition of the functions of legal policy due to its nature, in the drop-down conceptual and pragmatic components of this phenomenon. Taking account of the impact of legal policy at the legal reality, the establishment of possible and impossible ways of this action will ensure the effective use of the potential of legal policy in solving various problems in the field of law.

Keywords: law, legal system, legal policy, functions of legal policy, the subjects of legal policy, a functional approach.

Любое состояние общества как сложной совокупности элементов, отношений и внутренних связей потенциально имеет в себе интенцию к динамическим изменениям, происходящим в двух направлениях: прогрессивном и регрессивном. Понятно, что предпочтительнее выглядит положительное развитие, предполагающее совершенствование, обновление и повышение эффективности составляющих социальной системы и ее самой в целом.

Однако даже при четко сформированном устойчивом движении вперед не исключаются, а иногда бывают неизбежны проявления негативного характера, требующие адекватных решений по их исключению или минимизации.

Общепризнанным является мнение о том, что наиболее оптимальным, действенным и универсальным способом решения стоящих перед обществом задач, средством, обеспечивающим не только реализацию велений власти, но и развитие общественных отношений, выступает право. Если право соответствует объективной реальности, уровню общественных отношений, отражает закономерности общественного развития, реагирует на изменения социума, имеет в своем арсенале эффективные средства правового опосредования отношений, то оно может обеспечить движение по пути прогрессивных изменений. Создание и существование такого права является самостоятельной проблемой, поиск решения которой привел к необходимости проведения определенной политики в сфере права и формированию в последующем научного направления — теории правовой политики.

Упоминая об истоках правовой политики, чаще всего указывают на работы И. Бентама. По заключению ученого, «...величайшее счастье целого общества быть целью или объектом внимания каждой отрасли права» [1]. Иными словами, правовая политика занимается решением вопросов о том, какими правовыми средствами и способами возможно достижение определенной социально полезной цели при наименьших затратах и с минимумом отрицательных последствий.

В приведенном взгляде на правовую политику четко выражается ее прикладной характер. Именно потребность в эффективном законодательстве, совершенствовании всех видов правоприменительной деятельности, в правовых средствах реализации целей субъектов правотворчества породила осознание в проведении определенной политики в области права. Указывая на значение правовой политики для юридической практики, Л.И. Петражицкий отмечал, что ее миссия заключается в сознательной выработке направления движения человечества, в каком оно двигалось путем простого эмоционального и эмпирического приспособления, а значит, в ускорении движения к великому идеалу будущего [2, с. 97]. В современных исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов также подчеркивается подобный характер предназначения правовой политики — совершенствование правового регулирования и действующего права в соответствии с социальными ценностями в направлении наиболее полной реализации целей общественного развития (реализации идей и принципов правового государства, гражданского общества, социальной стабильности, осуществления прав и свобод человека и гражданина и т. д.) [3, с. 153].

Необходимость определения закономерностей развития права, сложность самого феномена правовой политики, роль, которую она призвана играть в деле совершенствования правовой сферы, обусловили пристальное внимание к этому явлению. В последнее двадцатилетие правовая политика стала весьма перспективным и результативным направлением научных разработок в российской юридической науке.

В результате теоретических исследований предложен ряд подходов к пониманию правовой политики, форм ее реализации, проведен анализ многих

видов правовой политики, ее средств, разработана концепция правовой политики, а также концепции ее видов, как по отраслям права, так и по различным проблемным блокам правовой действительности (например, концепция правоохранительной политики). В изданных за последние пять лет работах по вопросам правовой политики определяются ее основные направления, принципы, подчеркивается ее значение и необходимость дальнейшего изучения.

Однако некоторые теоретические аспекты правовой политики продолжают оставаться малоизученными. Одним из них является, на наш взгляд, функциональная характеристика рассматриваемого феномена, в которой как раз и выражается служебная роль и значение правовой политики для развития правовой действительности.

Изучение многих государственно-правовых явлений сопровождается анализом их функциональной составляющей. Так, довольно глубоко и подробно изучены функции права, функции государства, функции юридической ответственности, функции норм права, функции юридической практики и др. Посредством рассмотрения функций того или иного явления выявляются его характерные черты и признаки, сущность и цели, связи с другими явлениями, процессами, социальными системами и т. д., что свидетельствует о достаточной продуктивности функционального метода исследования явлений правовой сферы.

При этом важно отметить, что определение функций явлений юридической сферы не отличается тождественностью в предлагаемых авторами вариантах. Границы предикатного поля функций различных элементов правовой системы весьма широки — от деятельности до социального предназначения. Максимально распространенным пониманием выступает рассмотрение направления их влияния (воздействия), в котором отражается сущность, социальное назначение явления и закономерности его существования и развития [4, с. 168]. Тесная взаимосвязь правовой политики с элементами правовой системы общества позволяет говорить об обоюдном влиянии их друг на друга, в котором раскрываются взаимозависимость и существующая детерминация между ними. Без анализа последней рассчитывать на выработку адекватной модели развития правовой системы общества, на эффективную правовую политику, соответствующую веяниям времени и потребностям юридической практики, не приходится.

Представляется, что в качестве самых общих характерных черт функций правовой политики можно назвать следующие:

- а) это наиболее устойчивые направления воздействия правовой политики на правовую систему, зависящие от ее потребностей и уровня развития;
  - б) содержание функций правовой политики имеет и объективную, и субъективную составляющие;
  - в) каждая из функций правовой политики есть показатель ее воздействия на определенную сферу правовой системы, а также ответ на ее потребности;
  - г) реализация функций правовой политики с учетом того, что государство является доминирующим субъектом ее формирования и осуществления, обеспечивается властно-распорядительными средствами;
  - д) в функциях правовой политики раскрывается не только ее предназначение как явления, но и реальная востребованность и полезность.
-

Таким образом, функции правовой политики — это детерминированные потребностями и уровнем развития правовой системы и ее элементов основные направления воздействия правовой политики на них, выражающие ее предназначение, реализация которых обеспечивается властно-распорядительными средствами.

К функциям правовой политики можно отнести гносеологическую, оценочную, прогностическую, интеграционно-организационную, контрольную, правопреобразующую, депозитарную. Такой перечень основных направлений воздействия правовой политики, реализуемых в правовой сфере, не претендует на исключительность или бесспорность. В дальнейшем при изучении сторон и направлений реализации правовой политики, ее взаимодействия с окружающей правовой действительностью исследователями могут быть обнаружены и иные функции, в зависимости от новых аргументов или закономерностей развития и политики, и права.

Наше же видение функций правовой политики строится на ее понимании как двуединого явления, в котором неразрывно присутствуют две составляющие — идеологическая и деятельностная. А потому и выделенные функции привязаны к этим двум сторонам содержания правовой политики. При этом одной из задач, стоящих перед автором в рамках данной работы, выступает определение и раскрытие таких функций правовой политики, которые исключали бы их переплетение и смешение с формами этого явления (правотворческой, правореализационной, правоинтерпретационной и иными).

Гносеологическая функция непосредственно связана с идеологической составляющей природы правовой политики. Осуществляющие политику в сфере права субъекты сначала познают правовую действительность, устанавливая имеющиеся закономерности развития правовой системы и ее элементов, чтобы обеспечить адекватное и планомерное воздействие на них в преобразовательных или иных целях. Надо отметить, что в арсенале правовой политики имеется весьма богатый набор средств, обеспечивающих познание окружающей правовой сферы — от элементарного наблюдения и сравнения до систематической мониторинговой деятельности.

В тесной связи с гносеологической находится оценочная функция правовой политики, как и первая, предопределяемая теоретико-идеологической составляющей. Она проявляется по отношению к различным срезам правовой системы и действительности и в различных случаях. Так, например, оценочные отношения складываются в процессе определения состояния и качества правовой сферы. Правовая политика запускает свои механизмы в соответствии и на основании полученных данных о состоянии правовой системы и отдельных ее элементов. Путь формирования предложений о возможных вариантах преобразования и совершенствования отдельных элементов правовой системы всегда начинается с использования средств выявления реального положения дел в объекте воздействия, т. е. с оценки уровня и степени действенности, эффективности и адекватности сложившимся условиям.

Кроме этого оценочная функция правовой политики осуществляется и на этапе оценки эффективности средств проводимых преобразований, что необходимо для обеспечения своевременной их замены, усиления и т. д.

Следующая в представленном ряду функций — прогностическая — выступает как бы логическим следствием первых двух, которые так или иначе связаны с критическим познанием и оценкой правовой системы и ее элементов и направлены на исправление, преодоление недостатков их работы. При этом, естественно, субъекты правовой политики не останавливаются на получении информации о состоянии преобразуемой сферы и на ее оценке, а всегда рассматривают возможные варианты ее развития в случае, если ее «оставить в покое», и в случае воздействия на нее, т. е. просчитывают ее будущее, прогнозируют его.

Прогностическая функция напрямую зависит от информационного и аналитического ресурса правовой политики. Основной целью правовой политики в рамках этого направления выступает определение тенденций и закономерностей развития правовых явлений в будущем, расчет на обеспечение прогрессивного развития со стороны правотворчества и иной юридической деятельности.

Интеграционно-организационная функция правовой политики предопределяется целями обеспечения стабильности и развития общества в целом и его юридической составляющей. Естественно, что максимально полезный результат может быть достигнут при объединении усилий — как государственных институтов, так и институтов гражданского общества. Выработка платформы координационного взаимодействия, его критериев и ориентиров, придание целенаправленного характера, необходимого единства возможно в рамках продуманной и научно обоснованной правовой политики. Правовая политика выступает источником формирования приоритетных направлений развития правовой системы и определения стратегии ее развития.

Контрольная функция правовой политики обусловлена тем, что основными субъектами такой политики выступают располагающие властными полномочиями органы и лица. Осуществляемая ими властно-распорядительная деятельность в сфере права, выражающаяся в правотворческой, правоисполнительной и иных формах, предполагает и осуществление контроля над порядком реализации различных направлений правовой политики. Причем, контрольная составляющая — важнейшее обеспечительное средство правовой политики.

Нередко при осуществлении правовой политики, например, в правотворческой ее форме, в отношении принимаемого или совершаемого акта (документа или действия) устанавливаются организационные и нормативные гарантии надлежащего претворения их на практике. Так, реализация нормативного акта обеспечивается рядом условий, как то: четким определением исполнителей, принятием иного необходимого нормативного акта или «пакета» актов, а также установлением лиц, на которых возлагается контроль за действием акта.

Средством и методом осуществления контрольной функции правовой политики, как и оценочной, выступает мониторинговая деятельность, позволяющая отслеживать и порядок реализации направлений правовой политики, и адекватность применяемых средств, и их эффективность, а также своевременно устанавливать просчеты и ошибки в процессе проведения соответствующих мероприятий.

Правопреобразующая функция правовой политики не замыкается только на изменении действующего права и законодательства, а понимается нами гораздо шире, применительно ко всем составляющим правовой сферы.

Правовая политика, представляя собой деятельность заинтересованных и полномочных субъектов в сфере права, выраженную в различных формах, направлена не только на выработку стратегии развития правовой действительности. Субъекты правовой политики активно преобразуют эту действительность в рамках своей компетенции. Так, например, Президент РФ, осуществляя свои полномочия, имеет право принимать нормативные правовые акты, которые составляют часть системы законодательства, изменяют и дополняют ее, являются средствами его правовой политики и средствами преобразования правовой сферы. То же самое можно сказать и в отношении иных субъектов и видов правовой политики. А поскольку элементы правовой системы в силу ее системных свойств находятся в единстве, изменения формы и содержания права влекут преобразования в иных составляющих.

Депозитарная функция правовой политики отражает ее значение как особого рода социальной практики. Ее субъекты, формируя основные тактические направления развития правовой действительности и реализуя их, накапливают опыт, выступающий эмпирической основой их деятельности. Указанный опыт может быть как позитивным, так и негативным. Однако и в первом, и во втором случаях играет положительную роль в формировании самой правовой политики и в преобразовании правовой сферы. С этих позиций правовая политика может рассматриваться как феномен культуры, ценность соответствующего этапа развития общественных отношений.

Таким образом, значение и роль правовой политики как сложного, соединяющего в себе теоретико-концептуальную и деятельностьную составляющую явления, раскрываются в основных направлениях ее воздействия на правовую сферу. Обозначенный перечень их функций детерминирован природой и содержанием правовой политики.

Список литературы:

1. Bentham, G. Fragment on Government. URL: <http://www.efm.bris.ac.uk/net/bentham/government/htm> (дата обращения: 08.01.2015).
2. Петражицкий, Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. Основы эмоциональной психологии. — 3-е изд. / Л.И. Петражицкий. — СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1908. — 265 с.
3. Рудковский, В.А. Правовая политика и осуществление права / В.А. Рудковский; под ред. Н.Н. Вопленко. — Волгоград: ВА МВД России, 2009. — 336 с.
4. Байтин, М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. — Саратов: СГАП, 2001. — 416 с.

References:

1. Bentham, G. Fragment on Government. URL: <http://www.efm.bris.ac.uk/net/bentham/government/htm> (data obrashhenija: 08.01.2015).
2. Petrazhickij, L.I. Vvedenie v izuchenie prava i npravstvennosti. Jemocional'naja psihologija. Osnovy jemocional'noj psihologii. — 3-e izd. / L.I. Petrazhickij. — SPb.: Tip. Ju. N. Jerlih, 1908. — 265 s.
3. Rudkovskij, V.A. Pravovaja politika i osushhestvlenie prava / V.A. Rudkovskij; pod red. N.N. Voplenko — Volgograd: VA MVD Rossii, 2009. — 336 s.
4. Bajtin, M.I. Sushhnost' prava (sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) / M.I. Bajtin. — Saratov: SGAP, 2001. — 416 s.

В.Э. Козацкая,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры гражданского права
и процесса,
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения
наказаний России

Д.А. Толченкин,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры теории государства
и права,
международного и европейского права,
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения
наказаний России

V.E. Kozatskaya,
Candidate of Law,
Academy of Law and Management of the
Federal Penal Service of Russia

D.A. Tolchenkin,
Candidate of Law, Associate Professor,
Academy of Law and Management of the
Federal Penal Service of Russia

Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ как источник права в материальном и идеальном смысле

Аннотация: институт посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ функционирует с 1994 г., когда на программно-идеологическом уровне заговорили об укреплении государства. Мировой истории этот институт известен еще в XVIII в. На сегодняшний день имеется достаточно мало специализированных юридических исследований, посвященных анализу правовой природы посланий Президента через призму основных подходов к источникам права — материального и идеального. В настоящей статье авторы, с учетом исторического и аксеологического подходов, дают характеристику правовой природы посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ как источнику права в материальном и идеальном смысле, определяют их роль и функции в российской правовой системе XXI в. Цель статьи — актуализировать концептуальную роль посланий Президента РФ в современной России, способствовать осмыслению такой неоднозначной и спорной в науке теории права категории, как «источник права». В процессе исследования авторы пришли к выводу, что послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ многофункциональны по своей правовой природе. Таким образом, послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ могут быть квалифицированы как источник права в идеальном и материальном смысле.

Ключевые слова: право, государство, правовое государство, черты и тенденции развития права, правовая система, послание Президента РФ, источник права.

The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation as a source of law in the material and the ideal sense

Abstract: institute of messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation received its implementation in the state since 1994, when the software and the ideological level, talking about the strengthening of the state. World history this Institute is known in the XVIII century. To date, very little specialized legal research into the legal nature of the messages of the President through the prism of the main approaches to the sources of law — material and ideal. In this article the authors, taking into account the historical and axiological approaches, give a characterization of the legal nature of the messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation as a source of law in the material and ideal sense, define their role and functions in the Russian legal system of the twenty-first century. The article is intended to update the conceptual role

---

of the annual messages of the President of the Russian Federation in modern Russia, to take a step towards understanding such ambiguous and controversial in the science of the theory of law as a source of law, revealing its incarnation as material and ideal start. During the study, the authors came to the conclusion that the message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of the multipurpose national, according to its nature. In the article the authors make a conclusion that the message of the President of the Russian Federation Federal Assembly can be qualified as a source of law in the ideal and the material sense.

Keywords: law, government, legal state, law of Russia, traits and tendencies of development of the law, the legal system, the message of the President of Russian Federation, the source of law.

Накопившиеся проблемы и кризисные явления в развитии российского общества определили приоритетные направления современной правовой политики, среди которых первоочередными являются: укрепление демократии; формирование оптимальных форм взаимодействия государства, права и общества; оптимизация баланса в разделении властей; разработка и совершенствование законодательства, отвечающего современным реалиям государства; устранение проблем федерального устройства; развитие институтов гражданского общества; стимулирование социальной активности личности; усиление нравственных основ общества и т. д. [1]. 12 декабря 2012 г. в своем послании В.В. Путин заявил об общегосударственной идее богатой и благополучной России. «Для России характерна традиция сильного государства. Поэтому именно государству сегодня адресованы основные общественные запросы: обеспечить гарантии гражданских прав и справедливость, снизить уровень насилия и социального неравенства» [2]. В послании Президента РФ от 12 декабря 2013 г. был сделан акцент на двух базовых приоритетах государства, закрепленных в Конституции РФ, что представляет основу правовой политики государства, — высочайший статус прав, свобод граждан и сильное государство, их взаимная обязанность — уважать и защищать друг друга [3].

Особое значение приобретает необходимость правового регулирования материальных и духовных ценностей, а также их обеспечение. Под общезначимыми ценностями мы понимаем ценности, имеющие форму явлений, отношений, фактов, вида деятельности, поведения, состояния, потребности (интереса), качества (меры), цели, блага и пр., обладающие в силу исторического развития актуальностью, значимостью, общественным признанием, абсолютностью, способностью обеспечения безопасности, удовлетворение и реализация которых влияет на эволюцию человеческого рода, общества и государства, а также их благополучие. Представляется, что на уровне государства о провозглашении общезначимых ценностей свидетельствуют не только положения нормативных правовых актов, но и ежегодные послания Президента РФ, которые своевременно актуализируют необходимость правового регулирования наиболее значимых ценностей (отношений).

Институт посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ получил свою реализацию с 1994 г., когда на программно-идеологическом уровне заговорили об укреплении государства [4]. С 1997 г. стали выходить бюджетные послания Президента РФ Правительству РФ. На основании п. «е» ст. 84 Конституции РФ Президент РФ обращается к Федеральному Собранию РФ с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных положениях

внутренней и внешней политики государства. Анализируя тенденции правовой политики государства, следует признать, что российское право в 2000–2014 гг. приобретает программный характер, цели и задачи правовой политики государства ежегодно определяются в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ. Иным официальным источником являются доклады Совета Федерации Федерального Собрания РФ о состоянии законодательства в Российской Федерации, посвященные разноплановой тематике, отражающие цели и задачи развития государства на определенный год. Особое значение в российской правовой системе стали иметь концепции, программы, стратегии развития государства, закрепляющие реализацию правовой политики государства в определенный период.

Развитие права в нашей стране требует критического переосмысления ряда фундаментальных категорий. К числу таковых, требующих углубленной разработки, относится категория «источники права». В общей теории права сложилась многозначность и нечеткость самого понятия источника права. Оно принадлежит к числу наиболее неясных в теории права. Не только нет общепризнанного определения этого понятия, но даже спорным является сам смысл, в котором употребляется словосочетание «источник права». Ведь «источник права» — это не более как образ, который скорее должен помочь пониманию, чем дать понимание того, что обозначается этим выражением. В самом деле, под источником права понимают и материальные условия жизни общества (источник права в материальном смысле), и совокупность идей, воззрений, концепций, взглядов, определяющих основные векторы правообразования в государстве (источник права в идеальном смысле), и причины юридической обязательности нормы (источник права в формальном смысле), и материалы, посредством которых мы познаем право (источник познания права). Кроме того, ряд авторов, отечественных и зарубежных, выделяют исторические источники права, убедительно доказывая связь права с конкретными историческими особенностями развития данного государства.

В условиях такой многозначности использование данного понятия в качестве научной категории связано с серьезными проблемами. В связи с этим получают свою актуальность историческая и реалистическая школы права, свидетельствующие о его исторической и аксеологической обусловленности. С опубликованием посланий формируется перечень поручений органам государственной власти и их должностным лицам с указанием конкретных сроков их исполнения. Анализ ежегодных посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ за период 2000–2014 гг. позволил выявить следующие основные признаки данного института: являются источником права в идеальном и материальном смысле; проявляют свойства (признаки) стадийности в процессе правообразования; выполняют программно-идеологическую и отчетную функцию; способствуют актуализации и консолидации ценностей; определяют основные векторы развития правовой политики и правовой системы государства; расставляют приоритеты в механизме правового регулирования; являются инструментом усиления и централизации власти главы государства; выполняют интегративную и воспитательную функцию; обеспечивают адаптацию государства к условиям развития общества на конкретном этапе;

обеспечивают преемственность и последовательность выбранного курса во внутренней и внешней политике; имеют свойство правовой доктрины; консолидируют государство и общество; обеспечивают мониторинг развития формы государства; обуславливают оперативное функционирование механизма государства, повышение уровня исполнительской дисциплины органов государственной власти и их должностных лиц при реализации государственной политики; выступают способом оперативного реагирования путем создания и реализации системы поручений; свидетельствуют об объеме конституционных полномочий президента; отражают реальную политическую и социально-экономическую ситуацию в стране и мире.

Список литературы:

1. Полищук, Н.И. Гуманистическая идея в формировании современной правовой системы России // Культура и цивилизация в глобализующемся мире: актуальные, социально-гуманитарные и правовые проблемы : сборник материалов по итогам II научно-практической конференции, 7 декабря 2012 г. — Коломна, 2013. — С. 113–115.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. — 2012. — 13 дек.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. — 2013. — 13 дек.
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 24 февраля 1994 г. // Российская газета. — 1994. — 25 февр.

References:

1. Polishhuk, N.I. Gumanisticheskaja ideja v formirovanii sovremennoj pravovoj sistemy Rossii // Kul'tura i civilizacija v globalizujushhemsja mire: aktual'nye, social'no-gumanitarnye i pravovye problemy : sbornik materialov po itogam II nauchno-prakticheskoi konferencii, 7 dekabrja 2012 g. — Kolomna, 2013. — S. 113–115.
2. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju RF ot 12 dekabrja 2012 g. // Rossijskaja gazeta. — 2012. — 13 dek.
3. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju RF ot 12 dekabrja 2013 g. // Rossijskaja gazeta. — 2013. — 13 dek.
4. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju RF ot 24 fevralja 1994 g. // Rossijskaja gazeta. — 1994. — 25 fevr.

Д.Е. Петров,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории государства и права
Саратовской государственной
юридической академии*

D.E. Petrov,

*Candidate of Law,
Associate Professor,
Saratov State Law Academy
dpetrov.saratov@mail.ru*

Единство и различие метода и способа правового регулирования

Аннотация: научная разработка вопроса о методе правового регулирования непосредственно связана с повышением эффективности правового регулирования и соответственно — возрастанием роли права в осуществлении политики, задач и функций государства. Цель работы — проанализировать соотношение категории «метод правового регулирования» со смежной категорией «способ правового регулирования». Проанализированы имеющиеся в юридической науке точки зрения по данному вопросу, подверглись критике суждения, отождествляющие данные категории, рассмотрены векторы

их соотношения. Метод правового регулирования рассматривается в зависимости от его принадлежности к конкретной разновидности нормативных образований — юридической нормы, института, отрасли или права в целом. Тем самым, объем понятия «метод правового регулирования» связывается с тем или иным уровнем системы права.

Ключевые слова: метод правового регулирования, способ правового регулирования, отрасль права, дифференциация, система права.

The unity and diversity of method and ways of legal regulation

Abstract: scientific development of the question of the method of legal regulation, is directly related to improving the efficiency of legal regulation and accordingly — increasing the role of law in the implementation of policies, objectives and functions of the state. Purpose — to analyze the relationship category “method of legal regulation” with an adjacent category “ways of legal regulation”. Analyzed available in legal science point of view on the issue of correlation of the categories “method of legal regulation” and “ways of legal regulation”, criticized the judgment, equate these categories are considered vectors of their relations. Method of legal regulation is seen as depending on its belonging to a particular variety of regulatory formations — legal norms, institution, branch, or law in General. Thus the scope of the method of legal regulation” is associated with one or another level system of law.

Keywords: method of legal regulation, ways of legal regulation, branch of law, differentiation, system of law.

Разработка вопроса о методе правового регулирования непосредственно связана с повышением эффективности права и соответственно — возрастанием его роли в осуществлении политики, задач и функций государства.

Категория метода правового регулирования должна применяться для характеристики регулирующего воздействия на общественные отношения различных правовых образований. В зависимости от вида последних следует различать: 1) общий (общеправовой) метод регулирования, характеризующий регулирующее воздействие права в целом; 2) отраслевой (общеправовой) метод, раскрывающий специфику регулирования отдельной отраслью права соответствующего рода общественных отношений; 3) метод регулирования определенного вида или комплекса отношений правовым институтом; 4) метод регулирования, присущий отдельной юридической норме.

Такой подход вносит определенность в споры о методе правового регулирования, не позволяет ограничиться ни рассмотрением его безотносительно к конкретным правовым образованиям, ни применением данной категории исключительно к одному из них: либо к праву в целом [1, с. 52, 97], либо к его отраслям, либо к правовым институтам [2, с. 117], либо к отдельным юридическим нормам [3, с. 79, 82].

Вопрос о соотношении метода и способа правового регулирования непосредственно связан с представленной дифференциацией объема понятия «метод правового регулирования».

На первичном уровне системы права — уровне отдельных разновидностей юридических норм — метод регулирования получил первоначальную характеристику, не позволяющую различать его с понятием способа правового регулирования. Исходя из способов воздействия на поведение (убеждение, поощрение, принуждение), В.М. Горшенев сформулировал четыре метода (способа) правового регулирования, которые выражаются в «установлении с помощью нормы права определенного (возможного и должного) состояния

воли субъектов в их взаимоотношении друг с другом, а также относительно желаемых результатов их поведения» [3, с. 62].

В связи с этим принято выделять сообразно характеру соответствующих норм лишь такие основные методы правового регулирования, как императивный (метод властного приказа), диспозитивный (метод правовой автономии), поощрительный, рекомендательный.

Данная классификация методов, с одной стороны, правильна и представляет определенную ценность, с другой — недостаточна и отражает несколько упрощенный подход к ней. Ибо очевидно, что с учетом новых данных учения о юридической норме дальнейшая разработка вопроса об отраслевых методах правового регулирования должна связываться с использованием классификации норм права и по другим основаниям, в том числе по характеру их целевой направленности, по которому можно выделить, например, компетенционные, коллизионные, восстановительные, компенсационные и иные нормы [4, с. 236–237, 211–238].

На протяжении нескольких десятилетий в отечественной юридической науке метод правового регулирования, так или иначе, соотносится со способом правового регулирования. Причем на уровне норм права соотносимые категории наиболее близки. И все же способами правового регулирования принято считать три регулятивных оператора — дозволение, обязывание и запрет.

Вряд ли оправданно определять способ правового регулирования как систему правовых предписаний и вкладывать в его содержание комплекс определенных юридических средств и приемов, а также процедур их использования [5, с. 62, 95]. Это, во-первых, противоречит сути дозволений, обязываний и запретов как наиболее простых и понятных, повсеместно используемых и исчерпывающих регулятивных операторов, зародившихся на этапе формирования зачатков права в первобытном обществе [6, с. 24]. Во-вторых, это приводит к отождествлению способа с методом регулирования крупных нормативных образований — сложных институтов и отраслей, где как раз чаще всего и указывается на множество средств и приемов.

Какие бы попытки к расширению категории способа не предпринимались, все в конечном итоге сводится к «инструментам выражения государственной воли общества в конкретных условиях», «конкретным правовым велениям», «властным распоряжениям» относительно предоставления права, выполнения обязанности или запрета социально-вредного поведения, выраженным соответственно в дозволении, обязывании и запрете [5, с. 71]. Более широкая характеристика отражает основанный на соответствующих способах метод правового регулирования, включающий, кроме них, соответствующие приемы и средства.

Поэтому более правильно определение способа правового регулирования как установленной в нормах права юридически значимой информации, содержащей позицию государства касательно существующих или будущих общественных отношений (недопустимость, необходимость, желательность либо нейтральную позицию — запрет, позитивное обязывание и дозволение соответственно), обладающей свойством оказывать при помощи общего психологического и специального юридического механизма воздействие на поведение людей [7, с. 10]. Заслуживает внимания и вектор соотношения, при котором «способы правового регулирования — первичные, исходные клеточки правовой материи, а методы — это в определенном смысле производные от них инструменты» [7, с. 15].

В вопросе об объеме понятия «метод правового регулирования» следует проводить четкое его разграничение относительно норм, институтов, отраслей и права в целом во избежание излишней полемики и не всегда применимых абстрактно-теоретических рассуждений безотносительно конкретного объекта исследования. Метод правового регулирования должен рассматриваться в зависимости от объема правовой общности, так же как предмет правового регулирования представляет собой определенный объем регулируемых отношений [8].

Не все ученые соглашаются с широко распространенным утверждением, что каждая отрасль права имеет свой метод правового регулирования [5, с. 110]. Действительно, анализ соотношения дозволений, обязываний и запретов в любой их комбинации не сможет охарактеризовать отраслевой метод правового регулирования. Различение дозволений, обязываний и запретов позволяет более внимательно рассмотреть правовое регулирование вообще или, как его представляет В.Д. Сорокин, общий метод правового регулирования. На это обращается специальное внимание: «разнообразное сочетание трех способов в рамках метода правового регулирования есть показатель его гибкости и универсальности, что и делает метод правового регулирования одним из самых эффективных средств организационного государственно-властного воздействия на поведение людей в обществе» [5, с. 103]. Справедливости ради следует указать, что и В.Д. Сорокин отмечал: «От соотношения названных компонентов зависят особенности методов правового регулирования в различных отраслях советского социалистического права», а каждая отрасль права «нуждается в специфическом сочетании всех трех его (метода. — Д.П.) составных частей» [9, с. 39; 1, с. 115]. По сути, полного отрицания отраслевого метода ему выдержать не удалось, и автор все же приходит к признанию специфики правового регулирования каждой отрасли права.

Как мы видим, для характеристики общего метода правового регулирования требуется указать на составляющие его дозволения, обязывания и запреты, чтобы показать, в чем же заключается регулирование правом общественных отношений и как оно осуществляется. Дифференциация правового регулирования в отраслях права, отражение специфики отраслей не могут быть охарактеризованы простейшими методами — императивным, диспозитивным, поощрительным или рекомендательным правовым регулированием. Попытки назвать метод правового регулирования той или иной отрасли права, что называется, «одним словом», по преобладанию или комбинации способов правового регулирования, обречены на критику.

Метод правового регулирования выступает специально-юридическим системообразующим фактором для системы права и применительно к отрасли права представляет собой концентрированное выражение ее содержания и социального назначения — совокупность специфически-юридических черт отрасли права, отражающих обусловленные прежде всего определенным родом общественных отношений способы, приемы, средства регулирования и юридические процедуры.

Список литературы:

1. Сорокин, В.Д. Метод правового регулирования (Теоретические проблемы) / В.Д. Сорокин. — М.: Юридическая литература, 1976. — 143 с.
-

2. Шейндлин, Б.В. Сущность советского права / Б.В. Шейндлин. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. — 139 с.
3. Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В.М. Горшенев. — М.: Юридическая литература, 1972. — 258 с.
4. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. — Саратов: Изд-во СГАП, 2001. — 416 с.
5. Кулапов, В.Л. Способ правового регулирования / В.Л. Кулапов, И.С. Хохлова. — Саратов: Саратовская государственная академия права, 2010. — 176 с.
6. Алексеев, С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. — М.: Юридическая литература, 1989. — 288 с.
7. Игнатенкова, К.Е. Дозволение как способ правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.Е. Игнатенкова. — Саратов, 2006. — 27 с.
8. Петров, Д.Е. Предмет правового регулирования: понятие, аспекты, взаимосвязи // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2002. — № 3. — С. 68–72.
9. Сорокин, В.Д. Административно-процессуальное право / В.Д. Сорокин. — М.: Юридическая литература, 1972. — 240 с.

References:

1. Sorokin, V.D. Metod pravovogo regulirovanija (Teoreticheskie problemy) / V.D. Sorokin. — M.: Juridicheskaja literatura, 1976. — 143 s.
2. Shejndlin, B.V. Sushhnost' sovetskogo prava / B.V. Shejndlin. — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1959. — 139 s.
3. Gorshenev, V.M. Sposoby i organizacionnye formy pravovogo regulirovanija v socialisticheskom obshhestve / V.M. Gorshenev. — M.: Juridicheskaja literatura, 1972. — 258 s.
4. Bajtin, M.I. Sushhnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dnuh vekov) / M.I. Bajtin. — Saratov: Izd-vo SGAP, 2001. — 416 s.
5. Kulapov, V.L. Sposob pravovogo regulirovanija / V.L. Kulapov, I.S. Hohlova. — Saratov: Saratovskaja gosudarstvennaja akademija prava, 2010. — 176 s.
6. Alekseev, S.S. Obshhie dozvoleniija i obshhie zaprety v sovetskom prave / S.S. Alekseev. — M.: Juridicheskaja literatura, 1989. — 288 s.
7. Ignatenkova, K.E. Dozvolenie kak sposob pravovogo regulirovanija : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / K.E. Ignatenkova. — Saratov, 2006. — 27 s.
8. Petrov, D.E. Predmet pravovogo regulirovanija: ponjatie, aspekty, vzaimosvjazi // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava. — 2002. — № 3. — S. 68–72.
9. Sorokin, V.D. Administrativno-processual'noe pravo / V.D. Sorokin. — M.: Juridicheskaja literatura, 1972. — 240 s.

В.Н. Барсукова,

*кандидат юридических наук, доцент,
кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии*

V.N. Barsukova,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy*

Eva-kvestor@rambler.ru

Обязанность уважать честь и достоинство человека в структуре правового статуса личности

Аннотация: работа посвящена исследованию особенностей обязанности уважать честь и достоинство человека. Цель работы заключается в анализе вопросов, касающихся специфики проявления указанной обязанности, а также разработке на этой основе теоретических положений, выводов

и рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере. Предметом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с реализацией защиты указанных выше нематериальных благ, теоретические концепции и воззрения ученых, касающиеся обозначенных вопросов, нормы права, регулирующие порядок работы рассматриваемого механизма, а также правоприменительная практика. Методологической основой исследования является диалектико-материалистический метод познания правовой действительности, наряду с которым были также использованы общенаучные — анализа и синтеза, логический — и частнонаучные — системно-структурный, моделирования, формально-юридический, сравнительно-правовой и другие методы. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что юридическая обязанность каждого человека и общества в целом уважать честь и достоинство других людей выражается в основном в виде запрета распространять порочащую, недостоверную информацию; юридическая обязанность государства уважать честь и достоинство своих граждан — напротив, выражается в основном в виде активных действий, направленных на обеспечение достойного уровня их существования и предоставление качественной юрисдикционной защиты. Кроме того, автор отстаивает позицию, что юридическая обязанность уважать честь и достоинство человека тесно взаимосвязана с ответственностью.

Ключевые слова: честь и достоинство; юридическая обязанность; ответственность; запрет; активные действия.

The duty to respect the honor and dignity of the person in the structure of the legal status of a person

Abstract: the article is devoted features of the obligation to respect the honor and dignity of the person. Purpose of work is analyze matters relating to the specificity of the expression of these responsibilities, as well as development on this basis of theoretical propositions, conclusions and recommendations designed to improve legislation in this area. The subject of the study are the social relations arising in connection with realization the protection of the above intangible benefits, theoretical concepts and views of scientists on defined issues, rules of law regulating the procedure for operation considered mechanism, as well as law enforcement. The methodological basis of the study is the dialectical materialist method of knowledge of legal reality, along with which were also used general scientific — analysis and synthesis, logic, and system-structural, simulation, formal-legal, comparative legal and other methods. During research the author concludes that the legal obligation of every person and of society as a whole to respect the honor and dignity of others is expressed mainly in the form of prohibition to distribute defamatory, false information; legal duty of the State to respect the honor and dignity of its citizens on the other hand is expressed mainly in the form of active actions aimed at ensuring a decent standard of their existence and the provision of quality of jurisdictional protection. The author also defends the position that the legal obligation to respect the honor and dignity of the person is closely linked with responsibility.

Keywords: honor and dignity; legal obligation; responsibility; prohibition; action.

Право человека на честь и достоинство является важнейшим элементом правового статуса личности. Вопросам его характеристики в юридической литературе уделяется достаточно много внимания, чего нельзя, к сожалению, сказать о корреспондирующей данному праву обязанности государства, общества и каждого отдельно взятого его члена соблюдать данное право. Вместе с тем единство прав и обязанностей граждан есть важнейшая черта правовой системы. Классическая формула гласит: «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав». Обязанность, корреспондирующая праву на честь и достоинство, является одним из важнейших элементов юридического статуса личности.

Учитывая многогранный характер права на честь и достоинство, корреспондирующая ему обязанность носит неоднозначный характер.

Применительно к чести и достоинству приоритетное значение принадлежит такой форме юридической обязанности, как правовой запрет, который выражается в необходимости воздержания от определенных активных действий. Ни один закон, ни одно государство со всей его принудительной силой не в состоянии заставить человека иметь то либо иное мнение о другом лице. При этом каждый член общества обязан воздержаться от распространения сведений о том либо ином лице, которые порочат его честь и достоинство и противоречат действительности. Наличие данной обязанности делает право на честь и достоинство абсолютным правом. Законодательство также содержит запрет применять пытки, насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание, подвергать человека без его добровольного согласия медицинским, научным или иным опытам. Государство также обязано выполнять ряд запретов в интересах обеспечения права на честь и достоинство своих граждан. В связи с этим Конституция РФ запрещает вмешательство государства в частную жизнь человека, нарушение его личной и семейной тайны, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Конституция РФ запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия.

Обязанность, выражающаяся в необходимости совершать определенные действия, применительно к чести и достоинству характерна в основном для государства. Во-первых, государство обязано предоставить своим гражданам своевременную, справедливую защиту их права на честь и достоинство, реализуемую на началах законности, равенства перед законом и судом, состязательности, гласности, независимости судей и т. д. Юрисдикционная форма защиты, используемая государством, реализуется в первую очередь посредством предоставления судебной защиты. При этом решение суда о защите чести и достоинства подлежит принудительному исполнению соответствующими органами (ФССП РФ). Во-вторых, государство обязано обеспечить своим гражданам условия для достойного существования, как в материальном, так и духовном смысле. Данная обязанность реализуется путем предоставления материального и социального обеспечения лицам, в силу возраста или состояния здоровья не способным самостоятельно обеспечить себя, возможности трудиться и получать достойное вознаграждение иными гражданам, свободы экономической деятельности, качественного образования и здравоохранения, доступа к культурным ценностям, обеспечения личной неприкосновенности и безопасности, презумпции невиновности и т. д. Без преувеличения, рассматриваемая обязанность реализуется посредством обеспечения всех основных прав и свобод человека и гражданина. В-третьих, должностные лица органов государственной власти и местного самоуправления, в том числе судьи, прокуроры, сотрудники полиции, органы принудительного исполнения, государственные и муниципальные служащие обязаны уважительно относиться к гражданам независимо от их социального статуса. Уважение к чести и достоинству человека, попавшего в сферу деятельности того либо иного органа публичной власти, независимо от того, является ли он заявителем, истцом, потерпевшим, ответчиком, обвиняемым, подсудимым, осужденным, заключенным, свидетелем и т. п., проявляется, с

одной стороны, в уважении к правам и свободам данного человека, а с другой стороны, в вежливом, корректном отношении, не допускающем грубости, унижений, зато предполагающем желание откликнуться на просьбу лица о помощи. Отношения между представителями государства и гражданами должны строиться исключительно в рамках этики делового общения.

Наконец, юридическая обязанность тесно взаимосвязана с категорией юридической ответственности, которая тоже является неизменным атрибутом правового статуса личности. В современной теории права различают негативную (ретроспективную) и позитивную (перспективную) ответственность. В традиционном (ретроспективном) понимании юридическая ответственность понимается как «возникшее из правонарушений правовое отношение между государством в лице его специальных органов и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение, за нарушение требований, которые содержатся в нормах права» [1, с. 447]. Относительно позитивной ответственности Н.И. Матузов отмечает, что она есть не что иное, как «мера требовательности к себе и другим, глубокое понимание интересов государства, общества, добросовестное и активное выполнение своего гражданского долга. Она вытекает из реального социально-правового статуса субъекта и может быть названа статусной ответственностью» [2, с. 196]. Не оспаривая достоинств теории позитивной ответственности, мы все-таки считаем возможным присоединиться к мнению, что основанием ответственности выступает именно правонарушение.

Применительно к ответственности, возникающей вследствие нарушения права на честь и достоинство, полагаем необходимым отметить следующее. В настоящее время существует несколько видов юридической ответственности за правонарушения против чести и достоинства: гражданская, уголовная, административная. Вид ответственности предопределяется составом совершенного правонарушения, который традиционно включает в себя объективную сторону (действие или бездействие, направленное против чести и достоинства личности, вредные последствия и причинно-следственная связь между ними), субъективную сторону (вина), субъект и объект.

Объектом правонарушения в данном случае всегда выступают общественные отношения, возникающие по поводу реализации таких нематериальных благ, как честь и достоинство.

Объективная сторона различается в зависимости от характера совершаемого правонарушения. Так, например, объективная сторона гражданского правонарушения против чести и достоинства выражается в распространении о том либо ином человеке сведений порочащего характера и несоответствующих действительности (ст. 152 ГК РФ).

В рамках уголовно-правового поля спектр действий преступного характера шире. Во-первых, они различаются в зависимости от того, относятся они к клевете или к оскорблению; во-вторых, многие другие преступления, предусмотренные УК РФ, в качестве косвенного объекта затрагивают правоотношения, связанные с реализацией чести и достоинства. В настоящее время статья, устанавливающая уголовную ответственность за оскорбление, признана утратившей силу. Соответствующая норма была перенесена в КоАП РФ (ст. 5.61). Объективная

сторона рассматриваемого правонарушения традиционно понимается как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, под которой следует понимать циничную, глубоко противоречащую нравственным нормам, правилам поведения в обществе форму унижительного обращения с человеком. В УК РФ, вместе с тем, сохранился квалифицированный состав: оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ). Объективная сторона данного преступления выражается в унижении чести и достоинства представителя власти. Оскорбление может быть нанесено устно, письменно и путем различных действий (пощечина, плевков, непристойный жест и т. д.), путем размещения материалов оскорбительного характера на индивидуальном сайте потерпевшего [3].

Объективная сторона клеветы (ст. 128.1 УК РФ) выражается в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Аналогичным образом трактуется объективная сторона клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298 УК РФ). Что касается преступлений, в которых отношения, связанные с реализацией чести и достоинства, выступают в качестве дополнительного объекта, то их достаточно много: большинство норм гл. 16–20, т. е. по существу, норм всего разд. 7 УК РФ («Преступления против личности»), ряд составов гл. 25 («Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»), ст. 297 УК РФ («Неуважение к суду») и т. д.

Анализ норм, предусматривающих ответственность за правонарушения в сфере чести и достоинства, показывает, что в большинстве случаев объективная сторона выражается в совершении активных действий (например, направленных на распространение негативной недостоверной информации о человеке). Вредный результат этих действий имеет двойкий характер: с одной стороны, потерпевший испытывает нравственные либо физические страдания, степень которых достаточно сложно оценить в денежном эквиваленте; с другой стороны, обозначенные действия могут повлечь материальные убытки.

В связи с этим в большинстве случаев совершение правонарушений в рассматриваемой сфере влечет для правонарушителя, во-первых, необходимость тем либо иным способом опровергнуть распространенную им информацию; во-вторых, различного рода финансовые санкции, в том числе, компенсацию морального вреда, нанесенного потерпевшему, а также возмещение причиненных ему убытков, штрафов в доход государства (за уголовные преступления и административные проступки); в третьих, иные негативные последствия в виде обязательных работ, ареста (по уголовным и административным делам), уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения (при наличии гражданского деликта).

Субъективная сторона проанализированных правонарушений выражается в форме умысла.

Что касается субъекта рассматриваемых правонарушений, то им выступает в основном физическое лицо, в некоторых случаях, если это касается СМИ, — юридическое лицо. При этом следует иметь в виду, что обязанными лицами в правоотношениях, связанных с реализацией чести и достоинства, могут быть

только частные лица, но и государство. Однако ответственность государства носит совершенно иной характер, что обусловлено сущностью обязанности, лежащей на нем, направленной на обеспечение достойного существования своих граждан, а также предоставление им своевременной и качественной защиты. Данная ответственность имеет различные проявления. Так, например, в настоящее время предусмотрена ответственность государства за нарушение разумных сроков предварительного следствия, судопроизводства, исполнительного производства; кроме того, граждане России наделены правом обратиться в органы международной защиты (например, Европейский суд по правам человека) с целью восстановления своих прав, нарушенных их государством. При этом Европейский суд по правам человека вправе не только применить к государству финансовые санкции, но вынести предписание об устранении допущенных нарушений, в том числе и путем внесения изменений в действующее законодательство.

Подводя итог сказанному, полагаем необходимым отметить следующее:

юридическая обязанность уважать честь и достоинство человека есть социально обусловленная, гарантированная государством необходимая мера поведения личности, общества и государства, границы которой определены нормами объективного права, в целях утверждения высшей ценности человека, а также беспрепятственного пользования такими нематериальными благами, как честь и достоинство, недопущения их попрагия;

юридическая обязанность каждого человека и общества в целом уважать честь и достоинство других людей выражается в основном в виде запрета распространять о каком-либо заведомо ложные сведения, его порочащие; юридическая обязанность государства уважать честь и достоинство своих граждан, напротив, выражается в основном в виде активных действий, направленных на обеспечение достойного уровня их существования и предоставление качественной юрисдикционной защиты;

юридическая обязанность уважать честь и достоинство человека тесно взаимосвязана с ответственностью. Основания и виды ответственности физических лиц и государства за нарушения в сфере реализации и защиты чести и достоинства человека существенным образом отличаются. Если граждане несут гражданскую, уголовную и административную ответственность, то ответственность государства может выражаться в виде различного рода компенсаций (присуждаемых, например, ЕСПЧ в связи с нарушением основных прав и свобод человека).

Список литературы:

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — Саратов: СВШ МВД РФ, 1995 (Автор темы 12 — И.Н. Сенякин). — 560 с.
2. Матузов, Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. — 293 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. — 12-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2012. — 715 с.

References:

1. Teorija gosudarstva i prava: kurs lekcij / pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. — Saratov: SVSh MVD RF, 1995 (Avtor temy 12 — I.N. Senjakin) — 560 s.
2. Matuzov, N.I. Pravovaja sistema i lichnost' / N.I. Matuzov. — Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1982. — 293 s.

---

3. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / otv. red. V.M. Lebedev. — 12-e izd., pererab. i dop. — M.: Jurajt, 2012. — 715 c.

Т.В. Щукина,
доктор юридических наук, доцент,
кафедры гражданского права и процесса,
Липецкого филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ

В.А. Брусенцева,
кандидат юридических наук, доцент
кафедра теории и истории государства
и права, уголовного права,
Липецкого филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ

T.V. Schukina,
Doctor of Law, Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
(Lipetsk Branch)
shukiha-tv@rambler.ru

V.A. Brusentseva,
Candidate of Law,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
(Lipetsk Branch)
vasilina-brusen@mail.ru

Категория «доверие населения к органам государственной власти» как фактор нематериальной мотивации государственных гражданских служащих к достижению высоких служебных результатов

Аннотация: актуальность статьи обусловлена необходимостью совершенствования нематериальной мотивации государственных гражданских служащих в процессе реализации ими своих должностных обязанностей. Цель статьи — определить сущность категории «доверие населения», показатели ее измерения и роль в совместном взаимодействии гражданского общества и аппарата органов государственной власти, а также ее влияние на результаты профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих. Реализация поставленной цели была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Авторы статьи сформулировали определенные выводы, согласно которым доверие населения к работе органов государственной власти является в настоящее время не только официальным показателем оценки их деятельности, но и серьезным фактором нематериальной мотивации государственных гражданских служащих. Общемировая тенденция снижения доверия населения к деятельности органов исполнительной власти в Российской Федерации практически не проявляется, а уровень доверия населения в нашей стране даже увеличивается. Этот вектор обратной связи должен совершенствоваться и развиваться, чему способствует издание новых нормативных правовых актов на федеральном уровне. В то же время государству необходимо совместно с институтами гражданского общества решать проблемы реализации оценочных форм «доверия» населения в виде общественных экспертиз (отсутствие опыта у экспертов, слабый интерес к этим проблемам и т. д.).

Ключевые слова: доверие населения к органам государственной власти, индекс доверия, фактор нематериальной мотивации, государственный гражданский служащий, общественная экспертиза, обратная связь.

The category «confidence of population to public authorities» as the factor of non-financial motivation of civil servants to high official results

Abstract: The actuality of the article is conditioned upon the necessity of improvement of civil servants' non-financial motivation in the process of their professional duties realization. The aim of the article is to define the matter of the category "confidence" of population to public authorities, indicators of its dimension

---

---

and role in collective integrity of civil society and legal authorities state machine, and also its influence upon the results of civil servants' professional official activity. The realization of the defined aim was achieved by dint of scientific methods (dialectic, analysis, synthesis) and specific scientific methods (technical, rather-legal). The authors of the article formulated definite conclusions, according to which, confidence of population to public authorities at present is not only the official indicator of the assessment of their activity, but also the serious factor of civil servants' non-financial motivation. The worldwide trend of reduction of confidence of population to executive power authorities activity works imperceptibly, because the population trust level in this country increases regularly. This feedback vector must be improved and developed, and promulgation of new regulations on the federal stage promotes it. At the same time the state conjunctly with civil society institutions is bound to solve estimate forms problems of population confidence by way of public inspections (experts' inexperience, poor interest in these problems etc.)

Keywords: confidence of population to public authorities; business confidence; non-financial motivation factor; civil servant; public inspection; feedback.

Доверие населения к деятельности органов государственной власти выступает критерием оценки и ее результативности, и эффективности работы высших должностных лиц государства. Получив кредит доверия населения, государство сможет увеличить социальные эффекты от реализации государственных программ, концепций модернизации государственного управления, включая государственную гражданскую службу. В свою очередь, деятельность государственных гражданских служащих будет более результативна, включая выполнение возложенных на них полномочий. При подобном взаимодействии и поддержке друг друга все государственные и социальные институты, обычные граждане и государственные служащие, государство и гражданское общество в целом получают определенные «выгоды» от совместного сосуществования.

Доверие населения можно измерить. Его уровень выражается в индексе доверия (**trust barometer**), который уже в течение 15 лет оценивается исследовательской фирмой **Edelman Berland**. Эта компания проводит ежегодные мониторинги (обзоры) индекса доверия населения к следующим организациям: 1) организациям бизнеса, 2) правительственным учреждениям, 3) средствам массовой информации, 4) неправительственным организациям (NGO). Выборка респондентов для мониторинга чрезвычайно обширная — до 27 тысяч человек из 27 стран в возрасте от 25 до 64 лет. Заметим, что «одним из важных результатов измерения этого индекса доверия выступает уровень доверия населения страны к государственным служащим» [1, с. 134].

Анализируя данные «Edelman trust barometer», в целом в мировой практике сложился «кризис руководства». В 2013 г. Россия была государством с самым низким уровнем доверия среди стран, принявших участие в мониторинге [1, с. 135]. В 2014 г. на протяжении трех лет подряд усиливается общественное недоверие к правительственным учреждениям в большинстве государств мира. Доверие к правительству упало глобально на четыре пункта, достигнув исторического минимума. Общественное доверие уменьшается дифференцированно по странам: резко упало в США (16 пунктов — на 37 %), во Франции (17 пунктов — на 32 %) и Гонконге (18 пунктов — на 45 %) [2].

Доверие населения в целом к правительству оказалось ниже 50 % в 22 странах мира из 27 стран, попавших в мониторинг «2014 Edelman Trust Barometer», особенно в государствах Западной Европы: Испании (14 %),

---

Италии (18 %) и Франции (20 %). Так же низок рейтинг правительств в Польше (19 %) и Мексике (28 %) [2]. Даже в 2015 г., несмотря на некоторое увеличение доверия общества к правительственным учреждениям, они до сих пор остаются той частью системы управления, которой наименее доверяют в мировом масштабе. Следует отметить позитивный рост доверия населения к органам государственной власти в России.

В 2014 г. Россия увеличила уровень доверия населения к правительственным учреждениям по данным «2014 Edelman Trust Barometer» с 36 до 37 пунктов [3]. В 2015 г. доверие к правительству России серьезно изменилось. Произошел рекордный рост доверия с 36 до 45 пунктов наряду с Польшей, Швецией, Испанией и Аргентиной [4]. Это составляет рост социального эффекта доверия населения России к правительственным учреждениям в 2015 г. в размере 27 % [4].

Различные социологические опросы формируют неоднозначную картину доверия или недоверия населения к деятельности органов государственной власти. Например, по результатам исследования Е. Реутова и М. Реутовой, неудовлетворенность результатами контактов с органами государственной власти выразили более половины опрошенных ими респондентов (70,26 %). Авторы делают вывод о наличии оснований для формирования «культуры недоверия» граждан [5, с. 141].

Доверие граждан обязательно должно основываться на оценочных показателях, в разработке которых сами граждане принимают непосредственное участие, ведь «гражданская экспертиза направлена на определение социальных эффектов управленческих решений разного уровня и масштаба на разных стадиях управленческого цикла» [6, с. 36]. Речь идет, например, проведении антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, реализации гражданской экспертизы регионального управления. С одной стороны, это положительный вектор расширения взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества. С другой стороны, эксперты выделяют ряд проблем, связанных с проведением независимой общественной экспертизы в области государственного управления. Обобщим некоторых из них.

Первая проблема заключается в отсутствии у экспертов опыта оценки кадровых решений, кадровой ситуации и иных показателей деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Так, В. Сапрыка, И. Шаповалова, Л. Шмигирилова в своем исследовании указывают, что «69,01 % экспертам не приходилось участвовать в экспертизе кадровых решений» [6, с. 37]. Кроме того, «отсутствие внутренней мотивации, гражданской позиции и внутреннего ощущения ответственности у гражданской элиты в ряде субъектов Российской Федерации приводит к невозможности внедрения перспективной социальной новации. Это обусловлено и тем, что 73,23 % экспертов не имеют опыта участия в экспертизе» [6, с. 39].

Вторая проблема состоит в том, что само население субъекта Российской Федерации не проявляет должного интереса к этой процедуре. Эксперты указывают на то, что «только 5,13 % населения готовы в полной мере к участию в регулярном проведении гражданской экспертизы регионального управления, а 23,08 % респондентов отметили, что население в основном

готово к участию в регулярном проведении гражданской экспертизы регионального управления» [6, с. 38–39].

Проект федеральной программы «Развитие государственной гражданской службы Российской Федерации (2015–2018 годы)» и план мероприятий по развитию государственной гражданской службы Российской Федерации на 2015–2018 годы в определенной степени предусматривают возможность реализации общественной оценки деятельности гражданских служащих и решения вышеуказанных проблем [7]. Она заключается в разработке и внедрении механизмов открытости на государственной гражданской службе. Разработчики проекта программы предлагают обеспечить действие этих механизмов с помощью комплекса универсальных стандартов работы гражданских служащих. Это стандарт «государственно-служебной культуры» и стандарты эффективных управленческих механизмов по управлению качеством предоставления государственных услуг. Первый должен быть разработан до 1 декабря 2017 г., а механизмы оценки деятельности государственных органов, гражданских служащих на его основе — до 15 декабря 2018 г.

Принцип открытости гражданской службы напрямую увязывается разработчиками проекта программы с качественным изменением кадрового состава органов государственной власти, поведения гражданских служащих. Совершенствование кадрового состава будет осуществляться с учетом информации, полученной в результате обратной связи с обществом, а также на основе систематического проведения оценки открытости органов государственной власти, эффективности деятельности гражданских служащих и соответствия их поведения этическим требованиям. С точки зрения ученых, «гражданская экспертиза формирует внешнюю независимую оценку социальных результатов управленческих решений» [6, с. 36].

Для этого потребуется разработка показателей эффективности деятельности должностных лиц и структурных подразделений органов власти; показателей и механизмов оценки открытости органов власти и гражданских служащих; механизмов учета результатов оценки гражданами и обществом открытости деятельности органов власти; критериев и механизмов оценки соответствия деятельности гражданских служащих стандартам «государственно-служебной культуры».

Кроме расширения участия общественности в оценке деятельности органов государственной власти и гражданских служащих планируется проведение цикла теле- и радиопередач, размещение публикаций в печатных изданиях и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», направленных на информирование граждан о деятельности государственных органов, повышение престижа гражданской службы и авторитета государственных служащих.

Доверие граждан, по мнению авторов, выступает не только критерием эффективности деятельности органов государственной власти, но и фактором нематериальной мотивации государственных гражданских служащих к достижению высоких результатов по службе. Кроме того, категория «доверие» со стороны населения может использоваться и как оценочный показатель при проведении оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов на предпринимательскую деятельность, общественной экспертизы

регионального управления. Но в любом случае реальным стимулом усиления доверия должно быть стремление государственных служащих к улучшению жизни населения, повышению ее качества.

Список литературы:

1. Барановский, М. Феномен доверия в современных социологических исследованиях // *Власть*. — 2013. — № 6. — С. 134–137.
2. Пресс-релиз за 2014 Edelman Trust Barometer. — URL: <http://www.edelman.com/news/trust-in-government-plunges-to-historic-low> (дата обращения: 16.02.2015).
3. 2014 Edelman Trust Barometer: Executive Summary by Edelman. — URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2014-edelman-trust-barometer/about-trust/executive-summary> (дата обращения: 16.02.2015).
4. 2015 Edelman Trust Barometer: Executive Summary by Edelman. — URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2015-edelman-trust-barometer/trust-and-innovation-edelman-trust-barometer/executive-summary> (дата обращения: 16.02.2015).
5. Реутов, Е. Недоверие как социальная проблема: масштабы и проявления / Е. Реутов, М. Реутов // *Власть*. — 2013. — № 6. — С. 138–142.
6. Сапрыка, В. Практика формирования гражданской экспертизы в современной России / В. Сапрыка, И. Шаповалова, Л. Шмигирилова // *Власть*. — 2013. — № 12. — С. 32–37.
7. О федеральной программе «Развитие государственной гражданской службы Российской Федерации (2015–2018 годы)» и плане мероприятий по развитию государственной гражданской службы Российской Федерации на 2015–2018 годы : проект указа Президента Российской Федерации : подготовлен Минтрудом России 29 января 2015 г. — URL: <http://regulation.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2015).

References:

1. Baranovskij, M. Fenomen doverija v sovremennyh sociologicheskikh issledovanijah // *Vlast'*. — 2013. — № 6. — S. 134–137.
  2. Press-reliz za 2014 Edelman Trust Barometer. — URL: <http://www.edelman.com/news/trust-in-government-plunges-to-historic-low> (data obrashhenija: 16.02.2015).
  3. 2014 Edelman Trust Barometer: Executive Summary by Edelman. — URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2014-edelman-trust-barometer/about-trust/executive-summary> (data obrashhenija: 16.02.2015).
  4. 2015 Edelman Trust Barometer: Executive Summary by Edelman. — URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2015-edelman-trust-barometer/trust-and-innovation-edelman-trust-barometer/executive-summary> (data obrashhenija: 16.02.2015).
  5. Reutov, E. Nedoverie kak social'naja problema: masshtaby i projavlenija / E. Reutov, M. Reutov // *Vlast'*. — 2013. — № 6. — S. 138–142.
  6. Sapryka, V. Praktika formirovanija grazhdanskoj jekspertizy v sovremennoj Rossii / V. Sapryka, I. Shapovalova, L. Shmigirilova // *Vlast'*. — 2013. — № 12. — S. 32–37.
  7. O federal'noj programme «Razvitie gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby Rossijskoj Federacii (2015–2018 gody)» i plane meroprijatij po razvitiju gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby Rossijskoj Federacii na 2015–2018 gody : proekt ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii : podgotovlen Mintrudom Rossii 29 janvarja 2015 g. — URL: <http://regulation.gov.ru> (data obrashhenija: 14.05.2015).
-

• ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА •

С.В. Навальный,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории
государства и права
Красноярского государственного
аграрного университета

S.V. Navalniy,
Candidate of Law, Associate Professor,
Krasnoyarsk State Agrarian University
tgpnsv@mail.ru

Информационная безопасность в России: пути обеспечения

***Аннотация:** в статье рассматриваются вопросы информационной безопасности России. Обеспечение информационной безопасности в современный период является одним из важнейших направлений деятельности государства. Отмечается, что в условиях возросшего противостояния в мире государство предлагает осуществить разработку и реализацию комплекса средств и механизмов, направленных на обеспечение информационной безопасности. Выработка направлений решения данных вопросов связана с подготовкой новой редакции доктрины информационной безопасности. В новой редакции доктрины необходимо выработать целостную систему работы по обеспечению информационной безопасности; обратить внимание на то, как государство уделяет внимание критически важным объектам инфраструктуры и компьютерной преступности; найти понимание гуманитарного смысла понятия «информация» для того, чтобы четко сформулировать государственно-информационную политику в области ее распространения; подтвердить, что информационная безопасность это целостная система обеспечения и установления своего контроля в мире, при этом возможно ряд зарубежных государств будут пытаться использовать различные методы — слежки, атаки на критически важные объекты; тщательно изучить структуру информационной безопасности зарубежных государств и выстроить свою систему защиты важных участках системы информационной безопасности.*

***Ключевые слова:** информационная безопасность, доктрина, информационная сфера, государственная политика, информационные войны, отечественные разработки, кибероружие, киберугрозы.*

Information security in Russia: ways of providing

***Abstract:** the article considers the issues of information security in Russia. Information security in the modern period is one of the most important areas in the state. It is noted that in the conditions of increased confrontation in the world the government proposes to undertake the development and implementation of a set of tools and mechanisms to ensure information security. Development of ways to solve these issues related to the preparation of the new edition of the doctrine of information security. The new version of the doctrine planned to develop a number of basic concepts that will be used in practice. The new doctrine of pre-emptive offer to consolidate the use of domestic products in corporations and government agencies. The article analyzes the question of the work done to ensure information security. The new version of the doctrine is necessary to develop an integrated system of work for information security; pay attention to how the state pays attention to critical infrastructure and computer-related crime; to find understanding of the concept of humanitarian sense, “information” in order to articulate the public-information policy in the field of dissemination; confirm that information security is a holistic system of providing and establishing their control in the world, with the possible number of foreign countries will try to use a variety of methods - surveillance, attacks on critical facilities; carefully examine the structure of the information security of foreign countries and build their system to protect important areas of information security.*

Key words: information security, doctrine, information sphere, public policy, information warfare, domestic developments, cyber weapons, cyber threats.

Современные реалии таковы, что жить в рамках информационного общества и не быть его участником фактически невозможно. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы обеспечения информационной безопасности.

Понятие информационной безопасности не является устоявшимся в силу того, что не выработаны методологические подходы, позволяющие определить сущность данного явления. Первично понятие информационной безопасности получило развитие в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, принятой в 2000 г. (далее — Доктрина) [1]. В соответствии с п. 1 Доктрины под информационной безопасностью понимается «состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства». В основу данного определения положено родовое понятие безопасности как «состояния защищенности».

Доктрина стала основой, во-первых, для формирования государственной политики в области обеспечения информационной безопасности РФ; во-вторых, для подготовки предложений по совершенствованию правового, методического, научно-технического и организационного обеспечения информационной безопасности РФ; в-третьих, для разработки целевых программ обеспечения информационной безопасности РФ.

С инициативой разработать новую Доктрину информационной безопасности РФ в начале февраля 2015 г. выступил Совет безопасности РФ. Эта тема стала особенно актуальной в 2014 г. в связи с политическим давлением на Россию и информационной войной на фоне событий в Украине. Совет безопасности РФ небезосновательно счел, что Россия должна находиться в постоянной готовности к противоборству в информационной среде.

Итак, необходимость подготовки новой редакции Доктрины обусловлена тем, что, во-первых, действующий документ в полном объеме не учитывает современных угроз (в частности, угрозы информационных войн, похищения персональных данных и увеличившегося многократно количества случаев кибермошенничества), во-вторых, возникла потребность в разработке факторов, которые будут учитываться при оценке угроз информационной безопасности РФ. К такого рода факторам следует отнести: активное использование зарубежными странами информационных технологий в целях разведки и достижения своих политических и военных целей; оказание давления на развитие российского сегмента сети Интернет; недостаточность координации деятельности органов государственной власти по вопросам обеспечения безопасности на различных уровнях.

Необходимо сразу оговориться, что государство не планирует ограничивать доступ в Интернет и ставить его под тотальный контроль. Однако, сложившаяся сегодня ситуация требует обеспечить устойчивость и безопасность Рунета на случай возможных попыток извне отключить Россию от Интернета глобального.

В новой редакции Доктрины планируется выработать ряд основных понятий, которые будут использоваться в практической деятельности:

а) информационная сфера — совокупность общественных отношений, связанных с деятельностью, главными объектами которой являются информация, информационные и коммуникационные технологии;

б) национальные интересы в информационной сфере — совокупность жизненно важных потребностей государства, общества и личности в обеспечении реализации стратегических национальных приоритетов, связанных с информационной сферой;

в) система информационной безопасности РФ — совокупность сил и средств, благодаря которым осуществляется скоординированная и спланированная деятельность по обеспечению информационной безопасности.

В новой редакции найдут закрепление и другие базовые понятия, такие как «национальный суверенитет в глобальном информационном пространстве» и «информационная политика».

При оценке угроз информационной безопасности необходимо учитывать преимущества зарубежных стран в информационном пространстве по использованию информационно-психологических и технических возможностей для достижения своих военных и политических целей, для разведывательной деятельности, а также в части оказания негативного влияния на развитие российского сегмента сети Интернет.

На результатах оценки угроз информационной безопасности сказываются: а) недостаточная эффективность по развитию и внедрению информационных и коммуникационных технологий, предпринимаемых органами государственной власти в России; б) нарушения действующих нормативных правовых актов РФ в процессе эксплуатации информационных систем; в) отсутствие должной координации в деятельности органов государственной власти по обеспечению информационной безопасности на всех уровнях власти; г) слабая вовлеченность граждан и организаций в процессы обеспечения информационной безопасности.

В новой Доктрине предложено закрепить преимущественное использование отечественной продукции в работе корпораций и государственных структур. Внешняя обстановка требует пересмотра подходов по использованию продуктов неотечественного производства, за которыми в России нет контроля. Такая мера необходима, чтобы не допустить потерю данных или контроля управления критически важными объектами — например, объектами энергетики, транспорта, аэропортами и вокзалами.

В сфере государственного управления также необходимо отдавать приоритет российским разработкам. Сейчас практически все данные лежат в документах с расширением doc, ppt, xls. Разведданные, открытые миру свидетельствуют о том, что такие документы подвержены взломам и способствуют утечке информации.

Необходимо отметить, что у отечественных компаний есть большой потенциал по разработке безопасного программного обеспечения. Например, в области программирования Россия находится на ведущих позициях. В мире

всего три страны, которые разработали собственные поисковые системы: Россия, Китай и США. На отечественном рынке работают и глобальные компании, такие как «Лаборатория Касперского», АБВУУ, а также локальные, активно развивающиеся компании.

На наш взгляд, в новой редакции Доктрины необходимо сделать следующее:

- 1) дать четкое определение понятия «информация» для формирования соответствующего направления государственной политики;
- 2) разработать целостную систему мер по обеспечению информационной безопасности;
- 3) уделить особое внимание обратить критически важным объектам инфраструктуры и компьютерной преступности;
- 4) тщательно изучить структуру информационной безопасности зарубежных государств и выстроить свою систему защиты на важных участках системы информационной безопасности;
- 5) обеспечить переход на отечественное производство программного обеспечения и технических средств.

Одной из действенных мер по реализации последней задачи должно стать закрепление обязанности органов государственной власти и государственных компаний закупать лишь отечественный софт или обосновывать невозможность использования отечественных разработок (в настоящее время доля иностранного софта на российском рынке составляет 75%).

Для обеспечения информационной безопасности в России уже предприняты определенные шаги. Так, с начала 2014 г. в России формируется государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы России. Создаются современные, защищенные сети и системы связи для нужд обороны и безопасности государства, для эффективной работы правоохранительных органов. Кроме того, в июле 2014 г. Федеральной службой безопасности России и Министерством обороны России на площадке Министерства коммуникаций и связи, совместно с ведущими операторами связи РФ в России проходили учения по защите российского сегмента Интернета. Во время учений оценивались уровень защищенности и стабильности рунета, степень критичности его связанности с глобальной инфраструктурой сети, а также готовность различных служб и компаний взаимодействовать между собой в случае атаки на российский сегмент Интернета. Подобные учения планируется проводить ежегодно.

Однако ряд вопросов, по нашему мнению, решается недостаточно оперативно. Зачастую веб-сервера и корневые DNS располагаются за пределами России. В случае намеренного отключения российского сегмента, атаки или сбоя множество Интернет-служб и сервисов может быть парализовано. Это приведет к самым непредсказуемым последствиям, поэтому учения и оценку возможных рисков в условиях сложной геополитической обстановки необходимо проводить регулярно.

За последние несколько лет наблюдается тенденция увеличения количества инцидентов, связанных с кибероружием и кибершпионажем. Данное обстоятельство находят проявление в регулярно обнаруживаемых программах, относящихся к кибероружию, — Stuxnet, Red October, Winnti, IceFog и др. Однако в настоящее время нет достоверных фактов, подтверждающих проведение атак на Россию со стороны других государств

Введение санкций против России грубо нарушает не только права пользователей Интернета, но и нормы международного права — в частности, принципы Окинавской хартии глобального информационного общества, принятой в июле 2000 г. лидерами стран «Большой восьмерки» [2]. «Все люди повсеместно, без исключения должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества. Устойчивость глобального информационного общества основывается на стимулирующих развитии человека демократических ценностях, таких как свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и уважение к особенностям других людей», — записано в Хартии.

Возможные ответные меры по обеспечению информационной безопасности в Российской Федерации могут носить как «мягкий» (принятие законодательных актов, направленных на обеспечение прав и законных интересов российских граждан в информационной сфере, так и радикальный характер. Так, компаниям, которые ввели санкции против России, наше государство может запретить работать в стране в принципе либо использовать различные штрафы и административные ограничения.

Список литературы:

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 09.09.2000 г.) // Российская газета. — 2000. — 28 сент.
2. Окинавская хартия глобального информационного общества. — URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2000/07/123786.shtml> (дата обращения: 01.02.2015).

References:

1. Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 09.09.2000 g.) // Rossijskaja gazeta. — 2000. — 28 sent.
2. Okinavskaja hartija global'nogo informacionnogo obshhestva. — URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2000/07/123786.shtml> (data obrashhenija: 01.02.2015).

В.А. Векслер,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры информационных систем и
технологий в обучении
Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского

Л.Б. Рейдель,
кандидат юридических наук, доцент,
директор Биробиджанского филиала
Хабаровской государственной академии
экономики и права

V.A. Vexler,
Candidate of Pedagogical Science,
Associate Professor,
Saratov State University
named after N.G. Chernyshevskiy
vitalv74@mail.ru

L.B. Redel,
Candidate of Law, Associate Professor,
Khabarovsk State Academy
of Economics and Law
vitalv74@mail.ru

Информация и право

Аннотация: актуальность статьи обусловлена возрастанием роли информационных отношений в правовой сфере. Авторы раскрывают понятие «информация», отмечают недостатки нормативно-правовой базы и дают рекомендации по ее улучшению. Информация — понятие особого рода, она обладает двумя сторонами: материальной и нематериальной. Информация материальна, именно в том понимании, что только материя обладает способностью переносить, отражать или содержать информацию, и нематериальна, поскольку не является особым видом материи. Информацию относят к категории нематериальных (неимущественных) прав и рассматривают как нематериальное благо. Для вхождения в оборот информация должна материализоваться. Таким образом, материализованная информация, т. е. обособленно отстраненная от ее производителя, превращается в самостоятельный объект правоотношений, ее можно перемещать от одного субъекта этих отношений к другому. Свободно получать информацию — значит, иметь открытый доступ к сведениям, представляющим значение для реализации прав и свобод человека и гражданина. Но необходимо заметить, что право на информацию не безусловно — оно реализуется только «легальным способом», т. е. в тех рамках, которые очерчены действующим законодательством. Именно поэтому порядок реализации права граждан на информацию необходимо раскрывать в специальных федеральных законах. В статье определяются вопросы, требующие дополнительной проработки, среди них — вопрос о совместном обладании информацией группы правообладателей и вопросы регулирования прав правообладателей в сети Интернет. При этом стоит отметить, что информация, существуя в материальной и нематериальной форме, являясь объектом правоотношений, изучена недостаточно. Поэтому важна роль исследований, обращенных на постижение феномена информации.

Ключевые слова: информация, обработка информации, нематериальное благо, государственная тайна, коммерческая тайна, информационные технологии, защита информации, Интернет, авторские права, правообладатель.

Information and Law

Abstract: the relevance of the article due to the increasing role of information relations in the legal sphere. The authors reveal the concept of “information» notes the shortcomings of the legal framework and make recommendations for its improvement. Information — the notion of a special kind, it has two sides: tangible and intangible. It is material, it is in the understanding that the only matter has the ability to transfer, reflect or contain information and intangible, because it is not a special kind of matter. Information classified as intangible (non-property) rights and are regarded as intangible benefits. To enter into circulation information should materialize. Thus, the materialized information, ie apart detached from its manufacturer, is transformed into an independent object relations, it can be moved from one subject to another of these relations. Easily obtain information — so have open access to information submitted to the realization of human rights and liberties, and civil rights. But it should be noted that this right is not definitely — it is implemented only “legal way”, that is, within a framework that outlines the current legislation. That is why the procedure for exercising the right of citizens to information required to be disclosed in special federal laws. The article also identifies issues requiring additional study, among them the issue of joint ownership of rights holders and group information management issues of the rights holders on the Internet. Thus, summing up, it is worth noting that the information existing in the material and immaterial form, being the

---

object of legal poorly understood. Therefore, the important role of research addressed at understanding the phenomenon of information.

Keywords: *information, information processing, intangible benefits, state secrets, trade secrets, information technology, information security, Internet, copyright.*

Смысл понятия «информация» интуитивно ясен, в связи с тем, что оно часто используется нами в повседневной жизни. Люди постоянно передают друг другу какую-либо информацию, хранят, обрабатывают, используют ее, продуцируют новую.

Большинство ученых не делают попытки строго определить, что же такое информация и полагают, что информацию нам следует рассматривать как первичное понятие, а значит, неопределимое, подобно точке в геометрии.

С развитием общества меняются и развиваются людские представления об информации. Это связано, в первую очередь, с развитием научно-технического прогресса, созданием и совершенствованием новых технологий и средств, позволяющих распространять информацию и автоматизировать ее обработку.

В.В. Лидовский в работе «Теория информации» излагает свое понимание информации: это нематериальная сущность, помогающая с любым приближением описывать реальные (материальные), виртуальные (возможные) и понятийные сущности. Информация, по сути, стала противоположностью неопределенности [1].

В словаре русского языка С.И. Ожегова информация определена как сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, сообщения, уведомляющие о состоянии чего-либо [2].

Что касается нормативных правовых актов, то, в частности, в ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Право на информацию относят к категории нематериальных (неимущественных), а саму информацию рассматривают как нематериальное благо.

О.А. Городов считает, информация — понятие особого рода, она обладает двумя сторонами: материальной и нематериальной. Информация материальна именно в том понимании, что только материя обладает способностью переносить, отражать или содержать информацию, и нематериальна, поскольку не является особым видом материи [4].

Для вхождения в оборот информация должна материализоваться. Таким образом, материализованная информация, т. е. обособленно отстраненная от ее производителя, превращается в самостоятельный объект правоотношений, ее можно перемещать от одного субъекта этих отношений к другому.

Информация перемещается не только на о вещественном носителе, но и в телекоммуникационных сетях. Она обладает возможностью тиражирования, на основе этого она может распространяться в неограниченном количестве экземпляров без изменения ее содержания. Поэтому на информационный объект распространяется действие двух нормативных правовых регламентов: регламента соблюдения авторского права и регламента соблюдения прав материальной собственности.

Одна и та же информация может принадлежать одновременно неограниченному кругу людей. Возникает вопрос о закреплении объема прав по использованию информации несколькими правообладателями. В ст. 1549 Гражданского кодекса РФ определены только основы права на информацию, с точки зрения права на технологию, принадлежащее совместно нескольким лицам, при этом технология (она же информация) может быть разделена, согласно договору, между правообладателями, где каждый может распоряжаться только своей частью.

Заметим, что, поскольку информация очень часто распространяется на материальном носителе, существует возможность учета количества носителей информации. При распространении информации в телекоммуникационных сетях, в частности в глобальной сети Интернет, учет количества скаченной и полученной потребителем информации имеет более затрудненный и скрытый характер.

Говоря об информации, необходимо иметь в виду еще два параметра, выделяющие ее значимость в условиях общества с рыночной экономикой.

1. Информация физическим образом не может быть отобрана как от ее производителя, так и от любого лица, в пользовании которого она оказалась. Любая информация несет в себе знания, которые по своей сути являются неотчуждаемыми. Лицо, владеющее ими, сможет передать знания другим лицам, при этом продолжая оставаться их владельцем.

2. Информация обладает важным параметром «внешнего удаления» от ее производителя. Благодаря материальному носителю она превращается в товар, который можно массово распространять и соответственно становится самостоятельным юридическим объектом права.

Информация и обладание информацией неотчуждаемы от человека, который является ее носителем. При передаче информации от одного лица к другому должен оформляться не факт отчуждения информации, а передача прав на ее использование. Мы должны помнить, что юридические особенности понятия информации должны учитываться при правовом регулировании всех возникающих информационных отношений.

В соответствии с ч. 3 ст. 29 Конституции РФ каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Свободно получать информацию — значит, иметь открытый доступ к сведениям, представляющим значение для реализации прав и свобод человека и гражданина. Но необходимо заметить, что это право не безусловно — оно реализуется только «легальным способом», т. е. в тех рамках, которые очерчены действующим законодательством. Установление таких рамок определено в ст. 55 Конституции РФ, где отмечено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Именно поэтому порядок реализации права граждан на информацию необходимо раскрывать в специальных федеральных законах. Выделим четыре нормативных правовых акта, определяющих различные подходы к реализации права на информацию: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный за-

---

кон «О персональных данных» [5], Закон Российской Федерации «О государственной тайне» [6] и Федеральный закон «О коммерческой тайне» [7].

В соответствии с п. 2 ст. 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» вся информация по критерию ее доступности подразделяется на две категории — общедоступную информацию и информацию ограниченного доступа, для получения которой существуют те или иные ограничения в федеральном законе.

В статье 3 Федерального закона «О персональных данных» отмечено, что особой категорией охраняемой законом информации являются персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Такая информация, по общему правилу, должна оставаться конфиденциальной для третьих лиц, без согласия субъекта персональных данных она не может быть разглашена, если иное не предусмотрено федеральным законом. Особо оговаривается, что сведения о субъекте персональных данных должны быть в любое время изъяты из всех общедоступных источников персональных данных по первому требованию субъекта персональных данных либо по решению суда или иных уполномоченных государственных органов.

Информация может быть и строго конфиденциальной, например, иметь статус государственной или коммерческой тайны.

Государственная тайна — это защищаемые государством сведения в ряде областей (военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной), распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. В Законе РФ «О государственной тайне» также определена форма носителей сведений, составляющих государственную тайну, — это материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое описание в виде знаков, образов, сигналов, технических решений.

В Федеральном законе «О коммерческой тайне» информация, составляющую коммерческую тайну, определяют как сведения произвольного характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие реальную или потенциально возможную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет доступа в свободной форме на определенном законом основании и в отношении которых обладателем таких сведений специально был введен режим коммерческой тайны.

Таким образом, законодательно понятие «информация» урегулировано практически со всех сторон. Определены нормы, требования и материальное овеществление информации, права и обязанности ее обладателей. Среди вопросов, требующих юридической доработки, мы можем выделить вопрос о совместном обладании информацией группой правообладателей и вопросы регулирования прав правообладателей в сети Интернет. Однако, несмотря на все это, необходимо констатировать недостаточную системность и единство правового регулирования в сфере информационных отношений. Однако само

понятие информации в материальной и нематериальной форме как объекта правоотношений, изучено недостаточно. Поэтому важна роль исследований, обращенных к постижению феномена информации.

Список литературы:

1. Лидовский, В. В. Теория информации / В. В. Лидовский. — М.: Спутник, 2004. — 111 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. — М: Оникс, 2008. — 736 с.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 31, ч. 1, с. 3448–3450.
4. Городов, О.А. Информация как объект гражданских прав // Правоведение. — 2001. — № 5. — С. 72–83.
5. О персональных данных : федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 31, ч. 1, ст. 3451.
6. О государственной тайне : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в ред. от 21 декабря 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1997. — № 41, ст. 8220–8235.
7. О коммерческой тайне : федеральный закон РФ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 32, ст. 3283.

References:

1. Lidovskij, V. V. Teorija informacii / V. V. Lidovskij. — M.: Sputnik, 2004. — 111 s.
2. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / S.I. Ozhegov — M: Oniks, 2008. — 736 s.
3. Ob informacii, informacionnyh tehnologijah i o zashhite informacii : federal'nyj zakon RF ot 27 ijulja 2006 g. № 149-FZ (red. ot 21 ijulja 2014 g.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2006. — № 31, ch. 1. — С. 3448–3450.
4. Gorodov, O.A. Informacija kak obekt grazhdanskih prav // Pravovedenie. — 2001. — № 5. — S. 72–83.
5. O personal'nyh dannyh : federal'nyj zakon RF 27 ijulja 2006 g. № 152-FZ (v red. ot 21 ijulja 2014 g.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2006. — № 31, ch. 1, s. 3451.
6. O gosudarstvennoj tajne : zakon RF ot 21 ijulja 1993 g. № 5485-1 (v red. ot 21 dekabrja 2013 g.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1997. — № 41, st. 8220–8235.
7. O kommercheskoj tajne : federal'nyj zakon RF ot 29 ijulja 2004 g. № 98-FZ (v red. ot 12 marta 2014 g.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2004. — № 32, st. 3283.

Н.Н. Довнар,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры медиологии и веб-журналистики
Института журналистики Белорусского
государственного университета*

N.N. Dovnar,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Institute of Journalism,
Belarusian State University
ndovnar@gmail.com*

Манипулирование в СМИ как угроза информационной безопасности

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью роли средств массовой информации в жизни общества и их возможностью влиять на общественное сознание. Цель статьи — проанализировать такой вид психологического воздействия, как манипуляция с точки зрения информационной безопасности. Поставленные задачи были решены при помощи интеграционного подхода, общенаучных (диалектический, функциональный), частнонаучных (формально-юридический, логический) методов познания. Автор приходит к выводу, что использование в СМИ манипулятивных приемов

и тактик вызывает угрозы информационной безопасности личности, общества и государства, поскольку психологическое воздействие на человека, может привести к лишению свободы выбора, изменению намерений вопреки своим желаниям, человек может стать средством достижения целей манипулятора и не заметить этого, в результате скрытое управление против воли человека может нанести ему ущерб. Масштабность деструктивного воздействия на общественное сознание требует разработки способов защиты от этих угроз, в том числе и правовых. Однако возведение законодательных барьеров манипуляциям вызывает необходимость поиска критериев, с помощью которых можно будет выявлять не только приемы и технологии, несущие реальную угрозу личности, обществу и государству, но и определять признаки правонарушения, а также степень причинения вреда.

Кроме того, следует понять, в каких случаях можно бороться с данным явлением с помощью закона, а в каких — призывать на помощь институт саморегулирования.

Ключевые слова: средства массовой информации, скрытое воздействие, манипулирование, общественное сознание, информационная безопасность.

Manipulation in mass media as a threat for information security

Abstract: relevance of the paper is due to the role of mass media in society and its opportunities to influence social mind. The aim of the paper is to analyze psychological manipulation from the point of view of information security. The tasks were solved using integrated approach, general scientific methods (dialectic, and functional) and pure scientific methods (legalistic and logical). The paper concludes that the use of manipulation tactics results in informational threats for person, society and state. The person under the psychological impact is deprived of freedom of choice. He can change his intentions contrary to his wishes and become an object of manipulation without noticing it. The resulting hidden control against person's will can have harmful effect. Destructive action of manipulation on social mind causes the necessity of legal defense techniques. The development of legal barriers for manipulation requires the knowledge of criteria to reveal the means and technologies that pose real threats for the person, society and state. Elements of an offense and the degree of harm should be revealed as well.

In addition, one should have criteria to choose the way to struggle with this phenomenon: either by law or by self-regulation institutes.

Keywords: mass media, hidden influence, manipulation, public opinion, information security.

Роль средств массовой информации в жизни общества заставляет науку обратиться к проблемам, связанным с воздействием этого института на общественное сознание. Как отмечают исследователи, в современном мире человек, по сути, формируется и функционирует в мегаинформационном пространстве, созданном массмедиа. В связи с этим возникает сложный и неоднозначный вопрос: насколько свободен выбор человека, находящегося под постоянным воздействием СМИ? Причина этой неоднозначности кроется в том, что формально человек информационного общества имеет право на свободу выбора, но часто оно остается фактически нереализованным.

Проблема скрытого воздействия на массовое сознание посредством СМИ является чрезвычайно серьезной еще и потому, что такое влияние может стать опасным информационно-психологическим оружием в руках деструктивно настроенных сил. Дезориентация в понимании значения роли и результатов скрытого социально-политического влияния на массовое сознание чревата принятием неверных политических решений, последствия которых, как показывает история, уже неоднократно сказывались самым пагубным образом на функционировании разных социальных институтов, отдельных социальных систем и общества в целом [1].

Политологи также считают ситуацию серьезной, отмечая, что современное политическое пространство, в рамках которого протекают политические процессы и происходит легитимация политического порядка, представляет собой принципиально новый политологический феномен, связанный с медиатизацией политики и одновременно политизацией современных средств массовой информации. В этих условиях получают интенсивное развитие различные технологии политического манипулирования, апробирующиеся через политические практики и институционализирующиеся посредством подвластных политическим силам массмедиа [2]. О манипуляции говорят и программные документы. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575) к источникам угроз национальной безопасности относит развитие технологий манипулирования информацией. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г. № Пр-1895) манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие или искажение информации) относит к угрозам конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению России. Появление в таких важнейших документах термина «манипулирование» заставляет обратить внимание, как минимум, на два момента:

1) определение манипуляции как угрозы личности, обществу и государству требует разработки способов защиты от этих угроз, в том числе и правовых;

2) появление термина «манипулирование» означает его постепенное проникновение в категориальный аппарат правовых институтов (субинститутов) информационной безопасности, а значит, требует соответствующих правовых характеристик, которые могут дать оценку действиям манипулятора. Сегодня исследователи предлагают принять закон о противодействии манипулированию, в котором будут проработаны понятие «манипулирование», его виды и те проявления, которые могут являться наказуемыми (Н.С. Урсу). Но так ли просто это сделать?

Согласно теории государства и права юридически значимые действия могут быть правомерными и противоправными. Последние при наличии определенных признаков считаются правонарушением. В число таких признаков включается вред и причинная связь между деянием и причиненным вредом, что имеет большое значение для рассмотрения действий с точки зрения информационной безопасности.

Устанавливая законодательное ограничение манипуляциям, необходимо тщательно проработать терминологический аппарат законодательного акта, с помощью которого можно будет отграничивать правомерное поведение от правонарушения. Речь идет, в первую очередь, о самом понятии «манипулирование». В последние годы появилось достаточно большое количество работ философов, филологов, социологов, журналистов, которые дают свое определение манипулированию, пытаются раскрыть содержание, механизмы и результаты скрытого воздействия СМИ на общественное сознание, ис-

---

следовать вербальные и невербальные средства реализации манипуляции в текстах СМИ, изучить феномен манипуляции в его текстовой реализации, дать лингвоюридическую интерпретацию феномена речевой манипуляции, разработать принципы, формы и методы противодействия манипулятивному влиянию на сами СМИ (И.В. Беляева, И.М. Дзялошинский, Е.Л. Доценко, С.Г. Кара-Мурза, И.Г. Катенева, Б.Н. Лозовский, Е.Д. Павлова, Ю.К. Пирогова, Н.С. Урсу, В.П. Шейнов и др.). Работы дают богатый материал для юристов.

Е.Л. Доценко, например, проведя серьезное исследование еще в середине 90-х г. прошлого столетия, определяет манипуляцию как вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями, при этом указывает на следующие признаки этого понятия: 1) родовой признак — психологическое воздействие; 2) отношение манипулятора к другому лицу как к средству достижения собственных целей; 3) стремление получить односторонний выигрыш; 4) скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленности); 5) использование психологической силы, игра на слабостях; 6) побуждение, мотивационное привнесение; 7) мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий [3, с. 58–59].

Применительно к рекламному дискурсу Ю.К. Пирогова дает определение, которое учитывает особенности данной коммуникации: «Манипулирование, или манипуляция, — это вид скрытого коммуникативного воздействия адресанта на адресата (на его знания, представления, отношения, цели) с целью изменить его намерения в нужном для адресанта направлении вопреки интересам адресата. Адресата коммуникации при этом вводят в заблуждение относительно важных для него характеристик рекламируемого (или продвигаемого) объекта или используют слабые стороны его психического или когнитивного устройства. Введение в заблуждение означает, что у адресата формируется неверное представление о мире, причем адресант применил коммуникативные приемы, провоцирующие это неверное представление. Скрытое воздействие означает, что адресант применяет не контролируемые, не осознаваемые адресатом приемы воздействия. Многие из таких приемов имеют психолингвистическую основу» [4, с. 251].

Белорусский исследователь В.П. Шейнов предлагает краткое определение, которое вбирает в себя характеристики, предложенные многими авторами. «Манипулирование — это скрытое управление адресатом против его воли, наносящее ущерб адресату» [5, с. 9]. При этом автор подчеркивает, что если действие инициатора производится в интересах адресата, то это созидательное скрытое управление, и его можно приветствовать, если они эгоистичны — то это манипуляция, однозначно осуждаемая в общественном сознании. Данная позиция, представляется, наиболее близка к нормативному определению манипулирования, поскольку дает возможность установить элементы юридического состава правонарушения, что особенно важно с точки зрения информационной безопасности: если в результате манипулирования нарушаются чьи-либо интересы и может быть причинен вред, — это угроза, и она должна быть нейтрализована. Другое дело, насколько эту угрозу

вообще можно выявить, т. е. насколько она может быть явной. Заметим, что проблема выявления данного типа угроз (связанных с манипулированием в СМИ) очень сложна. Исследований, которые давали бы возможность перевести нейтрализацию угроз в область права, очень мало. Все они лежат на стыке психологии, лингвистики, журналистики. Практика рассмотрения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, потребовавшая дать четкие ответы на вопросы, связанные с особенностями языка СМИ, дала толчок развитию юридической лингвистики, которая оказывает правоприменителям неоценимую услугу. Однако решение проблем манипулирования требует более широкого арсенала научных средств.

Сегодня исследователи предлагают не только установить законодательное ограничение манипулирования, но и выработать конвенциональные формы общественного контроля за деятельностью СМИ и повысить эффективность различных форм внутрикорпоративного саморегулирования (Б.Н. Лозовский), применять другие меры, направленные на его искоренение. Например, Н.С. Урсу, считая необходимой активизацию моральных и нравственных установок, не допускающих применения скрытого управления в демократической стране в XXI в., отмечает важность актуализации проблемы, ее обсуждение на всех уровнях, жесткой критики в адрес политиков, использующих политическое манипулирование. «Недопустимость его применения — идея, которая должна транслироваться не только в адрес самих политических деятелей, но и в адрес исполнителей: политологов, журналистов и пр.» [6].

Однако для того, чтобы вышеуказанные предложения нашли реализацию на практике, следует прежде всего определиться, в каких случаях можно бороться с данным явлением с помощью закона, а в каких — призывать на помощь институт саморегулирования. Если рассматривать стратегии, приемы, языковые средства манипулирования, о которых говорят исследователи, можно выделить те, которые подпадают под правовое регулирование уже сегодня. Например, стратегия дискредитации, какую бы тактику или прием ни использовал манипулятор (бездоказательное умаление авторитета, сопоставительная тактика, цитирование объекта дискредитации, превращение нейтральных контекстов в дискредитирующие, оскорбление, агрессивный оппонент, прием «наклеивания ярлыков» и др.), может оказаться в правовом поле защиты чести, достоинства и деловой репутации. При этом способы защиты четко определены законом. Если в тексте СМИ распространены сведения, которые не соответствуют действительности и порочат оппонента, может наступить гражданско-правовая ответственность, если речь идет об оскорблении или клевете — уголовная ответственность. При этом не имеет значения вид манипуляции — содержательная или композиционная (могут оспариваться и сведения, содержащиеся в заголовке). Оказаться тесно связанным с защитой чести и достоинства может и перенос образа, если на оппонента будут проецироваться негативные качества другого человека. В итоге также может сформироваться сообщение в виде подтекста, содержащее фактическую сторону, которую можно опровергнуть или доказать. Если факты не будут доказаны, а негативные качества, которые якобы присущи оппоненту, будут умалять его

достоинство — честь, достоинство и деловая репутация могут стать предметом защиты в суде. Если же стратегии, приемы не касаются личности, но содержат сведения, которые можно опровергнуть, то поставить заслон манипулированию помогут другие нормы права. Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» (ст. 34) обязывает журналистов сообщать достоверные сведения, и в случае нарушения данного требования редакция может получить предупреждение регистрирующего органа. Существенно ограничивает некоторые манипулятивные приемы законодательство о рекламе.

Однако нередко, имея целью скрытое управление адресатом против его воли, СМИ используют стратегии и приемы, которые не содержат сведений, имеющих негативный компонент (стратегия героизации, отчасти фрустрационная стратегия, использование исторической аналогии, технологии личных гарантий, обращения к традиции, апелляции к мнениям других людей, использование метафоры, повтора, параллельных конструкций, градации и др.). В таких случаях нормативное регулирование оказывается проблематичным, поскольку право обязывает ответить на ряд вопросов, которые так или иначе требуют четкого описания манипуляций юридическим языком.

В таких случаях, с нашей точки зрения, наиболее эффективные методы борьбы с манипуляциями в СМИ может предложить институт саморегулирования.

Список литературы:

1. Павлова, Е.Д. Скрытое воздействие средств массовой информации на массовое сознание как социально-философская проблема : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е.Д. Павлова. — М., 2004. — 24 с.
2. Колесников, Е.А. Механизмы легитимации технологий политического манипулирования : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е. А. Колесников. — Ростов н/Д, 2011. — 26 с.
3. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. — М.: ООО «ЧеРо»: Юрайт, 2000. — 342 с.
4. Пирогова, Ю.К. Информационная безопасность и языковое манипулирование в рекламном дискурсе // Информационная и психологическая безопасность в СМИ : в 2 т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации / под ред. А.И. Донцова и др. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 335 с.
5. Шейнов, В.П. Психологическое влияние / В.П. Шейнов. — Минск: Харвест, 2011. — 640 с.
6. Урсу, Н.С. Политическое манипулирование в российских средствах массовой информации: возможности и границы : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Н.С. Урсу. — М., 2012. — 21 с.

References:

1. Pavlova, E.D. Skrytoe vozdejstvie sredstv massovoj informacii na massovoe soznanie kak social'no-filosofskaja problema : avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk / E.D. Pavlova. — M., 2004. — 24 s.
2. Kolesnikov, E.A. Mehanizmy legitimacii tehnologij politicheskogo manipulirovanija : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk / E. A. Kolesnikov. — Rostov n/D, 2011. — 26 s.
3. Docenko, E.L. Psihologija manipuljacii : fenomeny, mehanizmy i zashhita / E.L. Docenko. — M.: ООО «CheRo»: Jurajt, 2000. — 342 s.
4. Pirogova, Ju.K. Informacionnaja bezopasnost' i jazykovoe manipulirovanie v reklamnom diskurse // Informacionnaja i psihologicheskaja bezopasnost' v SMI : v 2 t. T. 1: Televizionnye i reklamnye kommunikacii / pod red. A.I. Doncova i dr. — M.: Aspekt Press, 2002. — 335 s.

-
5. Shejnov, V.P. Psihologicheskoe vlijanie / V.P. Shejnov. — Minsk: Harvest, 2011. — 640 s.
6. Ursu, N.S. Politicheskoe manipulirovanie v rossijskih sredstvah massovoj informacii: vozmozhnosti i granicy : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk / N.S. Ursu. — M., 2012. — 21 s.

Е.Ю. Курьшев,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Саратовский военный институт
внутренних войск МВД России

E.J. Kuryshev,
Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov Military Institute of Internal
Troops of the MIA of Russia
Kurisheff.ewg@yandex.ru

Содержание правовой инновации

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью роли правовой инновации как одного из способов обновления правовой системы. Цель статьи — проанализировать содержание правовой инновации как явления и процесса. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, синтеза, анализа, аналогии) и конкретно-научных методов (системный, сравнительно-правовой). Автор формулирует определение, указывает признаки и направления правовой инновации. В статье определяются этапы правовой инновации, а также структура инновационного процесса.

Автор делает выводы, что правовые инновации являются одним из средств повышения правового регулирования, а при условии прохождения всех установленных этапов, предусмотренных одним циклом, с обязательным внедрением правовая новация переходит в инновацию с последующей трансформацией в традицию. В указанном контексте существует временной период взаимодействия правовых инноваций и существующих правовых традиций, так называемая борьба старого с новым в праве, борьба объективного права с правосознанием.

Ключевые слова: правовая инновация, правовые инновационные этапы (циклы), направления правовых инноваций, структура инновационного процесса.

Content of legislative innovation

Abstract: the article timeliness is caused by the legislative innovation, which plays an important part as a means to renew the legal system. The article is aimed at analysis of legislative innovation content as a phenomena and a process, and general scientific (dialectic, synthesis, analysis, analogy) and specific (systematic and comparative legislative) approaches help solve the problems set. The author defines, lists characteristics and directions of the legislative innovation. Stages of the legislative innovation are defined in the article, as well as the innovative process structure.

The author also concludes that the legal innovations are one of the means of improving the legal regulation, but provided through all the stages set in one cycle with the obligatory introduction, the legal innovation passes into the innovation with transforming in the tradition. In this context, there is a time period of interaction of legal innovations and existing legal traditions, the so-called struggle of the old with the new in the law, the struggle of the objective law against the sense of justice.

Keywords: legislative innovation, legislative innovation stages (cycles), legislative innovation directions, innovative process structure.

В силу определенных условий государство не может ждать спонтанного возникновения отдельных общественных отношений с последующим их закреплением в правовой норме, а инициативно их создает или изменяет. И.Н. Сенякин, характеризуя состояние современной российской правовой системы, отмечает, что «сегодняшний курс на ускорение реформ подталки-

---

вает законодателя к более оперативному регламентированию современных общественных процессов» [1, с. 10].

Именно на этапе правотворчества можно обнаружить удивительный процесс, связанный с правовыми инновациями. Правовая инновация будет эффективной тогда, когда создана и функционирует правовая система, в которой только в отдельных случаях допускается наличие противоречий, правовых пробелов и ошибок.

Чтобы рассмотреть характерное проявление правовых инноваций, их содержание, необходимо понять, в каком сегменте правоустановления могут возникнуть новшества, рождаются новые правовые идеи.

Сведение инновации только к увеличению нормативных правовых актов, поиску альтернативных источников права — «усеченная» позиция в рамках обновления, происходящего во всей правовой системе и праве. Правовые инновации вполне могут быть внедрены в правовую идеологию, правовую культуру, правоприменение, отрасли частного и публичного права. Исходя из этого, инновационный правовой объем будет отличаться при его применении в различных элементах правовой системы.

Под правовой инновацией предлагается понимать внедренное в правовую систему новшество, качественно улучшающее ее элементы с целью гармонизации действующего права.

Признаками, отличающими правовую инновацию от других, смежных категорий, являются: 1) внедрение в правовую среду новых элементов; 2) наличие определенных правовых инновационных этапов (циклов); 3) конечный правовой инновационный результат.

В российской правовой системе существовали примеры правовой инновации: «это было не отмена старого акта и создание совершенно нового, абстрактно придуманного, а постепенное угасание древнего источника, наложение на него современного толкования, сохранение старой (как правило, обычной) правовой почвы, в силу чего ведущим методом правотворчества становится рецепция содержания действовавших памятников — как русских, так и иностранных» [2, с. 119].

Новое в праве не всегда можно рассматривать как правовую инновацию, которая в состоянии кардинально изменить и улучшить действующее право. Характерным примером невнедрения и даже «непринятия» правовой инновации может служить ювенальная юстиция. Так, в течение первого десятилетия XXI в. в России проводилась активная работа по ее внедрению. Однако эта заимствованная инновация по реформированию существующей системы правонарушений несовершеннолетних, а также соответствующие предложения по изменениям в законодательстве встретили сопротивление со стороны общественности.

Для того чтобы применять инновации в праве, управлять правовым инновационным процессом необходимо, во-первых, знать, в каких направлениях проявляются правовые инновации; во-вторых, различать элементы структуры правового инновационного процесса; в-третьих, разграничить этапы внедрения правовой инновации.

Основные направления правовых инноваций: предметно-правовое, методологически-правовое, программно-правовое, технико-правовое.

Предметно-правовое инновационное направление связано с созданием новых инновационных элементов правовой среды: норм, институтов, отраслей права, источников и принципов права, инноваций в правовой идеологии и правосознании. Например, в рамках реформирования судебной системы В.М. Розин видит современную деятельность российского судебного корпуса с учетом наличия инновационной составляющей. По его мнению, инновационная деятельность судов заключается в том, «что она не столько создает новые образцы юридических действий, сколько способствует восстановлению права и законности в сфере юридической практики, одновременно повышая культуру работы и мышления судей» [3, с. 221]. На примере возрождения суда присяжных рассматриваются инновации в российском уголовном правосудии. Так, Л.М. Карнозова обращает внимание на специфику его деятельности не иначе как на новацию, по своей природе отличающуюся от предыдущего судебного процесса по таким показателям, как философия правосудия, цели суда, роль судьи [4, с. 229].

Показательным примером новых идей в предметно-правовом инновационном направлении является внедрение восстановительного правосудия [5, с. 66], разработка и обоснование института медиации как способа внесудебного (альтернативного) разрешения гражданско-правовых, арбитражных, семейных споров, а также административно-правовых и уголовно-правовых конфликтов [6, с. 3–4].

Методологически-правовое инновационное направление включает в себя новые принципы, методы изучения и познания права, новые методы и формы обсуждения и принятия нормативных правовых актов. Одна из целей правовой инновации этого направления заключается в повышении качества принимаемых законов, реализации новых правовых идей посредством прямого участия в обсуждении, внесении изменений и дополнений в проекты законов.

Именно в сфере методологически-правовых инноваций нужно искать решение современных проблем, связанных с повышением эффективности правотворческого механизма российской правовой системы. На сегодняшний день эффективной методологически-правовой инновацией становится обсуждение отдельных законодательных проектов посредством глобальной сети Интернет.

Программно-правовое инновационное направление включает в себя новые программные продукты, предназначенные для улучшения правореализации, правоприменения, систематизации нормативных правовых актов.

В условиях перехода к информационному обществу происходит изменение доступа к использованию правовых знаний. В сложившейся обстановке особую роль будет играть скорость получения правовой информации, возможность быстрой систематизации нарастающего объема правового материала.

Посредством справочно-поисковых правовых систем внедрена инновация в область систематизации нормативных правовых актов. Разработчики справочных правовых компьютерных систем наряду с существующими критериями поиска (по органу, принявшему нормативный акт, по форме

правового акта, по типу акта), используя инновационный подход, ввели ряд новых критериев, доступных электронной системе, но недоступных бумажному носителю информации (интеллектуальный или косвенный поиск информации; поиск по регистрационному коду документа; поиск в зависимости от статуса правового акта (не вступивший в силу, действующий, отмененный акт)).

Технико-правовое инновационное направление включает в себя: во-первых, создание правовых инноваций в сфере применения технических (сетевых) средств контроля за деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления; во-вторых, контроль механизма реализации избирательных прав; в-третьих, создание технико-правовых инноваций в сфере прохождения процедуры различных запросов физических и юридических лиц, связанных с получением информации, формируемой в результате деятельности органов государственной власти; в-четвертых, создание и использование инновационных технических систем фиксации правонарушений (например, нарушений правил дорожного движения посредством их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото-, киносъемки и видеозаписи [7, с. 20]).

Внедрение правовых инноваций в правовую среду представляет собой определенный процесс, обладающий организационной структурой. Под структурой инновационного процесса предлагается понимать совокупность составляющих его элементов и способ их взаимосвязи. По своей структуре правовой инновационный процесс включает в себя три элемента (части): новация, инновация и правовая диффузия.

Необходимо обратить внимание на то, что инновация — это процесс, протекающий во времени. Исходя из этого, можно выделить правовые инновационные этапы. Первый этап — зарождение правовой идеи или ее концепции. Второй этап — системное построение новой правовой идеи. Третий этап — первоначальное принятие новшества в правовой системе. Четвертый этап — распространение правового нововведения (собственно, инновация).

Таким образом, правовые инновации необходимо рассматривать как одно из средств повышения эффективности правового регулирования. При этом важно учитывать, что право должно обеспечивать своевременную регламентацию вновь возникающих и изменяющихся интересов человека, аккумулируя и развивая духовные ценности, национальные достижения, т. е. качественно выполняя одну из главных общесоциальных функций — культурно-историческую.

Список литературы:

1. Законодательный дисбаланс / И.Н. Сенякин, А.А. Фомин, А.А. Никитин и др.; под ред. И.Н. Сенякина. — Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. — 720 с.
  2. Синюков, В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. / В.Н. Синюков. — М.: Норма, 2010. — 672 с.
-

3. Розин, В.М. Проблема инновационного творчества российских судей // Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации / под ред. В.М. Розина. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 320 с.

4. Карнозова, Л.М. Возрождение суда присяжных: проблемы инноваций в российском уголовном правосудии // Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации / под ред. В.М. Розина. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 320 с.

5. Максудов, Р.Р. Восстановительное правосудие в Российской Федерации // Мониторинг прав человека: роль государственных и общественных правозащитных организаций в развитии восстановительного правосудия : сборник материалов междунар. конференции, 1–2 февраля 2007 г. (г. Пермь) / сост. Т.И. Марголина. — Пермь, 2008. — 250 с.

6. Долгушин, Б.П. Медиация как инструмент инновационной государственно-правовой политики: международный и российский аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Б.П. Долгушин. — М., 2010. — 34 с.

7. Божко, И.В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовое регулирование и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Божко. — Ростов н/Д, 2011. — 27 с.

References:

1. Zakonodatel'nyj disbalans / I.N. Senjakin, A.A. Fomin, A.A. Nikitin i dr.; pod red. I.N. Senjakina. — Saratov: Izd-vo FGBOU VPO «Saratovskaja gosudarstvennaja juridicheskaja akademija», 2013. — 720 s.

2. Sinjukov, V.N. Rossijskaja pravovaja sistema. Vvedenie v obshhiju teoriju. 2-e izd., dop. / V.N. Sinjukov. — M.: Norma, 2010. — 672 s.

3. Rozin, V.M. Problema innovacionnogo tvorcestva rossijskikh sudej // Jetjudy po social'noj inzhenerii: Ot utopii k organizacii / pod red. V.M. Rozina. — M.: Jeditorial URSS, 2002. — 320 s.

4. Karnozova, L.M. Vozrozhdenie suda prisjazhnyh: problemy innovacij v rossijskom ugovolnom pravosudii // Jetjudy po social'noj inzhenerii: Ot utopii k organizacii / pod red. V.M. Rozina. — M.: Jeditorial URSS, 2002. — 320 s.

5. Maksudov, R.R. Vosstanovitel'noe pravosudie v Rossijskoj Federacii // Monitoring prav cheloveka: rol' gosudarstvennyh i obshhestvennyh pravozashhitnyh organizacij v razvitii vosstanovitel'nogo pravosudija : sbornik materialov mezhdunar. konferencii, 1–2 fevralja 2007 g. (g. Perm') / sost. T.I. Margolina. — Perm', 2008. — 250 s.

6. Dolgushin, B.P. Mediacija kak instrument innovacionnoj gosudarstvenno-pravovoj politiki: mezhdunarodnyj i rossijskij aspekt: avtoref. dis. ... d-ra filoz. nauk / B.P. Dolgushin. — M., 2010. — 34 s.

7. Bozhko, I.V. Narushenie pravil dorozhnogo dvizhenija i jekspluatcii transportnyh sredstv: ugovolno-pravovoe regulirovanie i preduprezhdenie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / I.V. Bozhko. — Rostov n/D, 2011. — 27 s.

• ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ •

А.С. Айрапетян,
кандидат юридических наук, старший
преподаватель
кафедры конституционного и
международного права
Поволжского института управления
им. П.А. Столыпина
(филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

A.S. Airapetian
Candidate of Law, Senior Lecturer,
Stolypin Volga Region Institute of
Administration Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Armen-de-URSS-1987@yandex.ru

Выборы и референдум как сферы официального использования языков народов Российской Федерации

***Аннотация:** в статье речь идет о правовом регулировании использования государственного языка России и иных языков народов Российской Федерации в таких сферах официального общения, как выборы и референдум. Автор останавливается на вопросе разграничения полномочий законодательных (представительных) органов и избирательных комиссий субъекта РФ в области регулирования языковых отношений при подготовке и проведении выборов и референдума. Обращается внимание на материалы судебной практики, которые посвящены толкованию норм избирательного законодательства и законодательства о языке. Выявляются некоторые пробелы в правовом регулировании языковых отношений при подготовке и проведении выборов и референдумов на федеральном и региональном уровне. Автором также предлагается ряд решений по изменению действующего избирательного законодательства в целях совершенствования правового регулирования официального использования языков народов Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** государственный язык России, языки народов России, выборы, референдум, язык подготовки и проведения выборов и референдума, избирательная комиссия субъекта Российской Федерации.*

Election and referendum as the spheres of official using of peoples Russian Federation languages

***Abstract:** the article deals with legal regulation of using the RF state language and other languages of RF peoples in the elections and referendum. The author touches upon the issue of legislative powers demarcation of Russian Federation organs and RF election commissions in the areas of the language relations while preparation and holding election and referendum. Particular attention is paid to the materials of judicial practice, the provisions of which provide interpretation of the electoral legislation and legislation on language. Identifies some gaps in the legal regulation of language relations in the preparation and conduct of elections and referendums at the federal and regional level. The author also offers several solutions to change the current electoral legislation in order to improve the legal regulation of the official use of languages of the peoples of the Russian Federation.*

***Keywords:** RF state language, RF peoples languages, election, referendum, preparation and holding election, RF subject, election commission.*

Действующая Конституция России определяет многонациональный народ носителем суверенитета и источником власти в стране. Выборы и референдум провозглашаются высшей непосредственной формой выражения власти народа в России. В соответствии с ч. 1 ст. 68 Конституции РФ

государственным языком на всей ее территории является русский язык. Республикам в составе России в ч. 2 ст. 68 Конституции РФ предоставлено право устанавливать свои государственные языки, которые употребляются в органах государственной власти, органах местного самоуправления и учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации.

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» [1] в ст. 3 среди прочего установил, что государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию при подготовке и проведении выборов и референдумов. В ст. 14 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» [2] указана возможность употребления и иных языков при подготовке и проведении выборов и референдумов. В данной норме помимо подтверждения обязательности государственного языка закреплено право республик на употребление своих государственных языков, а также право субъектов на использование иных языков народов России в местах их компактного проживания, но наряду с государственным языком Российской Федерации.

В части 2 ст. 14 Закона «О языках народов Российской Федерации» отдельное внимание уделено языку, на котором печатаются избирательные бюллетени и бюллетени для голосования на референдуме. Бюллетени изготавливаются на русском языке как государственном языке России. Однако по решению соответствующей избирательной комиссии и комиссии референдума бюллетени могут печататься также на государственных языках республик и иных языках народов России на территориях их компактного проживания. В отличие от Закона «О языках народов Российской Федерации» в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3] вместо словосочетания «соответствующая избирательная комиссия» использовано понятие «комиссия, указанная в законе». К полномочиям Центральной избирательной комиссии РФ отнесено утверждение формы и текста бюллетеней выборов Президента РФ [4], депутатов Государственной Думы ФС РФ [5] и референдума [6]. К полномочиям избирательной комиссии субъекта РФ федеральный законодатель отнес утверждение формы и текста бюллетеня на государственных языках республик и иных языках народов России в местах их компактного проживания. Указанное полномочие республиканской избирательной комиссии и избирательной комиссии субъекта сформулировано не как обязанность, а как право. К тому же это право избирательной комиссии уровня субъекта Федерации, а не законодателя субъекта Федерации.

По пути отстаивания данной позиции федерального законодателя пошла судебная практика. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 26 сентября 2000 г. № 31-Г00-11 [7] отмечается, что отсутствие текстов бюллетеней для голосования по федеральному избирательному округу на государственном языке республики не является препятствием для реализации активного избирательного права и не противоречит федеральному законодательству, поскольку это является правом республиканской избирательной комиссии, а не ее обязанностью.

На выборах в органы государственной власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления избирательной комиссией, имеющей право принимать решение об изготовлении бюллетеней на государственных языках республик и языках народов в местах их компактного проживания, законом соответствующего

субъекта Федерации может быть определена также нижестоящая комиссия по отношению к избирательной комиссии субъекта Федерации. Например, законом Республики Саха (Якутия) [8] на местных выборах такими полномочиями наделена избирательная комиссия муниципального образования (окружная избирательная комиссия), а в Крыму — республиканская избирательная комиссия (на выборах Государственного Совета Республики) [9] и избирательная комиссия муниципального образования (на выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Крым) [10]. Только республиканский законодатель Республики Саха (Якутия) в отличие от Крымского в нарушение федерального законодательства не ограничил право выбора языков соответствующей комиссии. В Крыму законодатель сузил возможности своих комиссий исключительно до государственных языков (русского, украинского и крымско-татарского). Субъекту Федерации в своем законодательстве предоставлено право определить комиссию, по решению которой возможно изготовление бюллетеней дополнительно на иных языках, но не сами эти языки. Поэтому Республике Крым необходимо привести правила о языке бюллетеней своего избирательного законодательства в соответствие с федеральными требованиями о языке.

В определениях Верховного Суда РФ от 19 ноября 2008 г. № 74-Г08-46 [11] и № 74-Г08-47 [12] отнесение решения вопросов о языке (языках), на которых печатаются тексты бюллетеней на каждом избирательном участке, к ведению соответствующей избирательной комиссии, а не законодательного органа республики, объясняется целями обеспечения равноправия граждан Российской Федерации для участия в выборах и референдуме. Как полагает Верховный Суд РФ, такое полномочие соответствующей избирательной комиссии создает дополнительные гарантии для лиц на территориях компактного проживания, не владеющих государственным языком Российской Федерации и государственным языком республики. Верховный Суд РФ считает, что регулирование законодателем республики вопроса изготовления бюллетеня на государственном языке данной республики в обязательном порядке снижает уровень гарантий избирательных прав граждан республики в составе России на территориях их компактного проживания.

В научной литературе представлены критические замечания в отношении настоящего правового регулирования. П.М. Воронецкий считает, что было бы целесообразным устанавливать использование государственных языков республик в составе России при изготовлении бюллетеней в соответствии с республиканским законодательством, а не решением соответствующей избирательной комиссии, а также предусмотреть условия такого использования (например, заявки от нижестоящих комиссий) [13, с. 23]. На наш взгляд, нет необходимости передачи полномочия изготовления бюллетеней на государственных языках республик и иных языках народов России на территориях их компактного проживания в ведение законодателя субъекта Федерации, но ограничить на уровне федерального закона чересчур широкое усмотрение соответствующей комиссии логично. Например, в качестве условия обязательного изготовления комиссией бюллетеней на определенном языке можно предусмотреть коллективное обращение со стороны носителей данного языка народов России и (или) проживание определенного процента (доли) носителей

этого языка от численности населения на территории муниципального образования по данным Всероссийской переписи.

Общие правила официального использования одновременно нескольких языков изложены в ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О государственном языке РФ». При употреблении наряду с государственным языком Российской Федерации иных языков (государственных языков республик, языков народов России и иностранных языков) такое использование должно быть идентичным по содержанию, техническому оформлению, звучанию и способам передачи. В случае использования нескольких языков во время изготовления бюллетеней текст на русском языке размещается в каждом таком бюллетене. Аналогичные требования содержатся в п. 10 ст. 63 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и в п. 8 ст. 67 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации». Законодательство о выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ и референдуме имеет несколько иную по виду, но такую же по смыслу формулировку, определяя, что при изготовлении для избирательного участка, участка референдума бюллетеней на нескольких языках текст на всех этих языках помещается в каждый такой бюллетень. Для проведения выборов текст бюллетеня печатается на одной его стороне. Исключения могут составлять случаи, когда в избирательный бюллетень для голосования на выборах депутатов Государственной Думы по федеральному избирательному округу внесено свыше 20 зарегистрированных федеральных списков кандидатов, а в избирательный бюллетень для голосования по одномандатному избирательному округу — свыше 30 зарегистрированных кандидатов. В таких случаях бюллетень может быть изготовлен в форме брошюры.

В части 2 ст. 8 Федерального конституционного закона «О референдуме» помимо изготовления текста бюллетеня уточняется круг сфер употребления языков:

- 1) формулировка вопроса (вопросов) референдума;
- 2) составление текста проекта нормативного акта, выносимого на референдум;
- 3) решения, принятые на референдуме;
- 4) документы органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, касающиеся проведения референдума.

Согласно части 2 ст. 14 Закона «О языках народов Российской Федерации» к данному перечню добавляется оформление протоколов итогов голосования и результатов выборов и референдумов. В отличие от определения языков изготовления и оформления бюллетеней в вопросе разграничения компетенции между ЦИК РФ и комиссиями субъектов Федерации в отношении иных сфер употребления языков в рамках подготовки и проведения выборов и референдумов в федеральном законодательстве и судебной практике нет полной ясности. Возникает вопрос: вправе ли избирательные комиссии субъектов Федерации и нижестоящие комиссии, исходя из аналогии закона, принимать решения об употреблении языков народов России при оформлении протоколов итогов голосования и результатов выборов и референдумов, а также в других сферах, определенных ч. 2 ст. 8 Федерального конституционного закона «О референдуме»? Или это полномочие законодателя субъектов Российской Федерации?

Отчасти ответ на этот вопрос содержится в требованиях к информации о деятельности Центральной избирательной комиссии РФ и избирательных комиссий субъектов Федерации, в том числе данных о результатах голосования, итогах выборов и референдумов и т. д., подлежащих размещению на официальных сайтах данных органов власти. В соответствии с п. 6 Постановления ЦИК России от 28 октября 2010 г. № 223/1491-5 [14] на сайте ЦИК России и официальных сайтах избирательных комиссий субъектов Федерации информация об их деятельности в обязательном порядке размещается на русском языке, а также может быть размещена на государственных языках республик, находящихся в составе России, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках.

Подводя итоги, отметим, что правовые нормы Российской Федерации о языке подготовки и проведения выборов и референдумов разбросаны в федеральных конституционных и федеральных законах. При этом, несмотря на такую разбросанность, нормы о языке отличаются системностью и взаимодополняемостью. Законодательство о языках в целом содержит общие положения об употреблении языков при подготовке и проведении выборов и референдумов. Избирательное законодательство и Федеральный конституционный закон «О референдуме» устанавливают более детальное регулирование использования языков.

Законодательство о языках и законодательство о выборах и референдуме развивают в своих положениях закрепленный в ч. 2 ст. 68 Основного Закона принцип параллельного использования государственного языка России и государственных языков республик в составе России. Более того, в официальных сферах общения, образуемых при подготовке и проведении выборов и референдумов, данный принцип распространяется также на иные языки народов России.

В целом федеральным законодательством о выборах и референдуме, а также судебной практикой вносится ясность в вопрос разграничения полномочий между Федерацией и ее субъектами в вопросе определения использования языков в избирательном процессе и референдуме. Однако федеральный законодатель обошел вниманием вопрос о том, в компетенцию какого органа власти входит реализация права субъекта Федерации на оформление итогов голосования, результатов выборов и референдумов на государственном языке республики в составе России и иных языках народов России в местах их компактного проживания: регионального законодателя или избирательной комиссии субъекта Федерации.

Особое внимание федеральный законодатель уделит вопросу языка изготовления и оформления бюллетеней, а также разграничил полномочия Федерации и ее субъектов, наделив правом решения вопроса о языке оформления бюллетеней не регионального законодателя, а соответствующую избирательную комиссию. Заметим, что на референдуме, выборах Президента России и депутатов Государственной Думы ФС РФ такими полномочиями наделена избирательная комиссия уровня субъекта Российской Федерации, а на региональных и местных выборах в соответствии с законом субъекта Федерации — также нижестоящая избирательная комиссия. Видимо, федеральный законодатель руководствовался соображениями оперативного регулирования данного вопроса, оставив на усмотрение членов избирательной комиссии субъектов Федерации и нижестоящих комиссий возможность употребления языков народов России при изготовлении бюллетеней.

Список литературы:

1. О государственном языке Российской Федерации : федеральный закон РФ от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (в ред. от 5 мая 2014 г. № 101-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2005. — № 23, ст. 2199; 2014. — № 19, ст. 2306.
2. О языках народов Российской Федерации : закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 (в ред. от 12 марта 2014 г. № 29-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 50, ст. 1740; Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 11, ст. 1094.
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон РФ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 24 ноября 2014 г. № 355-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 24, ст. 2253; 2014. — № 48, ст. 6636.
4. О выборах Президента Российской Федерации : федеральный закон РФ от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ (в ред. от 24 ноября 2014 г. № 355-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2003. — № 2, ст. 171; 2014. — № 48, ст. 6636.
5. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федеральный закон РФ от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (в ред. от 24 ноября 2014 г. № 355-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 8, ст. 740; 2014. — № 48, ст. 6636.
6. О референдуме Российской Федерации : федеральный конституционный закон РФ от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (в ред. от 22 декабря 2014 г. № 17-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 27, ст. 2710; 2014. — № 52, ч. 1, ст. 7529.
7. Определение Верховного Суда РФ от 26 сентября 2000 г. № 31-Г00-11 по делу по кассационной жалобе Т. на решение Верховного Суда Чувашской Республики от 29 июня 2000 г. по жалобе Т. на действия Центральной избирательной комиссии Чувашской Республики, о признании недействительными выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва по Чувашской Республике, состоявшихся 19 декабря 1999 г., и обязанности ЦИК Чувашской Республики назначить на территории Чувашской Республики новые выборы // Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека. URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_8370.htm (дата обращения: 09.03.2010).
8. О муниципальных выборах в Республике Саха (Якутия) : закон Республики Саха (Якутия) от 28 сентября 2011 г. 964-3 № 815-IV (в ред. от 15 декабря 2014 г. 1397-3 № 349-V) // Якутские ведомости. — 2011. — 15 окт.; 2014. — 30 дек.
9. О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым : закон Республики Крым от 15 мая 2014 г. № 3-ЗРК (в ред. от 2 июля 2014 г. № 26-ЗРК) // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. — 2014. — № 1, ч. 2, ст. 70; ст. 93.
10. О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Крым : закон Республики Крым от 5 июня 2014 г. № 17-ЗРК // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. — 2014. — № 1, ч. 2, ст. 84.
11. Об оставлении без изменения решения Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 2 сентября 2008 г., которым признаны противоречащими федеральному законодательству и недействующими часть 3 и часть 9 статьи 73 Закона Республики Саха (Якутия) от 18 октября 2007 г. 497-3 № 1007-111 «О выборах народных депутатов Республики Саха (Якутия)» в части, предусматривающей обязательное изготовление избирательных бюллетеней на русском и якутском языках : определение Верховного Суда РФ от 19 ноября 2008 г. № 74-Г08-46 // Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека. URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_40898.htm (дата обращения: 25.10.2010).
12. Об оставлении без изменения решения Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 2 сентября 2008 г., которым признана противоречащей федеральному за-

---

конодательству и недействующей часть 9 статьи 62 Закона Республики Саха (Якутия) от 11 июля 2007 г. 477-3 № 969-111 «О муниципальных выборах в Республике Саха (Якутия)» в части, предусматривающей обязательное изготовление избирательных бюллетеней на русском и якутском языках : определение Верховного Суда РФ от 19 ноября 2008 г. № 74-Г08-47 // Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека. URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_40899.htm (дата обращения: 25.10.2010).

13. Воронцов, П.М. Конституционно-правовые проблемы статуса государственных языков республик в составе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.М. Воронцов — СПб., 2009. — 25 с.

14. Об утверждении Требований к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования сайтом Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и официальными сайтами избирательных комиссий субъектов Российской Федерации : постановление ЦИК России от 28 октября 2010 г. № 223/1491-5 // Вестник Центризбиркома РФ. — 2010. — № 11.

References:

1. O gosudarstvennom jazyke Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon RF ot 1 ijunja 2005 g. № 53-FZ (v red. ot 5 maja 2014 g. № 101-FZ) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2005. — № 23, st. 2199; 2014. — № 19, st. 2306.

2. O jazykah narodov Rossijskoj Federacii : zakon RF ot 25 oktjabrja 1991 g. № 1807-1 (v red. 12 marta 2014 g. № 29-FZ) // Vedomosti S#ezda narodnyh deputatov i Verhovnogo Soveta RSFSR. — 1991. — № 50, st. 1740; Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2014. — № 11, st. 1094.

3. **Ob osnovnyh garantijah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan** Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon RF ot 12 ijunja 2002 g. № 67-FZ (v red. ot 24 nojabrja 2014 g. № 355-FZ) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2002. — № 24, st. 2253; 2014. — № 48, st. 6636.

4. O vyborah Prezidenta Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon RF ot 10 janvarja 2003 g. № 19-FZ (v red. ot 24 nojabrja 2014 g. № 355-FZ) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2003. — № 2, st. 171; 2014. — № 48, st. 6636.

5. O vyborah deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon RF ot 22 fevralja 2014 g. № 20-FZ (v red. ot 24 nojabrja 2014 g. № 355-FZ) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2014. — № 8, st. 740; 2014. — № 48, st. 6636.

6. O referendumе Rossijskoj Federacii : federal'nyj konstitucionnyj zakon RF ot 28 ijunja 2004 g. № 5-FKZ (v red. ot 22 dekabrja 2014 g. № 17-FKZ) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2004. — № 27, st. 2710; 2014. — № 52, ch. I, st. 7529.

7. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 26 sentjabrja 2000 g. № 31-G00-11 po delu po kassacionnoj zhalobe T. na reshenie Verhovnogo Suda Chuvashskoj Respubliki ot 29 ijunja 2000 g. po zhalobe T. na dejstvija Central'noj izbiratel'noj komissii Chuvashskoj Respubliki, o priznanii nedejstvitel'nymi vyborov deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii tret'ego sozyva po Chuvashskoj Respublike, sostojavshihsja 19 dekabrja 1999 g., i objazanii CIK Chuvashskoj Respubliki naznachit' na territorii Chuvashskoj Respubliki novye vybory // Sudebnaja sistema Rossijskoj Federacii. Jelektronnaja biblioteka. URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_8370.htm (data obrashhenija: 09.03.2010).

8. O municipal'nyh vyborah v Respublike Saha (Jakutija) : zakon Respubliki Saha (Jakutija) ot 28 sentjabrja 2011 g. 964-Z № 815-IV (v red. ot 15 dekabrja 2014 g. 1397-Z № 349-V) // Jakutskie vedomosti. — 2011. — 15 okt.; 2014. — 30 dek.

9. O vyborah deputatov Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym : zakon Respubliki Krym ot 15 maja 2014 g. № 3-ZRK (v red. ot 2 ijulja 2014 g. № 26-ZRK) // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym. — 2014. — № 1, ch. 2, st. 70; st. 93.

---

10. O vyborah deputatov predstavitel'nyh organov municipal'nyh obrazovanij v Respublike Krym : zakon Respubliki Krym ot 5 ijunja 2014 g. № 17-ZRK // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym. — 2014. — № 1, ch. 2, st. 84.

11. Ob ostavlenii bez izmenenija reshenija Verhovnogo Suda Respubliki Saha (Jakutija) ot 2 sentjabrja 2008 g., kotorym priznany protivorechashhimi federal'nomu zakonodatel'stvu i nedejstvujushhimi chast' 3 i chast' 9 stat'i 73 Zakona Respubliki Saha (Jakutija) ot 18 oktjabrja 2007 g. 497-3 № 1007-111 «O vyborah narodnyh deputatov Respubliki Saha (Jakutija)» v chasti, predusmatrivajushhej objazatel'noe izgotovlenie izbiratel'nyh bjulletenej na russkom i jakutskom jazykah : opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 19 nojabrja 2008 g. № 74-G08-46 // Sudebnaja sistema Rossijskoj Federacii. Jelektronnaja biblioteka. URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_40898.htm (data obrashhenija: 25.10.2010).

12. Ob ostavlenii bez izmenenija reshenija Verhovnogo Suda Respubliki Saha (Jakutija) ot 2 sentjabrja 2008 g., kotorym priznana protivorechashhej federal'nomu zakonodatel'stvu i nedejstvujushhej chast' 9 stat'i 62 Zakona Respubliki Saha (Jakutija) ot 11 ijulja 2007 g. 477-3 № 969-111 «O municipal'nyh vyborah v Respublike Saha (Jakutija)» v chasti, predusmatrivajushhej objazatel'noe izgotovlenie izbiratel'nyh bjulletenej na russkom i jakutskom jazykah : opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 19 nojabrja 2008 g. № 74-G08-47 // Sudebnaja sistema Rossijskoj Federacii. Jelektronnaja biblioteka. URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_40899.htm (data obrashhenija: 25.10.2010).

13. Voroneckij, P.M. Konstitucionno-pravovye problemy statusa gosudarstvennyh jazykov respublik v sostave Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / P.M. Voroneckij — SPb., 2009. — 25 s.

14. Ob utverzhenii Trebovanij k tehnologicheskim, programmnyim i lingvisticheskim sredstvam obespechenija pol'zovanija sajtom Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii i oficial'nymi sajтами izbiratel'nyh komissij sub#ektov Rossijskoj Federacii : postanovlenie CIK Rossii ot 28 oktjabrja 2010 g. № 223/1491-5 // Vestnik Centrzbirkoma RF. — 2010. — № 11.

В.В. Пучкова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры общепрофессиональных и
специальных правовых дисциплин
Смоленского филиала (г. Смоленск)
Международного юридического
института

V.V. Puchkova,
Candidate of Law, Associate Professor,
Smolensk branch of the International
Institute of Law

Сравнительный анализ механизма конституционно-правового регулирования реализации права граждан на охрану здоровья (на примере Скандинавских стран и Чешской Республики)

Аннотация: актуальность темы обусловлена тем вниманием, которое в настоящее время обращается руководством страны на реализацию основополагающих конституционных прав граждан России, связанных с охраной здоровья. Реализация этих прав требует не только финансового, материально-технического, кадрового обеспечения, но и научного обоснования. Цель статьи — проанализировать проблемы механизма конституционно-правового регулирования реализации права граждан на охрану здоровья, на примере иностранных государств. Автором проводится сравнительный анализ правовой системы в сфере здравоохранения на примере иностранных государств, Задача

которого — рассмотреть политику здравоохранения, направленную на обеспечении возможности реально получения высококвалифицированной медицинской помощи. Реализация поставленных задач достигнута при помощи общедоступных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Сделан вывод, что правовая система государства обязана обеспечивать соблюдение норм международного права, и должна строиться путем взаимодействия с другими государствами в режиме международной законности.

Ключевые слова: правовая система, конституционно-правовое регулирование, конституционное право граждан на охрану здоровья, механизм реализации, соблюдение норм международного права.

Comparative analysis of the mechanism of constitutional and legal regulation of the right of citizens to health

Abstract: the relevance of the topic due to the attention that is now the country's leadership is drawn to the realization of the fundamental constitutional rights of Russian citizens, the health-related. The purpose of the article — to analyze the problems of the mechanism of constitutional and legal regulation of the right of citizens to health care, as an example of foreign countries. Whose mission — to consider health policy aimed at providing real opportunities get high quality medical care. Implementation of the tasks accomplished with the help of public (dialectical analysis, synthesis) and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal). The author concludes that, in conducting a comparative analysis of the legal system in the health sector as an example of foreign states that the legal system of the state is obliged to ensure compliance with international law, and built by providing interaction with other states in the regime of international law.

Keywords: legal system, constitutional and legal regulation, the constitutional right of citizens to health care, the mechanism of implementation, compliance with international law.

Правовая система государства обязана обеспечивать соблюдение норм международного права и должна строиться путем взаимодействия с другими государствами в режиме международного правопорядка. Данное положение отображено в Конституциях иностранных государств, т. к. права и свободы человека, в частности конституционное право на охрану здоровья, устанавливаются международным правом, которое раскрывает их содержание.

Проанализируем конституционно-правовое регулирование права граждан на охрану здоровья на примере некоторых иностранных государств.

Так, Норвегия — страна, активно заботящаяся об охране здоровья своих граждан. За благосостояние каждого гражданина отвечает все государство. Управление системой здравоохранения основано на административном разделении. Центральный исполнительный орган — Министерство здравоохранения и социального благосостояния, основными задачами которого являются формирование политики в области общественного здравоохранения, подготовка законодательной базы, планирование и формирование бюджета. В Норвегии в 1991 г. создан независимый орган — Норвежский совет по здравоохранению, основная задача которого состоит в контроле обеспечения медицинской помощи. Центральным органом власти выступает региональное управление здравоохранением, представляющее собой информационный центр, собирающий статистические данные. Оно проводит научные исследования, поддерживает связь с руководителями медицинских учреждений, медицинским персоналом, пациентами, политиками. Вся информация поступает в Норвежский совет по здравоохранению, где анализируется для принятия решений [1, с. 24–28].

Политика здравоохранения направлена на обеспечение возможности реального получения высококвалифицированной медицинской помощи всеми слоями населения, независимо от места их проживания. В Норвегии здравоохранение финансируется государством. Большую часть медицинских услуг оплачивает правительство, примерно 95 %, остальные 5 % платят пациенты.

В Норвегии существует три уровня здравоохранения: муниципальный; областной; государственный. К муниципальному уровню относится первичная медицинская помощь, оказываемая врачами общей практики. Этому уровню подведомственны медицинский центр, дом для долечивания пациентов, дом для пожилых людей. В медицинском центре работают 1-2 врача общей практики, физиотерапевт, эрготерапевт, медсестры и акушерки. При первичном обращении граждан за медицинской помощью проводится консультирование врачом общей практики, который осуществляет наблюдение за состоянием пациентов. Затем проходит долечивание пациентов физиотерапевтом. Амбулаторно-поликлиническое наблюдение в основном осуществляется семейными врачами. С 2001 г. каждый норвежец получил право иметь своего личного (семейного) врача. При необходимости пациент госпитализируется, т. е. направляется в областное медицинское учреждение.

К областному уровню относится госпитальная и консультативная помощь. На данном уровне оказывается специализированная госпитальная помощь в больницах. В поликлинических отделениях осуществляется консультирование пациентов специалистами по направлениям врачей общей практики.

На государственном уровне оказывается высокоспециализированная медицинская помощь при лечении редких, сложных заболеваний, осуществляется трансплантация органов и др.

В Норвегии пациент имеет право выбора врача, которого можно менять два раза в год, т. к. пациент не привязан к врачу по месту жительства. На каждого пациента заводится электронный журнал, где содержатся результаты всех обследований и анализов. Эта информация конфиденциальна [2].

Система здравоохранения Норвегии постоянно реформируется. В настоящее время реформы здравоохранения направлены на применение в этой сфере новых современных технологий, а также использование собственных технологий, где одним из приоритетных направлений является телемедицина.

В Чехии действует система всеобщего медицинского страхования. За пациента в случае необходимости оказания медицинской помощи и получения лекарственных средств, платит страховая компания — за счет регулярно выплачиваемых пациентом страховых взносов. За неработающих граждан платит государство.

Страховые компании самостоятельно осуществляют сбор взносов с работающего населения — страхователей. 60 % собранных средств передается Всеобщей медицинской страховой организации, надежность которой гарантирует государство.

В Чехии активно применяется индивидуальное страхование, при котором страховать должен работодатель, а не работающее население за счет бюджетных источников. Тариф страхового взноса составляет 13,5 % от размера заработной платы. На законодательном уровне установлен минимальный

размер страхового взноса из бюджета — 60 % от среднего взноса на одного работающего гражданина. Остальную треть страхового взноса платит сам работник. Работник, застрахованный лично, участвует в финансировании медицинской помощи и выборе страховщика.

В Чехии существуют государственные и частные медицинские центры, оказывающие медицинские услуги. Медицинские услуги предоставляются застрахованным гражданам бесплатно за счет обязательного медицинского страхования. В стране установлена единая система расценок на медицинские услуги. В Чехии ликвидированы все ведомственные структуры здравоохранения [2].

В Чехии медицинское обслуживание получают иностранные граждане, проживающие и работающие на территории страны. Эти граждане вправе получать бесплатные медицинские услуги на основании страхования, осуществляемого работодателем. Страховка длится только на период их найма на работу. Иностранцы, которые не постоянно проживают в Чехии, не могут быть застрахованы по системе обязательного медицинского страхования, но они могут подписаться на контрактную медицинскую страховку. Иностранцы без медицинской страховки могут получать бесплатно медицинскую помощь, если они являются гражданами стран, с которыми Чехией подписано двухстороннее соглашение — договор об обеспечении бесплатного медицинского обслуживания. Оказание бесплатной медицинской помощи таким гражданам возможно только на срок, определенный таким соглашением [3].

В Швеции система здравоохранения существует за счет финансирования со стороны налогоплательщиков. Медицинские услуги, оказываемые гражданам этого государства, являются доступными для всех. Как и в других странах, система здравоохранения имеет проблемы, которые выражаются в недостаточном финансировании и связаны с эффективностью и качеством медицинского обслуживания.

В Швеции система здравоохранения строится на принципе разделения ответственности за охрану здоровья и медицинское обслуживание населения между государством, областными советами (ландстингами) и муниципалитетами. Порядок предоставления медицинской помощи, привлечения к ответственности, обязанности областных советов и муниципалитетов регламентируется Законом об охране здоровья и медицинской помощи.

Ответственность за предоставление медицинских услуг несут ландстинги, а в отдельных случаях — муниципалитеты. Ландстинг представляет собой политический орган, представители которого избираются гражданами один раз в четыре года. Данный орган обязан обеспечивать охрану здоровья и качественное медицинское обслуживание.

К основным задачам муниципалитетов относится уход за пожилыми гражданами, оказание помощи лицам с физическими и психическими недостатками, предоставление медицинской помощи пациентам в послебольничный период и медицинское обслуживание в школе.

Швеция участвует в европейском сотрудничестве по направлениям специализированных видов ухода, повышения безопасности и укрепления прав

пациента. Большое внимание уделяется вопросам безопасности пациентов. В этой сфере принят закон о безопасности пациентов, согласно которому всем пациентам предоставляется возможность оказывать влияние на содержание медицинских услуг, а также выявить случаи неблагоприятного исхода лечения и ухода за пациентами.

Для предотвращения длительных сроков ожидания запланированного лечения, как одной из важных проблем системы здравоохранения, введена гарантия своевременного лечения. Данная гарантия позволила сократить сроки ожидания лечения. Например, пациент не должен ожидать приема в муниципальной поликлинике более семи дней, а приема у врача — специалиста или стационарного лечения более 90 дней. Если сроки ожидания не соблюдаются, медицинская помощь предоставляется пациенту в другом медицинском учреждении за счет своего ландстинга, который оплачивает лечение и дорожные расходы.

В настоящее время Правительство Швеции совместно с Ассоциацией органов муниципального и областного самоуправления пересматривают механизм своевременного лечения, чтобы уменьшить срок ожидания запланированного лечения с момента первоначального обращения к врачу до начала лечения [4].

Таким образом, механизм конституционно-правового регулирования реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь представляет собой совокупность взаимосвязанных действий органов государственной власти, медицинских организаций, их должностных лиц, медицинских работников, закрепленных на законодательном уровне и направленных на его обеспечение.

Список литературы:

1. Гурина, Н.А. Общественное здоровье. Демография. Здравоохранение Норвегии // Российский семейный врач. — 2002. — № 3. — С. 24–28.
2. Дембский, Л.К. Здравоохранение Норвегии. URL: http://eyecenter.com.ua/doctor/discus_club/world/25.htm (дата обращения: 10.10.2014).
3. Система здравоохранения в Чехии. URL: <http://www.ceska-republika.ru/908> (дата обращения: 10.10.2014).
4. Здравоохранение: Равный доступ — залог здоровья шведов. URL: <http://www.sweden.se/ru/Start/Work-live/Facts/Health-care/> (дата обращения: 10.10.2014).

References:

1. Gurina, N.A. Obshhestvennoe zdorov'e. Demografija. Zdravoohranenie Norvegii / Rossijskij semejnyj vrach. — 2002. — № 3. — S. 24–28.
2. Dembskij, L.K. Zdravoohranenie Norvegii. URL: http://eyecenter.com.ua/doctor/discus_club/world/25.htm (data obrashhenija: 10.10.2014).
3. Sistema zdravoohranenija v Chehii. URL: <http://www.ceska-republika.ru/908> (data obrashhenija: 10.10.2014).
4. Zdravoohranenie: Ravnyj dostup — zalog zdorov'ja shvedov. URL: <http://www.sweden.se/ru/Start/Work-live/Facts/Health-care/> (data obrashhenija: 10.10.2014).

Ю.Г. Васин,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,
сектора уголовного права, криминологии
и проблем правосудия
Института государства и права РАН

Y.G. Vasin,
Candidate of Law, Senior Researcher,
Institute of State and Law
of Russian Academy of Sciences
criminal_law@igpran.ru

О новом подходе к исследованию реальной преступности

***Аннотация:** в статье рассмотрены вопросы, связанные с поиском путей расширения перечня используемых показателей преступности и повышения их информативности. Обозначены вопросы методологического обоснования применения математических подходов для формирования показателей преступности. На основе положений теории вероятностей и математической статистики предложены подходы к формированию индикаторов свойств преступности и тенденций ее изменения, а также тенденций, характеризующих эффективность системы борьбы с преступностью. В качестве параметров модели преступности предложено использовать математическое ожидание и среднее квадратическое отклонение, определяемые законом распределения плотности вероятностей соответствующих объемов преступности и показатель надежности этой модели, определяемый степенью совпадения указанного закона теоретическому закону распределения плотности вероятности. Целесообразно также учитывать тип теоретического закона распределения плотности вероятностей. Выдвинуты предложения по практической интерпретации данных показателей.*

***Ключевые слова:** преступность, показатель, уголовная статистика, эффективность борьбы с преступностью, теория вероятностей, методология, надежность, латентная преступность, оценка состояния.*

A new approach to the study of criminality

***Abstract:** the article deals with improving the system of crime rates. Indicated the need to broaden their information. Proposed options for improving the system of indicators of crime. Identifies issues methodological basis of the application of mathematical methods in the analysis of statistical data. With the use of the theory of probability proposed set of indicators of crime. Indicate possible to assess the effectiveness of the fight against crime. The model parameters crime is proposed to use the mean and standard deviation determined by the law of probability density distribution of the respective volumes of crime and reliability of the model defined by the degree of overlap of the Act theoretical law of probability density distribution. It is also advisable to consider the type of theoretical law of probability density distribution. Put forward proposals for practical interpretation of these indicators.*

***Keywords:** criminality, index, criminal statistics, the effectiveness of crime control, probability theory, methodology, latent crime, evaluation.*

Вопросы содержания и структуры показателей преступности имеют существенное значение для организации правоохранительной деятельности. Такое положение обусловлено сложившейся практикой, в соответствии с которой результаты борьбы с регистрируемой преступностью оцениваются по снижению или увеличению тех или иных количественных показателей, характеризующих преступность.

Набор указанных показателей сравнительно невелик. Наиболее часто используемыми являются показатели объема, динамики, структуры и удельного веса конкретных свойств преступности или ее видов. При этом надо отметить, что попытки интерпретировать указанные показатели непосредственно показывают, что их значения или изменение величины не могут однозначно

определять объективную информацию о состоянии борьбы с преступностью, особенно в границах длительного интервала времени.

Так, увеличение объемов выявленной преступности может свидетельствовать как об усилении правоохранительного воздействия, так и о его полном отсутствии. При этом различные виды преступности имеют несхожие индикаторы своего состояния и тенденций, а также результатов правоохранительной деятельности конкретной направленности.

Если растут объемы выявленных преступлений в сфере экономической деятельности, то это может свидетельствовать о повышении эффективности правоохранительных мероприятий, а если увеличивается количество фактов причинения тяжкого вреда здоровью — то вряд ли.

В настоящее время трудно переоценить роль и значение данных уголовной статистики, без учета и анализа которых сложно представить себе любую оценку меры адекватности последовательности и содержания борьбы с преступностью ее состоянию и динамике изменений в ней.

На формирование всего объема данных уголовной статистики затрачивается значительная часть усилий соответствующих подразделений правоохранительных органов. Однако с учетом существенной латентности определенных видов преступности, имеющих проблем правоприменительной практики и квалификации, а также фактов целенаправленного формирования статистических показателей, анализ статистических динамических рядов традиционными (наиболее распространенными) методами, такими, например, как сравнение темпов прироста конкретных видов преступного поведения, не позволяет получить информацию, на основании которой возможно формулировать более или менее объективные выводы о состоянии и тенденциях развития конкретного вида преступности и системы мер борьбы с ней.

При этом данные уголовной статистики являются незаменимым источником фактографической информации о преступности и эффективности противодействия ей, поэтому предлагается посмотреть на возможности использования статистических массивов под углом зрения поиска более информативных показателей преступности.

На наш взгляд, этот аспект юридического знания для современной российской криминологической действительности детально сформулировал В.В. Лунеев. Им было отмечено, что, опираясь лишь на логико-догматические представления и не используя статистических и иных эмпирических данных, юридическая наука не может обеспечить адекватное отражение влияния права на социальную действительность и выработать правильные рекомендации по корректировке такого влияния действительностью. Без применения статистических методов невозможно изучать многообразие свойств преступности [1, с. 6].

На ценность данных уголовной статистики для решения прикладных задач борьбы с преступностью специалисты обращали внимание начиная с XIX в. (Н.С. Таганцев, Ф. Лист и др.). В частности, была раскрыта роль показателей характеристик, признаков и свойств различных видов преступности в фиксации соотношения изменения законодательства с преступностью, между которыми существуют и функционируют прямые и обратные связи [2, с. 132].

В криминологии статистические методы стали применяться при изучении преступности еще в период формирования ее как науки. Несмотря на «зигзаги» в развитии криминологии в советский период истории нашего государства, отечественным специалистам удалось внести значительный вклад в методологию использования статистических методов при моделировании социально-правовых явлений. Полученные с применением этой методологии новые знания не только имели теоретическую ценность, но и позволяли реально совершенствовать практику борьбы с преступностью [3, с. 32].

Неупорядоченность элементов, образующих преступность, не означает отсутствие каких-либо закономерностей в ее характеристиках [4, с. 109]. Данное положение основывается на том, что поскольку преступность обладает такой чертой, как массовидность, указанные случайные отклонения компенсируются, и в результате складываются общие тенденции и устойчивые зависимости [5, с. 24].

К сказанному необходимо добавить то, что совокупность абстракций, возникающих в процессе применения количественных методов моделирования криминологических процессов и явлений, а также интерпретации результатов их применения, требует постоянной их «верификации» — соотношения признаков реальной действительности, выраженной на языке уголовно-правовых и криминологических понятий, с моделирующими их группами математических символов и цифр. Поиск и установление данного соотношения можно проводить через предлагаемое для правовых моделей обозначение «гомоморфности» модели [6] в рамках содержания понятия «надежность».

Исследователями неоднократно подчеркивалось, что анализируемые в науках уголовного права и криминологии негативные социально-правовые явления, связанные с понятием преступности, носят отчетливо выраженный вероятностный характер. Поскольку преступность представляет собой пример статистической системы, в которой действуют стихийные процессы, подчиняющиеся вероятностным закономерностям, ее исследование может осуществляться с использованием положений теории вероятностей [7].

При этом необходимо отметить, что теоретической основой процессов моделирования таких явлений, как преступность, на основе вероятностного ее характера, являются положения, носящие в теории вероятностей название закона больших чисел. Для юридических исследований под указанным законом целесообразно понимать общий принцип, в силу которого совместное действие большого числа различных факторов, носящих случайный характер, при определенных условиях приводит к результату, почти не зависящему от случайности. Необходимой предпосылкой действия указанного закона является наличие достаточно большого числа наблюдений и относительная динамическая независимость отдельных событий от единой общей причины [8, с. 21].

Поскольку мы подходим к формированию показателей преступности на основе статистических данных с использованием положений теории вероятностей, следует учитывать положение о выборке и группировке [9] на основе понятий об их репрезентативности и однородности.

Отметим, что репрезентативность (представительность) данных уголовной статистики определяется на основании того, что статистические массивы

являются основой эмпирических данных и наиболее общей количественной оценкой состояния преступности.

Доказательство же однородности может проводиться на основе предположения о случайном распределении моментов совершения (регистрации) преступлений при однотипном влиянии на преступность в регионах совокупностей криминогенных факторов. Однако общее количество данных факторов составляет несколько сотен. Одновременно моделировать действие указанных факторов, определяющих структурные (внутренние) и внешние взаимозависимости различных видов преступности, а также воздействие на них правоохранительных органов, теоретически и практически невозможно. Поэтому для доказательства однородности данных уголовной статистики возможно использовать соответствующие методики теории вероятностей.

С точки зрения теории вероятностей (методологически), мерой однородности любой совокупности случайных параметров является ее способность соответствовать известным теоретическим законам распределения плотности вероятностей случайной величины.

Законом распределения дискретной случайной величины называют перечень ее возможных значений и соответствующих им вероятностей [10, с. 52]. Указанный критерий определяет степень соответствия реального закона распределения проявлений преступности выбранному исследователем теоретическому закону распределения плотности вероятностей. При этом достоверность этого соответствия определяется в виде погрешности исследования, выраженной в процентах.

В отношении преступности как социально-правового явления (процесса) закон распределения будет показывать соотношение между количеством совершенных преступлений и тем, насколько часто это происходит на тех или иных административно обособленных территориях. Целесообразно при проведении подсчетов использовать не абсолютные показатели преступности (например, количество совершенных преступлений или число выявленных лиц, совершивших преступления), а относительные (коэффициент преступности или индекс преступной активности).

В случае, если определена погрешность применения математического аппарата теории вероятностей, на этой основе возможно предложить использовать соответствующие показатели при характеристике преступности.

Любая модель преступности должна формироваться с учетом следующих показателей:

- 1) величин математического ожидания и среднего квадратического отклонения (или дисперсии) статистических показателей преступной деятельности, являющихся оценками реальной преступности, рассматриваемой в качестве генеральной совокупности;

- 2) надежности модели, определяемой уровнем соответствия количественных показателей, характеризующих преступность, теоретическому закону распределения плотности вероятностей случайной величины, а также виду применяемого закона (применительно к преступности предлагается нормальный закон распределения).

При этом математическое ожидание будет определять наиболее вероятные (часто встречаемые) значения количественных показателей, характеризующих преступную деятельность на конкретных административно обособленных территориях (например, субъектах Российской Федерации).

Среднее квадратическое отклонение, в свою очередь, показывает степень «разброса» всех зафиксированных аналогичных показателей преступности относительно величины, определяемой математическим ожиданием.

Возможно также использовать математический подход, основанный на выборочном методе с определением вида законов распределения плотности вероятностей по интервалам времени между датами регистрации преступлений. Это позволяет достичь большей точности в оценке показателей преступности, но одновременно усложняет саму процедуру группировки исходных данных уголовной статистики, поскольку учитывается каждое преступное проявление.

В этом случае, несмотря на то, что обозначение показателей преступности (математическое ожидание, дисперсия, надежность модели; тип закона распределения) то же самое, содержательное их значение уже иное. Если ранее данные параметры определяли показатели преступности регионов, объединяемых одним временем, то сейчас рекомендуемые параметры могут представить собой вероятностные характеристики преступности, соответствующие каждому из отдельных итоговых значений статистической таблицы для каждого из регионов. Таким образом, описанный подход отражает показатели преступности «по протяженности» или «вглубь», т. к. он определяет вероятностные характеристики самой итоговой величины, являющейся по своей природе случайной.

Отметим, что предлагаемые показатели преступности позволяют научно обоснованно применить в отношении них весь математический аппарат теории вероятностей, например, при решении проблем прогнозирования преступности и эффективности мер борьбы с ней. В частности, такой подход расширяет возможности для предоставления субъектам формирования и реализации уголовной политики новых данных об объеме и иных свойствах латентной преступности, а также об эффективности мер борьбы не только с регистрируемой, но и со всей реальной преступностью. В настоящее время научно обоснованная оценка борьбы с реальной преступностью для нужд субъектов формирования уголовной политики фактически не осуществляется, что, несомненно, создает потенциальную угрозу безопасности страны.

Список литературы:

1. Лунеев, В.В. Юридическая статистика / В.В. Лунеев. — М.: Юрист, 1999. — 400 с.
  2. Аванесов, Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования / Г.А. Аванесов. — М.: Юридическая литература, 1972. — 336 с.
  3. Савюк, Л.К. Правовая статистика / Л.К. Савюк. М.: ЮристЪ, 1996. — 588 с.
  4. Кудрявцев, В.Н. Причинность в криминологии / В.Н. Кудрявцев. — М.: Юридическая литература, 1968. — 176 с.
  5. Вицин, С.Е. Моделирование в криминологии / С.Е. Вицин. — М.: Высшая школа МВД СССР, 1973. — 104 с.
  6. Леванский, В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях / В.А. Леванский. — М.: Наука, 1986. — С. 27–28.
  7. Вицин, С.Е. Системный подход и преступность / С.Е. Вицин. — М.: Академия МВД СССР, 1980. — 140 с.
-

8. Ядов, В.А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы / В.А. Ядов. — М.: Наука, 1972. — 266 с.

9. Гаврилов, О.А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании / О.А. Гаврилов. — М.: Наука, 1980. — 184 с.

10. Гмурман, В.Е. Руководство к решению задач по теории вероятностей и математической статистике / В.Е. Гмурман. — М.: Высшая школа, 1998. — 400 с.

References:

1. Lunev, V.V. Juridicheskaja statistika / V.V. Lunev. — М.: Jurist, 1999. — 400 s.

2. Avanesov, G.A. Teorija i metodologija kriminologičeskogo prognozirovanija / G.A. Avanesov. — М.: Juridicheskaja literatura, 1972. — 336 s.

3. Savjuk, L.K. Pravovaja statistika / L.K. Savjuk. М.: Izd-vo «Jurist##», 1996. — 588 s.

4. Kudrjavcev, V.N. Prichinnost' v kriminologii / V.N. Kudrjavcev. — М.: Juridicheskaja literatura, 1968. — 176 s.

5. Vicin, S.E. Modelirovanie v kriminologii / S.E. Vicin. — М.: Vysshaja shkola MVD SSSR, 1973. — 104 s.

6. Levanskij, V.A. Modelirovanie v social'no-pravovyh issledovanijah / V.A. Levanskij. — М.: Nauka, 1986. — S. 27–28.

7. Vicin, S.E. Sistemnyj podhod i prestupnost' / S.E. Vicin. — М.: Akademija MVD SSSR, 1980. — 140 s.

8. Jadov, V.A. Sociologičeskoe issledovanie. Metodologija, programma, metody / V.A. Jadov. — М.: Nauka, 1972. — 266 s.

9. Gavrilov, O.A. Matematicheskie metody i modeli v social'no-pravovom issledovanii / O.A. Gavrilov. — М.: Nauka, 1980. — 184 s.

10. Gmurman, V.E. Rukovodstvo k resheniju zadach po teorii verojatnostej i matematicheskoj statistike / V.E. Gmurman. — М.: Vysshaja shkola, 1998. — 400 s.

С.Ф. Афанасьев,

*доктор юридических наук, профессор,
кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии*

Е.А. Малько,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса,
юридического факультета
Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского*

S.F. Afanasiev,

*Doctor of Law, Professor,
Saratov State Law Academy*

af.73@mail.ru

E.A. Malko,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov State University
named after N.G. Chernyshevskiy*

elena16.87@mail.ru

О гражданской процессуальной политике в контексте принятия Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ

Аннотация: актуальность статьи обусловлена судебными реформами, которые в течение достаточно длительного периода времени проводятся в России, а также коренными изменениями законодательства в сфере отечественного судостроительства и судопроизводства. В представленной статье анализируется актуальный вопрос о необходимости разработки и принятия в Российской Федерации концепции гражданской процессуальной правовой политики, которая объединяла бы в себе совокупные знания доктринального и практического уровня относительно современного цивилистиче-

---

ского процесса. Авторами обосновывается, что одобренная отечественным законодателем Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ могла бы избежать некоторых противоречий и недостатков, если бы существовал официальный документ, посвященный гражданской процессуальной правовой политике, ее целям, задачам, средствам и основным направлениям развития.

Ключевые слова: гражданская процессуальная правовая политика, цивилистическое судопроизводство, Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ, судебные процедуры, юридическая практика и жизнь.

On the civil procedural policy in the context of the adoption of the Concept of a single Code of Civil Procedure

Abstract: the relevance of the article due to judicial reform, a sufficiently long period of time in Russia, as well as fundamental changes in domestic legislation and judiciary proceedings. In the present article analyzes the current issue of the need for the development and adoption of the Russian Federation, the concept of civil procedural legal policy that would unite a total knowledge of doctrinal and practical level, having a relatively modern civil process. The author proves that the approved domestic concept of a single legislator of the Civil Procedure Code could avoid some of the contradictions and shortcomings, if there was an official document on the civil procedural legal policy, its goals, objectives, means and main directions of development.

Keywords: civil procedural law policy, the civil law proceedings, unified concept of the Civil Procedure Code, court procedures, legal practice and life.

В контексте проводимых на современном этапе развития российского общества комплексных государственно-правовых реформ все более актуальными становятся проблемы целесообразности и эффективности осуществляемых преобразований в сфере судебной системы в целом и гражданского судопроизводства в частности.

Значимое место в решении этих вопросов отводится гражданской процессуальной политике, являющейся одним из видов правовой политики в современной России.

В данном аспекте следует уделить особое внимание именно гражданской процессуальной правовой политике, под которой можно понимать научно-обоснованное, последовательное и системное руководство к действию органами государственной власти, местного самоуправления, их должностными лицами, негосударственными учреждениями и организациями в сфере оптимизации механизма гражданского процессуального правового регулирования, а также принудительного исполнения судебных постановлений и актов других органов, в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов [1, 2].

Очевидным является тот факт, что исследуемый вид политики — это отчасти результат того механизма гражданского процессуального правового регулирования, с помощью которого предопределяется развитие цивилистического судопроизводства. Этот результат находится в зависимости от системы правовых средств, благодаря которым осуществляется результативное воздействие на общественные отношения в сфере судебного рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров.

При этом в настоящее время формирование четких представлений о целях, задачах, приоритетах, принципах и самом понятии гражданской процессуальной правовой политики находится еще на начальном этапе. Представляется, что

имеющиеся знания о гражданской процессуальной политике следует и далее развивать и внедрять как в теорию гражданского процессуального права, так и в повседневную юридическую жизнь, практику и законодательство. В последнем случае решение комплекса проблем по реформированию российского гражданского процессуального законодательства не может осуществляться произвольным образом, хаотично и неконцептуально. В основу его модернизации и совершенствования следует положить всесторонне проработанную концепцию гражданской процессуальной правовой политики. Непосредственно ход создания правовых регуляторов, принятия новых предложений должен отвечать признакам научной обоснованности, системности, логичности и последовательности и т. д.

В связи с этим всестороннее исследование теоретических и практических проблем гражданской процессуальной правовой политики в современной России, нацеленное на формирование фундаментальных категорий и направлений реформирования отечественного гражданского судопроизводства, полагаем, имеет принципиально значимый и актуальный характер. Сущность гражданской процессуальной правовой политики как раз и проявляется в реализации комплекса мер, идей и программ в сфере цивилистического судопроизводства.

Разработку эффективной концепции гражданского процессуального законодательства сложно представить без целостной гражданской процессуальной правовой политики, сущность которой представляется не в виде разрозненных правовых действий, а в виде внутренне согласованных взаимосвязанных мероприятий органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества, имманентно сосредоточенных на достижении основной задачи судопроизводства — защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и интересов. Отсюда под наиболее общей целью самой гражданской процессуальной правовой политики следует понимать комплексное совершенствование механизма гражданского процессуального правового регулирования, процедуры цивилистического судопроизводства для наиболее полной защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, исходя из базовых установок всего цивилистического судопроизводства, которые сформулированы в ст. 2 ГПК РФ и ст. 2 АПК РФ.

В литературе верно отмечается, что «осуществление мер по повышению качества правосудия, совершенствованию судопроизводства и его постоянной адаптации к потребностям государства и общества является неотъемлемой частью последовательно проводимого демократического процесса в России» [3]. В то же время качественная трансформация цивилистического судопроизводства, переход к инновационным подходам его развития предполагают коллективную работу всех органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также общественных организаций и отдельных инициативных граждан. Именно поэтому целесообразно принятие Концепции гражданской процессуальной правовой политики в виде отдельно взятого официального документа, а накопленный теоретический и эмпирический опыт концептуальных знаний о гражданской процессуальной правовой политике следует перевести из доктринального документа в законодательный процессуальный документ, содержащий определенные предписания для юридической право-

---

применительной практики, ориентиры правового развития государства и общества в области судопроизводственного функционирования.

Представляется, что Концепция гражданской процессуальной правовой политики — это не только свод общетеоретических положений, но и своего рода программа конкретных действий в сфере развития цивилистического судопроизводства. Для проведения дальнейших мероприятий по оптимизации гражданского судопроизводства в современной России указанная Концепция должна учитывать социальные реалии, а также отвечать потребностям юридической жизни и каждодневным прикладным парадигмам.

Развивая сказанное, В.М. Жуйков справедливо подчеркивает, что анализ российского процессуального законодательства «свидетельствует об отсутствии единой концепции его развития» [4, с. 13]. Однако нельзя не отметить тот факт, что в последние годы в процессуальном законодательстве произошли глобальные изменения, существенно повлиявшие на многие правовые институты. Например, введены и усовершенствованы примирительные процедуры (в частности, процедуры медиации, заключения мирового соглашения), внедрена работа электронного правосудия, получили свое дальнейшее развитие принципы гласности и доступности судебной защиты, много сделано для корреляции национальных и международных судопроизводственных норм. Кроме того, в целях единообразия судебной практики учрежден единый Верховный Суд РФ. Говоря об основных изменениях в области гражданского процессуального регулирования, стоит указать на еще один немаловажный аспект — законодатель, посредством участия ведущих теоретиков и практиков, официально принял Концепцию единого Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — Концепция ГПК РФ) [5], которая хотя и не представляет собой целостную Концепцию гражданской процессуальной правовой политики, но является ее частью. Впрочем, на наш взгляд, было бы логично сначала разработать и принять последний документ, который послужил бы фундаментальной базой для Концепции ГПК РФ. На ее анализе следует остановиться более подробно, но только касательно наиболее общих и спорных моментов.

Итак, во-первых, после принятия Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» [6] стало очевидно, что теперь отечественная судебная система, охватывающая собой суды общей и арбитражной юрисдикции, должна работать по единым процессуальным стандартам при рассмотрении и разрешении гражданских дел по существу [7]. Эти стандарты не могут содержаться в различных, пусть и в близкородственных, а также генетически спаянных кодифицированных актах (ГПК РФ и АПК РФ), ибо результат изучения дела во многом зависит от примененной органом судебной власти процедуры [8, с. 42–44]. Отсюда анализ содержания Концепции ГПК РФ свидетельствует о стремлении российского законодателя слить в одном нормативном документе ГПК РФ и АПК РФ, которые сегодня среди прочего регламентируют процессуальные правила порядка рассмотрения споров, возникающих из публичных правоотношений. При этом не секрет, что в 2013 г. Президентом РФ в Государственную Думу РФ был внесен проект Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — проект КАС РФ) [9]. Данный проект сконцентрирован на порядке осуществления административного судопроизводства при

рассмотрении и разрешении судами общей юрисдикции административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также дел, вытекающих из административных или иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий (ст. 1 проекта).

По нашему мнению, это означает искусственный и долгосрочный разрыв публичной процессуальной правовой материи, одна составляющая которой останется в едином ГПК РФ, и ею будут руководствоваться арбитражные суды, а другая, предназначенная для судов общей юрисдикции, — войдет элементом в КАС РФ, что с теоретико-практической точки зрения вряд ли можно признать рациональным. П.В. Крашенинников, комментируя сложившуюся ситуацию, отмечает следующее: «На сегодняшний день в Госдуме есть президентский проект Кодекса об административном судопроизводстве, он уже в достаточно большой степени готовности — одобрен думским комитетом по госстроительству ко второму чтению. Если он будет принят и заработает, то мы, конечно, будем смотреть практику, и не исключено, что возникнет необходимость объединить его с единым ГПК, поскольку общие положения идентичны. С точки зрения процессуального права и арбитражный, и административный — это все гражданский процесс. Но повторюсь, это дело будущего» [10].

В общих чертах со сказанным можно согласиться, поскольку, как справедливо указывал В.А. Рязановский, гражданский и арбитражный процесс фактически имеют один и тот же самостоятельный объект судебного исследования с разным субъектным составом, в обоих случаях представитель Фемиды защищает нарушенное или оспоренное частное либо публичное гражданское право, что не имеет принципиального значения [11, с. 27–29]. В связи с этим возникает закономерный вопрос: есть ли необходимость в нарушении целостности публичной процессуальной правовой материи с учетом того, что создавать административные суды в России не планируется? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Как следствие, нужно в будущем едином ГПК РФ сосредоточить все нормы, посвященные порядку рассмотрения и разрешения всеми судами дел, возникающих из публичных правоотношений, либо действие КАС РФ распространить на суды общей и арбитражной юрисдикции. Иначе проблема не будет решена *ad rem*, но отложена на неопределенное время, что отнюдь не создаст благоприятные условия для судебной практики. В этом смысле государственная гражданская процессуальная правовая политика пока является размытой. А.Н. Приженникова верно указывает: «Кодекс административного судопроизводства РФ, который рассчитан на правовое регулирование административного судопроизводства в общих судах, полностью не охватывает весь предмет административного судопроизводства... Таким образом, имеются противоречия, они не будут устранены принятием Кодекса» [12, с. 70].

Во-вторых, согласно положениям проекта Концепции ГПК РФ предполагается, что суды по правилам данного кодекса будут осуществлять производство по административным правонарушениям (гл. 32 проекта). При этом разработчики отдают себе отчет в том, что в настоящее время соответствующее производство не отличается монолитностью юридического регламентирования,

---

поскольку мировые судьи и суды общей юрисдикции в ходе разбирательства дел, связанных с административными правонарушениями, используют нормы КоАП РФ, тогда как арбитражные суды — директивы гл. 25 АПК РФ. Синхронно авторами проекта небезосновательно заостряется внимание на том факте, что о сколь-нибудь детальном раскрытии сути гл. 32 проекта Концепции ГПК РФ можно говорить только после того, как законодатель окончательно решит судьбу проекта КАС РФ, описывающего особенности производства по жалобам на постановления по делам об административных правонарушениях. Отсюда следует, что новый ГПК РФ не представляется возможным принять *ex officio*, по крайней мере до тех пор, пока не увидит свет введенный в действие КАС РФ. Кроме того, нужно будет предпринять определенные усилия, направленные на гармонизацию положений КАС РФ и КоАП РФ в части глав и разделов обоих кодексов, отвечающих за процедуру рассмотрения органами судебной власти дел об административных правонарушениях, иначе неизбежно возникнут проблемы в области правового регулирования и конкретного правоприменения. Полумеры в данном случае принесут больше вреда, чем пользы.

В-третьих, в проекте Концепции ГПК РФ имеет место некоторое некорректное смешение судебных процессуальных и несудебных процедур. В специальной литературе верно отмечается, что цивилистический процесс суть одна из разновидностей юридических процедур, которой при этом свойственны важные специфические черты. Так, судебная процессуальная процедура всегда жестко нормативно упорядочена законодателем, в ней участвует особый орган государственной власти — суд, принимающий решение, транслирующее императивную волю по поводу того, каким образом следует придать стабильность спорным и бесспорным материальным гражданским правоотношениям [13, с. 198–206]. В отличие от этого различные виды иных способов разрешения возникшего конфликта (медиация, переговоры, посредничество, примирение и др.) в целом образуют несудебные процедуры. «Это неюрисдикционные процедуры урегулирования спора, которые не обязательно альтернативны юрисдикционным, в том числе судебным..., — замечает Т.В. Сахнова. — На самом деле, и зарубежный (в частности, французский) опыт это доказывает, медиация возможна как самостоятельная внесудебная (но не альтернативная) процедура, как досудебная, предшествующая судебной, процедура (например, опыт Франции в делах о юридическом разделе, в спорах об опеке над детьми), как элемент особой судебной процедуры (судебная медиация как разновидность делегированной примирительной процедуры — опыт Франции в этом уникален)» [14, с. 50–51].

К сожалению, в проекте Концепции ГПК РФ не наблюдается целостного взгляда на то, каким образом должны соотноситься между собой судебные процессуальные и несудебные процедуры: гл. 15 проекта «Примирительные процедуры. Мирное соглашение» следует сразу после главы, посвященной подготовке дела к судебному разбирательству; предполагается, что «правила ведения переговоров при этом не должны определяться процессуальным законодательством» (?!); указывается, что судебный примиритель не является участником процесса и не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников судебного процесса и т. д.

Можно и далее анализировать наиболее общие тезисы проекта Концепции ГПК РФ, дискутировать относительно тех или иных вопросов, приводить доводы за и против тех или иных предлагаемых технико-правовых конструкций. Однако, думается, сказанного вполне достаточно для того, чтобы заключить, что сам проект является достаточно «сырым», в нем присутствуют множественные противоречия и нестыковки. Их можно было бы избежать в рамках осуществляемой государством гражданской процессуальной правовой политики, если бы заблаговременно была тщательно разработана и принята Концепция данного вида правовой политики, которая наметила бы основные цели и задачи современного цивилистического процесса, средства и методы их достижения, а также обозначила основные векторы движения вперед.

Список литературы:

1. Малько, Е.А. Гражданская процессуальная правовая политика в современной России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Е.А. Малько. — Саратов, 2012. — 23 с.
2. Малько Е.А. Гражданская процессуальная правовая политика в современной России. Монография / Е.А. Малько; под ред. С.Ф. Афанасьева. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 192 с.
3. Концепция ФЦП «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: постановление Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 1735-р // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.01.2015 г.).
4. Жуйков, В.М. Предисловие // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: сборник научных статей. — Краснодар; СПб., 2005. — С. 13.
5. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.01.2015).
6. Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 6, ст. 550.
7. Берсенева, Т. Это — не ошибки, это — политика. URL: URL: ПРАВО.RU/http://pravo.ru (дата обращения: 15.01.2015).
8. Громошина, Н.А. К вопросу об объединении высших судов и Кодексе административного судопроизводства // Российская юстиция. — 2014. — № 1. — С. 42–44.
9. Проект № 246960-6 Кодекса административного судопроизводства РФ (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 21 мая 2013 г.) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.01.2015).
10. Крашенинников, П.В. Самое дорогое для нас — дешевое правосудие. URL: http://pravo.ru/review/face/view/115147/ (дата обращения: 30.01.2015).
11. Рязановский, В.А. Единство процесса / В.А. Рязановский. — М.: Городец, 2005. — 80 с.
12. Приженникова, А.Н. Состояние правового регулирования административного судопроизводства: пути решения // Административное право и практика администрирования. — 2013. — № 5. — С. 70–85.
13. Курочкин, С.А. Гражданский процесс как правовая процедура // Российский юридический журнал. — 2011. — № 3. — С. 198–206.
14. Сахнова, Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. — М.: Статут, 2014. — 780 с.

References::

1. Mal'ko, E.A. Grazhdanskaja processual'naja pravovaja politika v sovremennoj Rossii: Av-toref. diss. ... kand. jurid. nauk / E.A. Mal'ko. — Saratov, 2012. — 23 s.
2. Mal'ko E.A. Grazhdanskaja processual'naja pravovaja politika v sovremennoj Rossii. Mo-nografija / E.A. Mal'ko; pod red. S.F. Afanas'eva. — M.: Jurlitinform, 2013. — 192 s.

---

3. Концепция FCP «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : постановление Правитель­ства РФ от 20.09.2012 г. № 1735-р // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.01.2015).

4. Zhujkov, V.M. Predislovie // Теоретические и практические проблемы гражданского, ар-битражного процесса и исполнительного производства: сборник научных статей. — Краснодар; СПб., 2005. — С. 13.

5. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ : одобрена решением Ко-митета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству GD FS RF от 8 декабря 2014 г. № 124(1) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.01.2015).

6. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2014. — № 6, st. 550.

7. Berseneva, T. Jeto — ne oshibki, jeto — politika. URL: URL: PRAVO.RU/http//pravo.ru (дата обращения: 15.01.2015).

8. Gromoshina, N.A. K voprosu ob obedinenii vysshih sudov i Kodekse administrativnogo sudoproizvodstva // Rossijskaja justicija. — 2014. — № 1. — С. 42–44.

9. Proekt № 246960-6 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva RF (red., prinjataja GD FS RF v I chtenii 21 maja 2013 g.) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.01.2015).

10. Krashennikov, P.V. Samoe dorogoe dlja nas — deshevoe pravosudie. URL: http://pravo.ru/review/face/view/115147/ (дата обращения: 30.01.2015).

11. Rjazanovskij, V.A. Edinstvo processa / V.A. Rjazanovskij. — M.: Gorodec, 2005. — 80 s.

12. Prizhennikova, A.N. Sostojanie pravovogo regulirovanija administrativnogo sudoproizvodstva: puti reshenija // Administrativnoe pravo i praktika administrirovanija. — 2013. — № 5. — С. 70–85.

13. Kurochkin, S.A. Grazhdanskij process kak pravovaja procedura // Rossijskij juridicheskij zhurnal. — 2011. — № 3. — С. 198–206.

14. Sahnova, T.V. Kurs grazhdanskogo processa / T.V. Sahnova. — M.: Statut, 2014. — 780 s.

В.С. Хижняк,
доктор юридических наук, профессор
кафедры конституционного и
международного права,
Саратовской государственной
юридической академии

V.S. Khizhnyak,
Doctor of Law, Professor,
Saratov State Law Academy

kmp@sgap.ru

Международно-правовая политика ООН в области поощрительных санкций*

Аннотация: актуальность статьи обусловлена отсутствием в науке международного права работ, посвященных проблемам установления и применения поощрительных санкций в международном праве. В то же время нормы, содержащие подобные санкции, в международном праве существуют. Значительное число этих норм содержится в документах Организации Объединенных Наций, что дает возможность говорить о существовании у нее определенной международно-правовой политики по этому вопросу. Этот анализ имеет безусловное научное и практическое значение. Цель статьи — выявить международно-правовую политику ООН в области поощрительных санкций и ее влияние на соответствующую международно-правовую политику других международных организаций и распространение в международном праве поощрительных санкций. Цели и задачи

* Работа выполнена по заданию Министерства образования и науки РФ № 2014/205 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания по проекту «Проблемы международно-правовой политики и их влияние на национальное законодательство».

статьи были реализованы при помощи общенаучных (диалектического, системного, аналитического) и частнонаучных (формально-юридического, сравнительно-правового) методов. Автор делает вывод о существовании поощрительных санкций в документах Организации Объединенных Наций, выделяет те направления, где эти санкции особенно распространены. Особое внимание в статье уделено влиянию, которое международно-правовая политика ООН оказывает на распространение поощрительных санкций как в международном, так и во внутригосударственном праве.

Ключевые слова: международное право, международно-правовая политика, международные организации, международное сотрудничество, внутригосударственное право, взаимодействие международного и внутригосударственного права, поощрительные санкции в международном праве.

International legal policy of the UN in the sphere of promotional sanctions

Abstract: the relevance of the article is explained by the absence in the science of international law of works devoted to the problems of establishing and encouraging of the use of promotional sanctions in international law. At the same time, the rules that contain such sanctions do exist in international law. A significant number of these rules are contained in the documents of the United Nations, which makes it possible to speak of the existence of a certain international legal policy on this issue in this international organization. This analysis has an unconditional scientific and practical importance. The purpose of the article is to reveal the international legal policy of the UN on questions of the promotional sanctions and its impact on the relevant international legal policies of other international organizations and the dissemination of this kind of sanctions in the international law. Goals and objectives of the article have been implemented with the help of general scientific (dialectical, system method of analysis and synthesis) and special scientific methods (formal-legal and comparative ones). The author concludes that the promotional sanctions do exist in the United Nations documents, highlights those areas where this kind of sanctions is especially common. The particular attention is paid to the influence the policy of UN has on the dissemination of the promotional sanctions on both international and national law.

Keywords: international law, international legal policy, international organizations, international cooperation, national law, the interaction of international and international law, promotional sanctions in international law.

Закрепление санкций в нормах международного права во все эпохи было проблематично. Длительное время нормы международного права санкций не содержали. Подобное положение дало в свое время основания для утверждения, что международное право является всего лишь сводом моральных обязательств [1, с. 56], т. к. и для международных отношений справедлива аксиома, согласно которой норма без санкции бессильна. Поощрительные санкции в международном праве — явление еще более редкое, чем санкции карательные, что опять же связано с трудностями принятия соответствующих норм.

В науке существуют различные мнения относительно понятия «поощрительные санкции». Под ними часто принято понимать «структурный элемент правовой нормы, закрепляющий вид и меру позитивной ответственности субъекта, применяемый в случае выполнения или “сверхисполнения” правила поведения, закрепленного в диспозиции, а также в случае достижения общепризнанного результата» [2, с. 79]. Поощрительные санкции могут быть связаны с освобождением субъекта от ответственности или уменьшением правоограничения. По мнению А.В. Малько, сокращение обременений и ограничений является стимулирующей и поощрительной мерой [3, с. 32–33].

Значимую роль в закреплении в международном праве санкций и их применении сыграла Организация Объединенных Наций, которая стала первой в мире организацией, наделенной правом применять их к своим государствам-членам. Поощрительные санкции могут устанавливаться международными организациями только в пределах их компетенции в тех отраслях международного права, нормы которых регулируют соответствующие международные отношения. Только Организация Объединенных Наций, являющаяся в полном смысле слова универсальной международной организацией, может устанавливать их в любой сфере международной жизни. В то же время больше всего поощрительных санкций было установлено этой организацией в сфере защиты прав и свобод человека, а также в сфере поддержания мира и безопасности.

В рамках Организации Объединенных Наций в 2013 г. был принят ряд резолюций о поощрении прав человека: «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества» (2012 г.) [4], «Поощрение прав человека через спорт» [4]. Одной из целей развития тысячелетия ООН назвала поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин. Эти документы носят программный характер, и в них не содержится поощрительных санкций как таковых, но они определяют направление деятельности в указанных вопросах самой Организации Объединенных Наций и ее государств-членов.

Одним из основных факторов, влияющих на международно-правовую жизнь любого государства, является его авторитет в международных отношениях, в свою очередь, во многом зависящий от ситуации с соблюдением и защитой прав человека на его территории. В системе ООН есть и такие органы, членами которых может стать не любое государство, а только добросовестно соблюдающее предписания этой международной организации в определенной сфере. Таковым является Совет по правам человека, учрежденный в 2006 г. вместо утратившей свой авторитет Комиссии по правам человека. Члены этого Совета избираются Генеральной Ассамблеей по региональному принципу, но из тех государств соответствующего региона, которые по мнению членов ООН в большей степени способствуют реализации такого принципа Устава, как всеобщее уважение прав человека. Иначе говоря, сам принцип отбора государств-членов в данный орган можно рассматривать в качестве поощрительной санкции. Примечательно, что в 2013 г. Российская Федерация была в очередной раз избрана в данный Совет [5].

Организация Объединенных Наций использует в качестве поощрительной санкции и награждение медалями, учрежденными ею. Первая медаль была учреждена в 1951 г. для награждения участников операции миротворческих сил ООН в Корее, в 1959 г. была учреждена медаль для награждения участников миссии по наблюдению за выполнением условий перемирия на Ближнем Востоке (ОНВУП) [6].

В феврале 1966 г. Генеральный секретарь ООН утвердил Положение о медали Организации Объединенных Наций. Согласно этому документу медалью награждаются военнослужащие и гражданские полицейские, прослужившие в составе миссии или операции определенный срок, от 30 до 180 дней [6].

В 1997 г. была учреждена особая медаль ООН имени ее второго Генерального Секретаря — Дага Хаммаршельда. Медаль вручается родственникам погибшего военнослужащего, полицейского или гражданского лица, участвовавшего в миротворческих операциях Организации Объединенных Наций [6].

Органы и организации в составе ООН также могут учреждать свои награды. Так, в 1954 г. Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев была учреждена медаль Нансена, которая ежегодно присуждается отдельным лицам или организациям в знак признания их исключительной и самоотверженной работы на благо беженцев [7].

Разнообразные поощрительные санкции предусмотрены и документами ООН в различных отраслях международного права. Например, поощрительные санкции в международном морском праве в основном содержатся в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В ст. 70 этого документа «Право государств, находящихся в географически неблагоприятном положении» перечислены права, направленные на стимулирование участия государств, у которых нет собственной экономической зоны, или зависимых от использования ресурсов экономических зон иностранных государств, в разработке полезных ископаемых соответствующих географических регионов. В качестве примера можно также привести ст. 148 данной Конвенции «Участие развивающихся государств в деятельности в Районе», в которой говорится, что «Эффективное участие развивающихся государств в деятельности в Районе поощряется». В данном случае имеется в виду их участие в исследовании и использовании района морского дна открытого моря [8, с. 420—507].

В Конвенции ООН о спасании на море 1989 г. указывается, что «спасательные операции, имевшие полезный результат, дают право на вознаграждение» (ст. 12). Речь идет о вознаграждении физических лиц, участвующих в спасательных операциях на море. В ст. 13 этого документа описаны критерии установления суммы вознаграждения, в ст. 14 предусматривается выплата специальных компенсаций спасателям, которые не смогли заработать вознаграждение, но предотвратили или уменьшили вред окружающей среде [9, с. 242].

В международном экологическом праве поощрительные санкции предусмотрены Киотской конвенцией об изменении климата 1992 г. В ч. 6 ст. 4 этого документа говорится о гибких условиях выполнения своих договорных обязательств для тех государств, которые осуществляют процесс перехода к рыночной экономике, чтобы «укрепить способность этих Сторон заниматься проблемами, связанными с изменением климата» [10]. В ч. 5 указанной статьи отмечается, что договаривающиеся государства предпринимают все практические шаги для поощрения, облегчения и финансирования в соответствующих случаях передачи экологически безопасных технологий и ноу-хау или доступа к ним другим Сторонам с тем, чтобы дать им возможность выполнять положения Конвенции. Однако каковы должны быть эти шаги и какие конкретные действия должны быть совершены государствами, в протоколе не указывается.

Организация Объединенных Наций сотрудничает и с другими международными организациями в сфере установления поощрительных санкций

в международном праве. Например, в 2013 г. Организация Объединенных Наций и Совет Европы подписали совместную декларацию о сотрудничестве в области поощрения защиты прав человека [4].

По примеру ООН многие региональные международные организации принимают нормы, содержащие поощрительные санкции. Например, премия имени Андрея Сахарова была учреждена в Евросоюзе для поощрения лиц, особо отличившихся в области защиты прав человека. В сентябре 2013 г. Эдвард Сноуден был выдвинут на получение этой премии левыми фракциями Европарламента [11].

Особая система наград существует в рамках Совета Европы. Это диплом, Почетный Флаг, Таблица Европы и Приз Европы. Система наград Совета Европы является важным инструментом в улучшении отношений между всеми странами и гражданами Европы и распространении идеи единой Европы. Эта система основана Кабинетом Министров Совета Европы в 1955 г. [12]. Таких наград удостоиваются муниципалитеты и регионы Европы за европейскую деятельность, развитие дружбы и сотрудничества между европейскими регионами и углубление связей между ними. Приза Европы уже были удостоены такие российские города, как Волгоград, Белгород и Калининград.

Международно-правовая политика Организации Объединенных Наций в области поощрительных санкций направлена на их распространение в различных сферах международно-правового регулирования. Поощрительные санкции в настоящее время существуют в различных отраслях международного права. Кроме того, международно-правовая политика ООН по данному вопросу оказала влияние на закрепление института поощрительных санкций и в документах региональных международных организаций.

Нормы международного права могут оказывать влияние и на правовую политику государств, в том числе и в области установления и применения поощрительных санкций. В то же время роль международного права в данном вопросе — задать вектор развития института поощрительных санкций во внутригосударственном праве, подсказать государствам те ситуации, в которых их применение было бы наиболее желательным. В остальном международное право не связывает волю государств.

Список литературы:

1. Гегель, Г. Работы разных лет : в 2 т. / Г. Гегель. — М.: Мысль, 1973. — Т. 2. — С. 56.
  2. Мусаткина, А.А. О поощрительных санкциях в уголовном и финансовом праве // Вектор науки ТГУ. — 2009. — № 5. — С. 79–84.
  3. Малько, А.В. Поощрение как правовое средство // Правоведение. — 1996. — № 3. — С. 32–33.
  4. Официальный сайт Верховного комиссара по правам человека ООН. — URL://<http://www.ohchr.org> (дата обращения: 20.09.2014).
  5. Россия избрана в состав Совета по правам человека ООН. — URL://<http://ria.ru> (дата обращения: 20.09.2014).
  6. Медали Организации Объединенных Наций. — URL://<http://www.un.org> (дата обращения: 20.09.2014).
  7. Награда Нансена. — URL://<http://unhcr.ru> (дата обращения: 20.09.2014).
-

-
8. Конвенция ООН 1982 г. по морскому праву // Международное право в документах. М.: ЮристЪ, 2002. — С. 420–507.
  9. Международное морское право : учебное пособие / под ред. С.А. Гуреева. — М.: Юридическая литература, 2003. — 448 с.
  10. Киотская конвенция об изменении климата 1992 г. // Бюллетень международных договоров. — 1996. — № 12.
  11. Стуря. Премия Сахарова Сноудену? //Московский комсомолец. 2013. 19 сент.
  12. Официальный сайт Совета Европы. — URL: <http://hub.coe.int> (дата обращения: 20.09.2014).

References:

1. Gegel' G. Raboty raznyh let : v 2 t. / G. Gegel'. — М.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1973. — Т. 2. — С. 56.
2. Musatkina, A.A. O pooshhritel'nyh sankcijah v ugovnom i finansovom prave // Vektor nauki TGU. — № 5. — 2009. — С. 79–84.
3. Mal'ko, A.V. Pooshhrenie kak pravovoe sredstvo // Pravovedenie. — 1996. — № 3. — С. 32–33.
4. Oficial'nyj sajt Verhovnogo komissara po pravam cheloveka OON. — URL://<http://www.ohchr.org> (data obrashhenija: 20.09.2014).
5. Rossija izbrana v sostav Soveta po pravam cheloveka OON. URL://<http://ria.ru> (data obrashhenija: 20.09.2014).
6. Medali Organizacii Obedinennyh Nacij. — URL: // <http://www.un.org> (data obrashhenija: 20.09.2014).
7. Nagrada Nansena. — URL:// <http://unhcr.ru> (data obrashhenija: 20.09.2014).
8. Konvencija OON 1982 g. po morskomu pravu // Mezhdunarodnoe pravo v dokumentah. — М.: Jurist, 2002. — С. 420–507.
9. Mezhdunarodnoe morskoe pravo : uchebnoe posobie / pod red. S.A. Gureeva. — М.: Juridicheskaja literatura, 2003. — 448 s.
10. Kiotskaja konvencija ob izmenenii klimata 1992 g. // Bjulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. — 1996. — № 12.
11. Sturua. Premija Saharova Snouдену? //Moskovskij komsomolec. 2013. 19 сент.
12. Oficial'nyj sajt Soveta Evropy. — URL: <http://hub.coe.int> (data obrashhenija: 20.09.2014).

• ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА •

М.В. Данилов,
кандидат политических наук, доцент,
кафедра политических наук
Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского

M.V. Danilov,
Candidate of Political Science,
Associate Professor,
Saratov State University named
after N.G. Chernyshevsky
super9999@yandex.ru

«За пределами политического»: технологии деполитизации иностранного влияния на политическую жизнь России

***Аннотация:** в статье рассматриваются вопросы влияния иностранных государств и международной обстановки на происходящие в России политические процессы. Актуальность статьи обусловлена необходимостью создания результативных технологий противостояния такого рода влиянию. Цель статьи заключается в анализе эффективности стратегии деполитизации как способа противостояния зарубежным факторам политизации общественных отношений: в работе анализируется деятельность различных НКО по политизации общественных отношений в Российской Федерации, нововведения в российском законодательстве и некоторые примеры правоприменительной практики. Основной вывод статьи состоит в том, что применение стратегии деполитизации было обусловлено факторами российской внутривнутриполитической борьбы.*

***Ключевые слова:** политизация общества, деполитизация, внутренняя политика, международные факторы, иностранные агенты, повестка дня.*

«Beyond the political»: technology depoliticization of foreign influence on political life in Russia

***Abstract:** the article examines the influence of foreign countries and international situation on the political processes in Russia. The relevance of the article due to the need to create efficient technologies confront this kind of influence. The purpose of the article is to analyze the effectiveness of the strategy as a way to depoliticize the opposition to foreign factors politicization of public relations: The paper analyzes the activities of the various NGOs for the politicization of social relations in the Russian Federation, innovations in the Russian legislation and some examples of law enforcement. The main conclusion of the paper is concluded that the use of de-politicization of the strategy was due to factors of Russian political struggle.*

***Keywords:** politicization of society, depoliticization, domestic politics, international factors, foreign agents, the agenda.*

Политизация общественных отношений под влиянием факторов международной среды не только выступает объективным условием существования современного мира, но и несет ряд угроз. Основной из них является угроза утраты части суверенитета, выражающаяся в потере контроля над политической сферой. Проявлениями данной опасности могут быть манипулирование информационной картиной дня, стимулирование неконвенциональных видов политического участия, внедрение в массовое сознание мнения об ущербности отечественной политической системы. При этом бенефициары, выгодополучатели таких действий находятся вне юрисдикции

России. Совершенно естественно в этих условиях, что государственная власть стремится создавать механизмы противодействия внешней политизации.

Последнее десятилетие XX в. было ознаменовано полной открытостью России внешнему, политизирующему наше общество воздействию. В результате, ни на государственном уровне, ни в гражданских структурах не было выработано иммунитета к нему. Фактически, механизмы противодействия стали вырабатываться только в двухтысячные годы и обрели концептуальное завершение в последнее время. Одной из базовых стратегий противостояния зарубежному влиянию на политическую жизнь России является стратегия деполитизации. Она направлена на ограничение доступа для иностранных или связанных с ними субъектов к конструированию политической повестки дня, ввод запретительных мер по отношению к несогласованным формам политического участия, общее снижение значимости в массовом сознании политики как совокупности способов решения социально-экономических проблем.

Стратегия деполитизации, широко используемая в российской общественной жизни, основывается на ряде нормативно-законодательных ограничений. Их появление было вызвано событиями революционного характера, произошедшими на пространстве бывшего Советского Союза и в ряде ближневосточных и африканских стран («цветные» революции в Украине, Грузии, Киргизии, Египте, Ливии, Тунисе и т. д.) под лозунгами расширения демократических свобод и борьбы с диктаторскими, коррумпированными режимами. Политизация массового сознания в этих странах и внедрение убеждения о недопустимости дальнейшего существования политических режимов проходила через формирование повестки дня и расширение неконвенциональных форм политического участия. В связи с этим именно данные направления были выбраны в качестве первоочередных объектов внимания со стороны российской государственной власти.

Так, значительно ужесточились требования к некоммерческим организациям, фактически, были пересмотрены принципы отношения к Интернету и его пользователям, внесены изменения в нормы о двойном гражданстве. В совокупности данные меры нацелены на снижение влияния международных факторов на политизацию общественных отношений в России на основе запрета самой возможности такого воздействия.

Именно согласно этой логике, как нам представляется, следует рассматривать принятый в 2012 г. Федеральный закон № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [1], который в публицистике сразу же получил наименования «закона об иностранных агентах». Данный нормативный акт интересен по нескольким причинам. Во-первых, он определяет понятие «политическая деятельность», во-вторых, в нем ставятся законодательные заслоны для политической деятельности некоммерческих организаций (далее — НКО), тем или иным образом связанных с иностранными государствами.

Статья 2 Закона признает НКО участвующей в политической деятельности, если она «независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении

политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях». Хотя в Законе и оговаривается, что к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры и социальной направленности, очевидно, что он призван способствовать сохранению суверенитета государства над процессами политизации российского общества. Данный вывод мы делаем на основании того факта, что органы государственной власти принимают решения по самому широкому кругу вопросов, следовательно, любой из них, исходя из логики законодателя, которую мы поддерживаем, может быть отнесен к политическим. Кроме того, политической, по сути, признается работа по формированию общественного мнения. Общественное мнение и вытекающая из него политизация массового сознания формируется путем влияния на соответствующую повестку дня, присутствующую в СМИ, дискурсе власти и политических партий.

Анализируемый Федеральный закон наделяет НКО, осуществляющие политическую деятельность на средства из зарубежных источников, статусом «иностранного агента» и устанавливает за ними особый порядок контроля и надзора. Прежде всего, предполагается, что всякие сведения, распространяемые такими НКО, должны сопровождаться указаниями на их источник — «иностранного агента», что само по себе имеет явно выраженные негативные коннотации. Кроме этого предусмотрен ряд мер финансового, бухгалтерского и кадрового контроля.

Естественно, что еще до своего вступления в силу, на этапе обсуждения проект Закона стал предметом горячих дискуссий. Обобщая их, можно сказать, что основной аргумент сторонников Закона сводился к тому, что общество имеет право знать, на чьи деньги финансируется политическая деятельность НКО. Главный тезис противников нововведения заключался в том, что «вступление этого закона в силу будет сдерживать развитие гражданского общества в России и, скорее всего, будет использоваться, чтобы заглушить голоса критиков, чья деятельность зачастую зависит от внешнего финансирования, которое поступает с целью обеспечения независимости от Российского государства» [2]. Фактически, Закон содержит в себе некоторые дискриминирующие по отношению к НКО с иностранным участием нормы. Однако цель этой «дискриминации», как нам представляется, состоит в сохранении контроля государства над внутренней политической жизнью и над процессами политизации неполитических вопросов.

Долгое время отсутствовала правоприменительная практика по данному Закону. Никто из НКО не хотел признавать себя иностранным агентом, а государственные органы с разной степенью успешности пытались принудить их к этому. Однако в середине 2014 г. в Саратове состоялся один из первых судебных процессов, в результате которого некоммерческая организация «Партнерство для развития» была признана судом иностранным агентом и за уклонение от добровольной регистрации в качестве таковой была оштрафована. Основным доводом прокурорских работников в данном процессе было то, что НКО «Партнерство для развития» на деньги иностранного государства (США) способствуют росту гражданского (политического) активизма в Саратовской области [3].

Другой важной мерой в направлении внешней, неконтролируемой политизации общественной жизни в России стало усиление контроля над информационной сферой. Поскольку основные каналы телевидения в той или иной степени находятся либо в государственной собственности, либо подконтрольны государственным структурам, основную угрозу нарушению баланса между политическими и неполитическими основаниями общества представляет Интернет. Именно в этом ключе, на наш взгляд, следует рассматривать, в частности, Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей».

Согласно данному документу в базовый Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» вносится ряд изменений. Так, владелец сайта или страницы сайта с числом посещений более трех тысяч в сутки (блогер) обязан, например, соблюдать запреты и ограничения, предусмотренные законодательством Российской Федерации о референдуме и законодательством Российской Федерации о выборах, воздерживаться от распространения информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями [4].

В рамках реализации стратегии деполитизации, обеспечиваемой нормативно-юридическими средствами, можно рассматривать и законодательные новеллы в регулировании вопросов гражданства. В частности, весной 2014 г. на рассмотрение Государственной Думы был внесен законопроект с довольно характерным названием «О запрете отдельным категориям лиц иметь гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства (о перечне должностных лиц Российской Федерации, для которых и в отношении супругов и несовершеннолетних детей которых применяется запрет наличия иного гражданства или разрешительного документа на право постоянного проживания в иностранном государстве, а также о мерах по реализации указанного запрета)» [5].

Несмотря на отрицательное заключение на данный законопроект ряда экспертов и, в частности, комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, само его появление весьма симптоматично. Оно отражает определенный тренд, направленный на построение значительных нормативно-юридических заслонов на пути иностранного влияния на отечественную политическую жизнь. К уже давно имеющимся в законодательстве запретам на зарубежное финансирование политических партий, запрету иметь собственность за рубежом для чиновников периодически добавляются новые предложения. Нередко они вносятся отдельными депутатами от своего имени, с целью встроиться в складывающийся политический мейнстрим.

Однако законодательные ограничения отнюдь не исчерпывают все многообразие практического применения стратегии деполитизации общественных отношений как способа противостояния зарубежному влиянию на политическую жизнь в России. К ним можно отнести также ограничение несанкционированных властью форм публичной активности и снижение значимости политики в массовом сознании. Повышение формальных требований к организаторам митингов и иных публичных акций, усиление их ответственности за несогласованные мероприятия можно рассматривать как ответ на угрозы неконтролируемого роста политической активности граждан под радикальными лозунгами. Опыт наших ближайших соседей и, прежде всего, Украины показывает, что опасность активизации масс под влиянием внешних факторов может быть вполне реальной.

Однако обострение украинского кризиса свидетельствует о том, что стратегия деполитизации не может быть эффективной в условиях, когда в соседнем и очень близком исторически и ментально государстве происходят фактически революционные события. Деполитизация общества в таких условиях означала бы его демобилизацию перед лицом неконтролируемого развития событий. В связи с этим начала активно применяться стратегия контрполитизации, некоторые элементы которой были опробованы и в предыдущие два десятилетия российской политической истории. Основные направления контрполитизации традиционны и включают в себя формирование выгодной повестки дня, стимулирование контролируемых форм политического участия, маргинализацию и дискредитацию оппозиции и зарубежных центров влияния в массовом сознании. Исходя из вышесказанного, было бы неверным подходить к технологиям деполитизации общественной жизни нормативистски, приписывать им исключительно позитивные либо негативные качества. Технологии деполитизации — всего лишь инструмент, который применяется в конкретных политических условиях, а потому не может быть оценен вне контекста и вне субъективного взгляда того, кто применяет данную технологию, либо того, на кого она направлена.

Список литературы:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента : федеральный закон РФ от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ // Российская газета. — 2012. — 23 июля.
  2. Закон об «иностранных агентах» вступил в силу в России // Официальный сайт радиостанции «Голос Америки». — URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/amnesty-international-on-foreign-agents-law/1550411.html> (дата обращения: 02.01.2014).
  3. Прокурор упрекнул Пицунову в развитии гражданского активизма // Взгляд-инфо. URL: <http://www.vzsar.ru/news/2014/08/08/prokuroor-upreknul-picynovy-v-razvitiigrajdanskogo-aktivizma.html> (дата обращения: 10.08.2014).
  4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : федеральный закон РФ от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ // СПС «Гарант».
-

5. Автоматизированная система обеспечения законодательства. Законопроект № 485143-6 // Государственная Дума РФ : официальный сайт. — URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=485143-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=485143-6) (дата обращения: 14.08.2014).

References:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента : федеральный закон РФ от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ // Российская газета. — 2012. — 23 июля.

2. Закон об «иностранных агентах» вступил в силу в России // Официальный сайт радиостанции «Голос Америки». — URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/amnesty-international-on-foreign-agents-law/1550411.html> (дата обращения: 02.01.2014).

3. Прокурор упрекнул Пичунову в развитии гражданского активизма // Взгляд-инфо. — URL: <http://www.vzsar.ru/news/2014/08/08/prokurov-upreknul-pichunovu-v-razviti-grajdanskogo-aktivizma.html> (дата обращения: 10.08.2014).

4. О внесении изменений в федеральный закон «Об информации, информационные технологии и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : федеральный закон РФ от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ // СПС «Garant».

5. Автоматизированная система обеспечения законодательства. Законопроект № 485143-6 // Государственная Дума РФ : официальный сайт. — URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=485143-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=485143-6) (дата обращения: 14.08.2014).

А.И. Чернявский,
аспирант
кафедры политических наук
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

A.I. Chernyavsky,
Post-graduate Student,
Russian Academy of National Economy
and State Service under the President
of the Russian Federation
sawa1999@yandex.ru

Интерпретация концепта «политическое лидерство» в дискурсивном пространстве современной отечественной и зарубежной политической науки

Аннотация: в статье анализируются институциональные и неформальные характеристики политического лидерства в современной России. Изучаются его исходные типы и возможные модели трансформаций в зависимости от изменяющейся политической конъюнктуры. Определяется зависимость эволюции политического лидерства в контексте осуществляемых государством политико-правовых реформ. Проводятся аналогии в понимании политического лидерства в экономической и политической сферах жизни общества. Выделяются «рыночные параметры» политического имиджа, которые имеют не только социально-политическое значение, но и маркетинговую функциональность (узнаваемость, динамичность, возможность быстрого изменения ключевых параметров). Интерпретируется взаимосвязь имиджевых компонентов политических деятелей с ключевыми трендовыми характеристиками их лидерских качеств.

Сравниваются традиции объяснения феномена политического лидерства в европейской, американской и российской школах политической науки. Описывается специфика отечественных подходов к конструированию концепта «политическое лидерство» в научных дискурсивных практиках. В процессе интерпретации феномена политического лидерства в статье использовались методики

контент-анализа, интент-анализа, дискурс-анализа, ивент-анализа для систематизации и обобщения разнородной теоретической и эмпирической информации по изучаемой тематике. Цель статьи — проанализировать отражение феномена «политическое лидерство» в общественно-научных дискурсивных практиках отечественной, европейской и американской школах политических исследований.

Ключевые слова: политическое лидерство, политический лидер, политический руководитель, команда политического лидера, управленческая команда, модели политического лидерства, протранство региональной политической власти.

The interpretation of the concept «political leadership» in the discursive space of modern domestic and foreign political science

Abstract: the article analyzes the institutional and informal characteristics of political leadership in modern Russia. Study his original types and possible model transformations based on changing political situation. Is determined by the dependence of the evolution of political leadership in the context of the government for political and legal reforms. Are analogies in understanding political leadership in economic and political spheres of society. There are market parameters” political image, which have not only the socio-political significance, and marketing functionality (awareness, agility, quick changes of key parameters). Interpreted the relationship of image components politicians with a key trend characteristics of their leadership qualities. Compared with the traditional explanations of the phenomenon of political leadership in the European, American and Russian schools of political science. Describes the specifics of the domestic approaches to the design of the concept “political leadership” in scientific discursive practices. In the process of interpretation of the phenomenon of political leadership in the article used techniques of content analysis, intent-analysis, discurs analysis, event analysis for systematization and generalization of the diverse theoretical and empirical information on the studied subject. The purpose of this article is to analyze the reflection of the phenomenon of “political leadership in the public scientific discursive practices of domestic, European and American schools of political studies.

Keywords: political leadership, political leader, a political leader, a team leader, management команда. модели political leadership, the space of the regional political authorities.

Феномен политического лидерства занимает особое место в современной политической жизни. К концепту «политическое лидерство», включающему в себе различные ценности и идеи, апеллируют исследователи, а также политики в своих программах, речах и обращениях. Изучение данного концепта позволяет исследовать специфику изменений, происходящих в современном обществе, т. к. здесь концентрируются властные интересы граждан, механизмы сотрудничества или противоборства политических лидеров, качественные и количественные характеристик и дискурса политического лидерства. Во многих современных государствах политическое лидерство является существенным элементом в панораме общественной жизни. Цель настоящей статьи — провести сравнительный анализ моделей политического лидерства, представленных в дискурсивном пространстве современной политической науки.

В политической науке, при наличии общности исходных позиций, понятия «лидерство» и «лидер» характеризуются неоднозначно. Это можно доказать, выделив следующие подходы к их трактовке. Согласно американской школе политической науки лидерство — это разновидность власти, спецификой которой является направленность сверху вниз, а также то, что ее носителем выступает не большинство, а один человек или группа лиц.

Иначе говоря, это «власть, это процедура лидерства, осуществляемая одним или несколькими индивидами, с тем, чтобы побудить членов нации к действиям» [1, с. 46]. Данный концепт является наиболее общим способом интерпретации феномена лидерства. Он основан на принципе господства-подчинения, присущего любому социально-политическому институту.

Еще один общий подход к концепту «политическое лидерство» также представлен в американской школе политической науки. Его автором является О. Тид. Согласно его теории лидер должен обладать следующими идеальными качествами: острым умом, твердой волей, целеустремленностью, энергичностью, незаурядными организаторскими способностями, готовностью брать на себя ответственность, компетентностью, способностью внушать доверие [2, с. 55]. Другими словами, сущность этой теории состоит в объяснении феномена лидерства выдающимися характеристиками человека, которые при определенном сочетании делают возможным его политическое лидерство в социуме.

Более конкретизированный характер носит структурно-функциональный подход к политическому лидерству. В его основе лежит положение, выдвинутое немецкими политологами, согласно которому лидерство — это, прежде всего, управленческий статус, социальная позиция, связанная с принятием решений, руководящая должность. Такая трактовка лидерства вытекает из структурно-функционального подхода, предполагающего рассмотрение общества как сложной, иерархически организованной системы социальных позиций и ролей. Занятие в этой системе позиций, связанных с выполнением управленческих функций (ролей), и дает человеку статус лидера. Иными словами, лидерство — это «положение в обществе, которое характеризуется способностью занимающего его лица направлять и организовывать коллективное поведение некоторых или всех его членов» [3, с. 18].

Органическим дополнением к структурно-функциональному подходу исследования политического лидерства служит «теория влияния», разработанная американскими и немецкими политологами (В. Кац, Л. Эдинггер). Ученые полагают, что лидерство — это влияние на других людей. При этом необходимо, чтобы влияние было постоянным. К политическим лидерам нельзя причислять людей, оказавших, хотя и большое, но разовое воздействие на политический процесс, историю страны [4, с. 24]. Обозначенная модель политического лидерства тесно связана с другим подходом, интерпретирующим сущность данного феномена с точки зрения концепции менеджмента. В его контексте политическое лидерство — это особое рода предпринимательство, осуществляемое на специфическом рынке, при котором политические предприниматели в конкурентной борьбе обменивают свои программы решения общественных задач и предполагаемые способы их реализации на руководящие должности (при этом специфика политического предпринимательства состоит в персонализации «политического товара», его отождествлении с личностью потенциального лидера, а также в рекламировании этого «товара» как общего блага).

Такая интерпретация политического лидерства, по оценкам большинства специалистов, применима к большинству современных институтов. Однако ее

наибольшая эффективность может быть достигнута только в демократических организациях: государстве, партии и т. п. В политических же системах, где лидер представляет собой системообразующий институт, указанная модель лидерства будет неэффективна. В обозначенной ситуации лидер будет символом общности и образцом политического поведения группы. Он будет выдвигаться снизу, преимущественно стихийно, и приниматься последователями. В европейской школе политической науки такая модель политического лидерства получила название «теория замещения» [5, с. 12].

Еще в одной концептуальной модели объяснения политического лидерства делается акцент на отличиях лидерства от руководства. Так, израильский политолог И. Идизес считает, что политическое руководство, «в отличие от лидерства, предполагает достаточно жесткую и формализованную систему отношений» [6, с. 25]. В данном контексте политическое лидерство представляет собой постоянное приоритетное и легитимное влияние одного или нескольких лиц, занимающих властные позиции, на все общество, организацию или группу. Сам же феномен лидерства — это, прежде всего человек, который наиболее полно отражает и защищает интересы народа или определенной социальной группы, обладает совокупностью качеств, необходимых политическому деятелю, стремится и способен консолидировать усилия окружающих и активно воздействовать на этот процесс для достижения обозначенных и выдвинутых им целей [6, с. 24.].

Одной из современных теорий политического лидерства является концепция немецких политологов, в частности Ц. Ритси и С. Шкаал. Они считают, что проблема политического лидерства возникает лишь при наличии определенных политических свобод, т. е. в условиях демократии. Явлению демократического лидерства немецкие ученые уделяют особое внимание, т. к. лидерство как особый институт наиболее эффективен при условии, что политические желания, предпочтения, интересы граждан находят свое отражение в политических решениях лидера, а это возможно только в демократических условиях [7, с. 3]. Указанное утверждение можно обосновать следующими положениями. Во-первых, феномен «политическое лидерство», по мнению современных ученых, выступает гарантом реализации политических решений, а также является атрибутом представительной демократии. Во-вторых, особое внимание уделяется гендерному подходу, которому посвящено большое количество теоретических работ. Для современной России проблема «женского» политического лидерства является наиболее актуальной [7, с. 25], что отражает зависимость образа политической жизни социума от моделей политического лидерства, существующих в нем.

Одной из вариаций демократической модели лидерства является теория «групповой культуры». Согласно ее положениям лидерство понимается через феномен групповой культуры. Одним из авторов этого подхода выступает канадский ученый Э. Берн. С его точки зрения, существует три компонента, формирующих единую лидерскую модель: ответственный лидер, выполняющий роль лидера в политической структуре; эффективный лидер — принимает решения, может иметь или не иметь своей роли в

политической структуре, но при этом является самой значимой личностью в индивидуальной структуре; психологический лидер — имеет наибольшее влияние на частную структуру политической организации и занимает нишу лидерства в своей институциональной группе [8, с. 43]. Все три компонента лидерства должны быть сосредоточены в одном индивидуе, полагает ученый.

Противоположностью указанных подходов к объяснению политического лидерства является его ситуационная модель. В ее рамках политическое лидерство рассматривается исключительно как функция определенной ситуации. Как отмечал Р. Стогдилл, «лидерство есть связь, которая существует между людьми в какой-то социальной ситуации, и люди, являющиеся лидерами в одной ситуации, не обязательно будут ими в других ситуациях» [9, с. 47]. При этом общество, в котором происходит «смена ситуаций» может быть как демократическим, так и недемократическим. Главное — не внешние факторы, а то, как лидер способен к ним адаптироваться. Чтобы точно оценить ситуацию, лидер должен хорошо представлять способности подчиненных и свои собственные, природу, задачи, потребности, полномочия и качество информационного поля.

В рамках личностно-ситуативной концепции лидерства ряд европейских исследователей, в частности Е. Холландер, вводят понятие «кредит доверия» (*Idiosyncrasy Credit*), или право лидера на нестандартность поведения в определенных рамках [10, с. 22]. Согласно указанному принципу лояльность и доверие к действиям лидера общество проявляет при условии соответствия поведения лидера нормам, принятым в обществе, и его компетентности. В зависимости от правильности или ошибочности своих действий лидер может полностью соответствовать ожиданиям общества или потерять его уважение и быть им смещен. Данная теория политического лидерства в западной школе политической науки, в частности европейской, относится к инструментальным теориям менеджмента.

В американской же школе наметилась тенденция различения понятий «менеджер» и «лидер» в публичном поле политики. Различие идет по линии, с одной стороны, формального и неформального лидерства, а с другой — стандартизированного, шаблонного и инновационного, творческого поведения. По мнению американского политолога П. Коттера, менеджер-лидер должен заботиться о том, чтобы общество эффективно выполняло порученные им задачи. Лидер-политик, напротив, призван своевременно понимать вызовы и требования времени, развивать инновационные идеи, необходимые для успешного решения важнейших проблем будущего [11, с. 213].

Ряд американских исследователей проводят различие между менеджером-политиком и лидером-политиком по линии формального и неформального лидерства соответственно. Как отмечает известный американский практик Л. Дженсон, для современной политической системы США «характерна тенденция искать не столько менеджеров, сколько политических лидеров. Менеджеры делают дело так, как нужно; лидеры делают то, что нужно. Менеджеры заставляют людей делать то, что нужно; лидеры вызывают у людей желание сделать то, что нужно. Лидеры — это люди, которые выявляют все лучшее в других» [12, с. 303].

Общие направления интерпретации феномена «политическое лидерство» в американской, европейской и российской школах политической науки следующие: во-первых, политическое лидерство понимается как часть политического процесса, связанного с политическими институтами, т. е. абстрактные модели объяснения лидерства практически отсутствуют; во-вторых, политический лидер — это одновременно и менеджер, и политик, т. е. и «технологический» субъект политического процесса, и «творческий»; в-третьих, феномен политического лидерства в большинстве концептов представляет собой сложное, многосоставное явление, которое имеет ряд взаимозависимых друг от друга и от «окружающей среды» параметров; в-четвертых, в значительной части проанализированных концептов на первом плане выступают личностные качества политических лидеров, а затем их социальные характеристики.

Отличительные особенности интерпретации феномена «политическое лидерство» в американской, европейской и российской школах политической науки состоят в следующем: во-первых, европейские концепты «политическое лидерство» в большинстве случаев связывают данное явление с демократическими процессами, протекающими в социуме. Проблематика лидерства в недемократическом социальном пространстве рассматривается как «негативное отклонение» от нормы. В американской и российской школах политической науки, напротив, «внешней среде» уделяется не такое подробное внимание, больший акцент делается на прикладных аспектах функциональности системы «лидер-социум». Во-вторых, в европейской и российской школах политического лидерства к поведению политика выдвигаются определенные требования и нормы (отклонение от которых означает «кризис доверия» к лидеру), имеющие достаточно формальный, свободный для интерпретаций характер. В-третьих, несмотря на все попытки провести различия между менеджером-лидером и менеджером-политиком, американская и российская школы исследования политического лидерства, по сравнению с европейской, характеризуются отождествлением этих явлений.

Список литературы:

1. Такер, Р.С. Политическое лидерство / Р.С. Такер. — М.: Ино-Пресс, 1981. — 343 с.
2. Шелдрейк, Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации / Дж. Шелдрейк. — СПб.: Питер, 2001. — 260 с.
3. Шварценберг, Н.С. Политическое лидерство: функциональный подход / Н.С. Шварценберг. — М.: Логос, 2008. — 310 с.
4. Эйдинггер, С. Инструментальное лидерство / С. Эйдинггер. — М., 2005. — 220 с.
5. Грохх, С. К пониманию российского и американского политического лидерства (очерки политического анализа) / С. Грохх. — М.: РАПН, 2006. — 290 с.
6. Горбачев, М.В. Особенности трансформации моделей регионального политического лидерства в общественно-политическом дискурсе современной России // Правовая политика и правовая жизнь. — 2013. — № 4. — С. 23–25.
7. Шкаал, С. Политические роли современных партийных лидеров / С. Шкаал. — М.: Логос, 2008. — 290 с.
8. Ковей, Р. Принципы политического лидерства (электоральное пособие) / Р. Ковей. — М.: Алтейя, 2009. — 92 с.

-
9. Берн, Е. Структура и динамика в организованных группах / Е. Берн. — М.: Наука, 2003. — 340 с.
  10. Стогдилл, Р. Политическое лидерство в современном обществе / Р. Стогдилл. — М.: Ин. литература, 2004. — 345 с.
  11. Горбачев, М.В. Политический лидер в дискурсивном пространстве СМИ (на примере кризисной риторики Президента Российской Федерации Д.А. Медведева 2008–2009 годов) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2012. — № 6. — С. 211–215.
  12. Шелдрейк, Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации / Дж. Шелдрейк. — СПб.: Питер, 2001. — 230 с.

References:

1. Taker, R.S. Politicheskoe liderstvo / R.S. Taker. — M.: Ino-Press, 1981. — 343 s.
2. Sheldrejk, Dzh. Teorija menedzhmenta: ot tejlorigizma do japonizacii / Dzh. Sheldrejk. — SPb.: Piter, 2001. — 260 s.
3. Shvarcenberng, N.S. Politicheskoe liderstvo: funkcional'nyj podhod / N.S. Shvarcenberng. — M.: Logos, 2008. — 310 s.
4. Jejdinger, S. Instrumental'noe liderstvo / S. Jejdinger. — M., 2005. — 220 s.
5. Grohh, S. K ponimaniju rossijskogo i amerikanskogo politicheskogo liderstva (oчерki politicheskogo analiza) / S. Grohh. — M.: RAPN, 2006. — 290 c.
6. Gorbachev, M.V. Osobennosti transformacii modelej regional'nogo politicheskogo liderstva v obshhestvenno-politicheskom diskurse sovremennoj Rossii // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. — 2013. — № 4. — S. 23–25.
7. Shkaal, S. Politicheskie roli sovremennyh partijnyh liderov / S. Shkaal. — M.: Logos, 2008. — 290 c.
8. Kovej, R. Principy politicheskogo liderstva (jelektoral'noe posobie) / R. Kovej. — M.: Aletejja, 2009. — 92 s.
9. Bern, E. Struktura i dinamika v organizovannyh gruppah / E. Bern. — M.: Nauka, 2003. — 340 s.
10. Stogdill, R. Politicheskoe liderstvo v sovremennom obshhestve / R. Stogdill. — M.: In. literatura, 2004. — 345 s.
11. Gorbachev, M.V. Politicheskij lider v diskursivnom prostranstve SMI (na primere krizisnoj ritoriki Prezidenta Rossijskoj Federacii D.A. Medvedeva 2008–2009 godov) // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. — 2012. — № 6. — S. 211–215.
12. Sheldrejk, Dzh. Teorija menedzhmenta: ot tejlorigizma do japonizacii / Dzh. Sheldrejk. — SPb.: Piter, 2001. — 230 s.

**• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ (ФИЛИАЛ В Г. ПЯТИГОРСКЕ) •**

Н.Г. Бондаренко,
*доктор философских наук, профессор,
кафедра истории и философии права
Института сервиса, туризма и дизайна
Северо-Кавказского федерального
университета (филиал в г. Пятигорске)*

N.G. Bondarenko,
*Doctor of Philosophy, Professor,
North-Caucasian Federal University
(Branch in Pyatigorsk)*
425257@mail.ru

**Мораль и правосознание в контексте
социально-философской рефлексии**

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена стремительными изменениями, происходящими в мире, которые заставляют по-иному взглянуть на проблемы морали и правосознания, подвергнуть переосмыслению многие прежние взгляды, казавшиеся очевидными или хорошо доказанными истинами. Необходимость рассмотрения данной проблемы диктуется, прежде всего, потребностями социальной практики, чье стремительное преобразование приобретает все менее управляемый и прогнозируемый характер. Цель статьи — проанализировать соотношение морали и правосознания в контексте социально-философских идей, где главной задачей является выявление роли правового государства как фактора действительного функционального единства правового и морального сознания. Реализация поставленных задач была достигнута благодаря историко-философскому, описательно-реконструктивному и проблемно-теоретическому подходам с помощью диалектического и компаративного методов. Автор, рассматривая генезис властного сознания в диалектике «рабства и господства», делает выводы о том, что следует отличать относительную самостоятельность нравственного сознания не только от иллюзий, но и от исторических форм в виде отчужденной нравственности и отчужденного морального сознания. Проанализирована наиболее острая проблема, касающаяся интерпретации понятий господства и подчинения как властного отношения в политике между государством и личностью. Власть имеет тенденции к самовозрастанию. Государственная власть может иметь и цивилизаторское (культурообразующее) значение для индивида, но она же может становиться деструктивной. Обоснована необходимость изучения проблемы единства морали и правосознания в отличие от традиционной парадигмы изучения различий между моралью и правом.*

***Ключевые слова:** диалектика господства и рабства, правосознание, право, мораль, свобода, отчуждение, властные отношения.*

**Morality and sense of justice
in the context of social and philosophical reflection**

95

***Abstract:** the relevance of the article is caused by the rapidly changing world, which makes us to look differently at the problem of morality and justice, to reconsider many previous topics seemed obvious or well-proven. The need of consideration of this problem is dictated, first of all, by the requirements of social practice, which rapid transformation is becoming less controllable and predictable. The purpose of the article is to analyze the relation of morality and justice in the context of the social and philosophical ideas, where the main task is to identify the role of the legal state as a factor of the actual functional unity of the legal and moral consciousness. The problems have been solved using by the historical and philosophical, descriptive and reconstructive, problem-theoretical approaches and dialectical and comparative methods. The author, considering the genesis of powerful consciousness in dialectics “of slavery and domination”, concludes that it is necessary to distinguish the relative independence of moral consciousness not only of*

---

illusions, but also of the alienated morality and alienated moral consciousness. The author analyzes the most acute problem concerning the interpretation of the concepts of domination and submission as power relations in politics between the state and the individual. The power tends to self-increase. State power can be civilizing (culture) to the individual, but it can also become destructive. The article proves the necessity to study the problem of the unity of morality and justice in contrast to the traditional paradigm of studying the differences between morality and law.

Keywords: *the dialectic of domination and slavery, justice, law, morality, freedom, alienation, power relations.*

И правовое, и моральное сознание следует относить по признаку генетического родства к общесоциальному уровню. Они направлены на непосредственное выполнение витально важных социальных функций, связывающих воедино общество, государство и индивида. В любом случае во внутрисистемной взаимосвязи преобладает силовая социальная детерминация. Это значит, что моральное и правовое сознание не обладают подлинной функциональной автономией. Им присуща взаимная обусловленность с акцентом на относительность и общественный характер. И мораль, и право связаны с необходимостью ограничения феномена власти. Властное сознание, рожденное самим феноменом власти, столь же детерминировано внешними факторами, как и любой другой естественный процесс.

Как отмечал Х. Плеснер в «Воле к власти», борьба за превосходство, стремление к господству свидетельствуют о подобного же рода первичном нарушении витального равновесия между организмом и его влечениями. Если искать осуществление в той же сфере, в какой выражается и стремление, то у человека стремление и осуществление никак не соотносятся между собой [1, с. 272]. Это хорошо понимали классики еще в «Феноменологии духа». Гегель писал, что «рабство противно человеческой природе, но исторически необходимо» [2, с. 32]. Именно с рабством связано «несчастное сознание», идеей которого пронизана вся «Феноменология духа».

Прорыв к пониманию природы отчуждения стал возможен благодаря новой форме натурализации морали и права. Результатом рабства становится отчуждение индивида как от моральной, так и от нравственной формы общественного сознания. При этом совершенно неважно, является ли индивид рабом или рабовладельцем. Это отчуждение никогда не может быть абсолютным или полным, ибо в противном случае рабовладельческое общество не смогло бы породить идею права и привести к существенному развитию правосознания. Политическое сознание — относительно самостоятельная форма властного сознания, проистекающего, в конечном счете, из реального деятельностного личностного отношения рабства и господства.

В гегельянстве особый интерес вызывает классическая трактовка взаимоотношений раба и господина. Парадокс в том, что в процессе исторического развития раб и господин меняются местами. «Господин, — пишет Гегель, — который поставил между вещью и собой раба, встречается благодаря этому только с несамостоятельностью вещи и потребляет ее полностью; сторону же самостоятельности [вещи] он предоставил рабу, который ее обрабатывает» [2, с. 103]. Господин не может реализовать свое самосознание, поскольку теряет непосредственную связь с вещью. Самосознание господина становится

несамостоятельным. А самосознание раба приобретает самостоятельность благодаря труду, обработке вещи. Потребление, которое выпало на долю господина, — это лишь непосредственное исчезновение, которому недостает устойчивости, предметной стороны. Труд, напротив того, есть заторможенное исчезновение, другими словами, он образует. На немецком языке образование обозначается словом «Bildung». У Гегеля этот термин приобретает очень широкое значение и становится синонимом культуры. Труд формирует культурно-историческую сущность человека.

Гегелевская «феноменология» формулирует самопорождение человека как процесс, как распредмечивание, как самоотчуждение и его снятие.

Господство и рабство присутствуют во всей истории в той или иной («снятой») форме. Например, стоицизм — это свобода сознания, которая снимает отношения господства и подчинения. С моральной точки зрения, рабство и господство — это одно и то же.

Разлад сознания, его противоречия воспроизводятся на различных уровнях развития сознания культурно-исторического процесса: стоицизм — скептицизм — несчастное сознание — просвещение и т. д.

Маркс интерпретировал мысли Гегеля о диалектике рабства и господства в плане деятельностной парадигмы рассмотрения сознания. Он довел свое рассмотрение до материалистического понимания истории, открывая новый абсолют — общественное бытие, по отношению к которому гегелевский «абсолютный» Дух (как субстанция и субъект) сам становится относительным, производным, «определяемым». Относительная самостоятельность сознания и самосознания, по Марксу, — это форма деятельности с вещами природы посредством орудий труда. Тем самым К. Маркс сузил гегелевское понимание рабства и господства. Можно интерпретировать гегелевскую диалектику господства и рабства более широко: как отношения в семье, обучение в системе образования, форму духовности в отношениях верующего и церкви и т. д.

Наиболее острая и жгучая проблема возникает из такой интерпретации отношения господства и подчинения, как властное отношение в политике между государством и личностью. Власть имеет тенденцию к самовозрастанию. Государственная власть может иметь и цивилизаторское (культурообразующее) значение для индивида, но она же может становиться деструктивной. Кстати, у Гегеля даже война становится моментом нравственной целостности, синтезирующей противоположности [3, с. 2019–2020].

Гегеля иногда критикуют как «тоталитариста» (К. Поппер, Б. Рассел и др.). Однако имеются ли для этого достаточные основания? У Гегеля общее — господин, а единичное — раб. Но если поставить вопрос более конкретно, то общее в гегелевской философии права воплощается в государстве, а единичное — в личности. Это уже более узкий аспект, в котором Гегель может рассматриваться как либерал. Действительно, он признает существование гражданского общества, высоко оценивает Французскую революцию. Гражданское общество у Гегеля — это неполитическая сфера, область личной жизни и частных интересов. Индивиды автономны от прямого подчинения политической власти. Такое понимание власти неприемлемо для тоталитаризма (фашизм, большевизм и т. д.), отрицающего все частное, автономное. Марксизм, как показал А.С. Ципко,

---

истолковал классовую борьбу как борьбу на уничтожение господствующего класса рабочим классом (классом «наемных рабов»).

В марксизме, в отличие от гегелевской концепции рабства и господства, абсолютизируется противоречие между рабством в контексте социально-философской рефлексии и господством. Правда, есть и момент схождения марксизма и гегельянства. Этот момент заключается в том, что принижается значение личности, ее прав и свобод. Свобода, по Гегелю, — это подчинение необходимости. А необходимость выступает в виде государства, осуществляющего абсолютную идею. Отдельный человек, индивидуальность, личность мало интересуют Гегеля. Он крайне пренебрежительно отзывается о причудах и капризах «субъективного духа». Примерно то же мы находим и у Маркса, который видит только идеал свободной индивидуальности, но не реальность сегодняшнего дня, не задумывается о практических последствиях теоретической идеи диктатуры пролетариата. Как утверждается в марксизме, волю господствующего класса в классовом обществе выражает право. В отличие от права, правосознание имеет двойственный характер, т. к. является отражением антагонизма классовой борьбы. В свою очередь, правосознание связано с такими формами общественного сознания, как философия, религия, наука.

Например, в Средние века религия диктовала если не содержание, то форму многих правовых норм, оказывая колоссальное влияние на правовую практику. Церковь манипулировала правовым сознанием масс с помощью религиозного сознания.

Отход от объективной реальности в правовом сознании реализуется в виде двух тенденций: опережения и отставания от наличного общественного бытия и наличной системы права. Через прогрессивную тенденцию опережения реализуется более глубокий подход к объективной реальности.

Правосознание — это выражение своего отношения к существующему и желаемому (справедливому) праву. Поэтому исторически правосознание тесно связано с демократическим, политическим сознанием, которое позволяло составлять различные модели желаемого, должного, справедливого. Например, у древних греков правосознание выражалось в уважении к законам. Однако софисты учили, что закон является человеческим установлением, поэтому человеком же может быть изменен.

Правовое и политическое сознание дополняют и компенсируют друг друга. У древних греков доминировало политическое сознание, правовое сознание только начинало зарождаться. В Средние века недостаток правосознания компенсировался религиозным и нравственным сознанием. Как целостная форма общественного сознания правосознание возникло в Новое время. Именно в XVI–XVII вв. появились юридически свободные, самостоятельные личности, которые руководствовались не только политическим сознанием, т. е. сознанием долга и необходимостью подчиняться власти, но и отстаиванием своих прав. Из подданных люди становились гражданами. Они обладали информацией, знанием о своей свободе и ответственности, формировали убеждения [4, с. 499–500].

Общение людей все больше основывалось на языке права. В связи с этим важной функцией языка права является недопущение противоречий в законах. Поэтому право является писаным законом в отличие от такого неписаного закона, как нравственность.

Простой гражданин только в редких случаях вспоминает, что он может быть «истцом» или «ответчиком», «потерпевшим» или «свидетелем». Для того, чтобы вникнуть в суть общественных отношений, зафиксированных в праве, ему требуется «переводчик», например, адвокат.

В настоящее время обостряется проблема личностных прав (например, права на эвтаназию) как разновидности личных прав. Личные (гражданские) права и свободы призваны обеспечивать свободу и автономию индивида как члена гражданского общества, приоритет индивидуальных, внутренних ориентиров развития каждой личности. Государство признает свободу личности в определенной сфере отношений, которая отдана на усмотрение индивида и не может быть объектом притязаний государства.

В русской общественно-политической и философской мысли применительно к праву и правосознанию проявляется диалектическое противоречие в понимании соотношения абсолютного и относительного.

Наиболее реалистически данный вопрос рассматривал П.И. Новгородцев, утверждая, что право представляет собой способ выражения согласованных интересов государства и личности. Он подчеркивал, «насколько важно правильное сочетание понятий абсолютного и относительного в идее прогрессивного развития... Абсолютизм высшей цели вполне уживается с релятивизмом практических средств» [5, с. 100]. В России, — продолжает автор, — отношение к государству проявляется в его идеализации. Происходит отождествление законов с моралью или их противопоставление морали.

Для морали характерно то, что человек представляет собой не только продукт среды, но и продукт собственной деятельности.

Как отмечает в своих работах А.А. Гусейнов [6], мораль призвана обеспечить самостоятельность человека по отношению к его собственным влечениям, спонтанным реакциям и внешнему групповому и общественному давлению. Она оформляет произвол, организует и преобразует его в свободу. Не свобода, а возможность произвольности является условием морали. Свобода — условие морали лишь в том смысле, что вне рамок свободы нет смысла размышлять о морали. Но свобода — это выражение морали, поскольку свобода — это всегда свобода в морали. Соответственно, по своей сути мораль обращена лишь к тем, кто считает себя свободным.

Конечно, нельзя абсолютизировать цели. Надо видеть их источник — общественное бытие в его развитии, т. е. исторический процесс. Но подчеркнуть не только относительную самостоятельность, но и духовную автономию морального сознания в данном случае особенно важно.

Очевидно, следует различать генезис нравственного сознания, вплетенного в общественное бытие, и нравственное сознание (мораль), выделившееся в отдельную форму общественного сознания (мы вообще не затрагиваем рациональную этику, систему профессиональных дискурсов).

Как относительно самостоятельная форма общественного сознания мораль появляется в «осевую» эпоху вместе с появлением индивида, личности, для которой мир и общество становятся чем-то чуждым и опасным, поэтому отражаются в абстрактной форме морали. Нравственность поднимается на рациональный уровень суждения: «Чего себе не пожелаешь, того не делай и другим»; «Как ты хочешь, чтобы люди поступали по отношению к тебе, так и ты поступай по отношению к ним».

В европейской культуре стоицизм доводит образование морали как особой формы общественного сознания до конца. Но затем христианство как бы «поглощает» мораль, одновременно освящая ее. Поэтому Ф. Ницше и прав, и не прав одновременно, когда трактует мораль как сознание слабых, рабов. Идея «генеалогии морали» Ф. Ницше гениальна, но решение этой проблемы спорно: если мораль когда-то возникла, если она — ценность, то ее можно отменить, «переоценить ценности». Более логично предположить, что мораль выражает саму сущность человека, без которой он перестает быть современным человеком, т. е. личностью, руководствующейся разумом.

Список литературы:

1. Плеснер, Х. Ступени органического и человек / Х. Плеснер. — М.: РОСПЭН, 2004. — 368 с.
2. Гегель, Г.В.Ф. Система наук. Ч. 1: Феноменология духа // Соч. : в 36 т. Т. 4. — М.: Соцэкгиз, 1959. — 440 с.
3. Шебзухова, Т.А. Морально-правовые и политические аспекты свободы в контексте принципа детерминизма / Т.А. Шебзухова, Н.Г. Бондаренко // Право и политика. — 2011. — № 12. — С. 2013–2020.
4. Shebzukhova, T.A. Moral, legal and political aspects of freedom in the context of the principle of determinism / T.A. Shebzukhova, N.G. Bondarenko // Middle East Journal of Scientific Research. — 2013. — Т. 14, № 4. — P. 499–500.
5. Новгородцев, П.И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания / П.И. Новгородцев. — СПб.: Лань, 2000. — 352 с.
6. Гусейнов, А.А. Этика и мораль в современном мире // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. — 2001. — № 1. — С. 18–26.

References:

1. Plesner, X. Stupeni organicheskogo i chelovek / H. Plesner. — M.: ROSPJeN, 2004. — 368 s.
2. Gegel', G.V.F. Sistema nauk. Ch. 1: Fenomenologija duha // Soch. : v 36 t. T. 4. — M.: Socjkgiz, 1959. — 440 s.
3. Shebzuhova, T.A. Moral'no-pravovye i politicheskie aspekty svobody v kontekste principa determinizma / T.A. Shebzuhova, N.G. Bondarenko // Pravo i politika. — 2011. — № 12. — S. 2013–2020.
4. Shebzukhova, T.A. Moral, legal and political aspects of freedom in the context of the principle of determinism / T.A. Shebzukhova, N.G. Bondarenko // Middle East Journal of Scientific Research. — 2013. — Т. 14, № 4. — P. 499–500.
5. Novgorodcev, P.I. Vvedenie v filosofiju prava: Krizis sovremennogo pravosoznaniya / P.I. Novgorodcev. — SPb.: Lan', 2000. — 352 s.
6. Gusejnov, A.A. Jetika i moral' v sovremennom mire // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 7, Filosofija. — 2001. — № 1. — S. 18–26.

Ю.М. Гайдидей,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра специально-правовых дисциплин
Института сервиса, туризма
и дизайна Северо-Кавказского
федерального университета (филиал в г.
Пятигорске)

Н.Г. Донская,
кандидат философских наук, доцент,
кафедра специально-правовых дисциплин
Института сервиса, туризма и дизайна
Северо-Кавказского федерального
университета (филиал в г. Пятигорске)

А.Ф. Бунина,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра специально-правовых дисциплин,
Институт сервиса, туризма и дизайна
Северо-Кавказского федерального
университета (филиал в г. Пятигорске)

Ю.А. Титенко,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского права и процесса
Института сервиса, туризма и дизайна
Северо-Кавказского федерального
университета (филиал в г. Пятигорске)

Y.M. Gajdidej,
Candidate of Law, Associate Professor,
North-Caucasian Federal University
(Branch in Pyatigorsk)

kaf-spd@pfncfu.ru
N.G. Donskaja,
Candidate of Philosophy, Associate
Professor,
North-Caucasian Federal University
(Branch in Pyatigorsk)

kaf-spd@pfncfu.ru
A.F. Bunina,
Candidate of Law, Associate Professor,
North-Caucasian Federal University
(Branch in Pyatigorsk)

kaf-spd@pfncfu.ru
Y.A. Titenko,
Candidate of Law, Associate Professor,
North-Caucasian Federal University
(Branch in Pyatigorsk)

kaf-spd@pfncfu.ru

Повышение уровня судопроизводства через судебную-правовую культуру

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью роли судебной-правовой культуры, отражающей в совокупности различных аспектов — морально-этического, профессионально-этического, формально-юридического — определенный уровень качественного состояния судебной системы, включая правосознание и правовое поведение судей, работников аппаратов судов, арбитражных и присяжных заседателей, а также иных участников судебного процесса. Цель статьи — проанализировать влияние общего уровня культуры на судебную деятельность, а также формирование в этом контексте репутации отдельно взятого суда и всей судебной системы в целом. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и научно-правовых (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Авторы заключают, что лишь взаимосвязанное и взаимообусловленное развитие судебной-правовой культуры и правосознания в соотношении с развитием демократических государственных и общественных институтов делает возможной эффективную защиту прав, свобод и законных интересов, а также позволяет уверенно говорить о развитии правового государства. Рефлексия ценностей судебной-правовой культуры на уровне сознания каждого судьи, его индивидуальной правовой культуры является ключевым фактором результативности правовых реформ, а также создания надежного заслона против дестабилизирующего воздействия преступных сообществ. Авторы последовательно отстаивают позицию, в соответствии с которой одной из актуальных задач судебной-правовой культуры является создание обстановки нетерпимости к отступлению от требований законности и правопорядка. Лишь посредством отражения субъектами судебной деятельности развитого правосознания и судебной-правовой культуры, процесс формирования которых органично включен в общий процесс нравственно-правовой социализации, можно достичь устойчивого единства развития судебной-правовой культуры и правосознания.

Ключевые слова: судебная-правовая культура, судебная-процессуальная правовая культура, культура правосудия, культура судопроизводства, культура судебного процесса.

Improving justice through judicial and legal culture

***Abstract:** the relevance of the article is due to the importance of the role of the judicial legal culture, which reflects the combined various aspects — moral-ethical, professional ethics, formal-legal — a certain level of quality of the judicial system, including the legal awareness and legal conduct of judges, court workers, arbitration and jurors, as well as other participants in the judicial process. The purpose of this article is to analyze the impact of the General level of culture on judicial activity, as well as the formation of the image of the single Court of Justice and the judicial system as a whole. Implementation of the objectives were achieved with the help of general scientific (dialectic, analysis, synthesis) and private scientific methods (formal-legal, comparative law). The authors conclude that it is only through an interrelated and interconnected development of legal culture and awareness in relation to the development of democratic Government and public institutions make relevant to effective protection of the rights, freedoms and lawful interests, and be sure to talk about the development of the rule of law. Reflection values of judicial and legal culture on the level of consciousness of each judge's individual legal culture is a key factor in the impact of legal reforms, as well as creating a reliable barrier against the destabilizing effects of criminal organizations. The authors have consistently defended the position that one of the urgent tasks of the judicial and legal culture is to create an environment to retreat from the demands of law and order. Only by the reflection of subjects of judicial activities developed sense of Justice and the judicial process of the formation of legal culture, which are included in the overall process of moral and legal socialisation, you can achieve the sustainable development of the judicial and legal unity of culture and knowledge.*

***Keywords:** judicial and legal culture, legal and procedural legal culture, culture, justice, culture, culture of trial proceedings.*

Связь судебно-правовой культуры и судопроизводства бесспорна. При этом в научной литературе были предприняты попытки ее обозначения такими самостоятельными понятиями, как «судебно-процессуальная правовая культура» [1, с. 514], «культура правосудия», «культура судопроизводства», «культура судебного процесса» [2].

Судебно-правовая культура представляет собой определенный уровень качественного состояния судебной системы, правосознания и правового поведения судей, работников аппаратов судов, арбитражных и присяжных заседателей, а также лиц, участвующих в деле.

Влияние общего уровня культуры на судебную деятельность огромно, ибо только люди, обладающие высоким уровнем нравственных, моральных и духовных установок, достойны носить судейскую мантию. К тому же именно деятельность судей формирует имидж отдельно взятого суда и всей судебной системы в целом.

Структуру судебно-правовой культуры составляют: правопсихологические элементы — уважение к праву, проявляющееся в убежденности судьи в высокой нравственной ценности права, в том числе уважение к закону, к правам и интересам граждан, к своей профессии и должности; правоидеологические элементы — профессиональное знание права и его понимание; правоповеденческие элементы — правовая активность, основанная на убежденности судьи в справедливости и законности его судебных актов и надлежащего поведения в служебной и во внеслужебной деятельности.

Б.С. Эбзеев подчеркивает: «Основные права и свободы, закрепленные в Конституции, налагают на государство не только пассивную обязанность воздержания от вмешательства в границы свободы личности, но и активную (позитивную) обязанность, выражающуюся в законодательной, управленчес-

---

кой и судебной деятельности, направленной на содействие в практическом осуществлении индивидом принадлежащих ему прав и свобод» [3, с. 114].

Одна из задач судебно-правовой культуры состоит в создании обстановки нетерпимости к отступлению от требований законности и правопорядка, надлежащей оценке конкретных действий субъектов. Без судей, являющихся носителями развитого правосознания и судебно-правовой культуры, процесс формирования которых органично включен в общий процесс нравственно-правовой социализации, не может быть и речи об эффективной защите прав и свобод граждан страны. Можно уверенно утверждать, что лишь единство развития судебно-правовой культуры и правосознания, с одной стороны, и становления демократических государственных и общественных институтов — с другой, делает возможной эффективную защиту прав, свобод и законных интересов, а также позволяет говорить о развитии правового государства. И только будучи закрепленными на уровне сознания каждого судьи, его судебно-правовой культуры, результаты правовых реформ станут необратимыми, и будет создан надежный заслон против дестабилизирующего воздействия преступных сообществ, а также против «рецидивов» тоталитарного мышления.

Вопрос повышения уровня судебно-правовой культуры касается не только судей, но и работников аппарата суда и лиц, участвующих в деле. Работники судебного аппарата обеспечивают деятельность судей на профессиональной основе, являются структурными элементами судебной системы и также вносят свой вклад в обеспечение надлежащего уровня судебно-правовой культуры. Каждый судья и все, кто имеет отношение к работе судебного ведомства (работники аппарата суда, сотрудники судебного департамента), должны осознавать великую миссию суда в человеческом сообществе, поддерживать авторитет суда и государства в целом.

Если уровень культуры определяет успех модернизации Российского государства и общества в целом, то степень развитости судебно-правовой культуры обуславливает результат судебной реформы.

Кроме того, не надо забывать, что в основе любой реформы, в том числе и судебной, лежит прежде всего человеческий фактор. В связи с этим именно личностные качества судьи во многом определяют уровень доверия граждан к правосудию.

С вопросами судебно-правовой культуры тесно связана проблема вынесения заведомо неправосудного судебного акта. Например, Верховный Суд РФ вынес неожиданно жесткий приговор бывшему мировому судье из Волгограда В. Глейкину, приговорив экс-судью к восьми годам кол с половиной онии строгого режима. В числе статей, по которым обвинялся В. Глейкин, была очень неприятная для судьи — «вынесение судьей заведомо неправосудных решений» [4]. Более того, существуют примеры, когда наказанию подвергаются не отдельно провинившиеся судьи, а весь состав суда. Так, проведенная председателем Мосгорсуда проверка Савеловского районного суда показала, что в этом суде массово и постоянно нарушался закон. По делам, по которым решался вопрос о праве собственности на квартиры в новостройках, досудебная подготовка и судебные заседания назначались на

один и тот же день в одно и то же время. В материалах некоторых гражданских дел отсутствовали документы, подтверждающие полномочия представителей, а также квитанции об оплате государственной пошлины. В протоколах судебных заседаний имелись несоответствия персональных данных участников процесса, указанных в решении суда. Вместе с тем, когда в протоколах заседания указывалось, что лицо, участвующее в деле, не явилось в процесс, в мотивировочной части решения отражалось его мнение и позиция по предъявленным иском требованиям. Согласно протоколам судебных заседаний по гражданским делам в одном заседании рассматривалось несколько дел, что нарушает принцип непрерывности судебного разбирательства [5]. К сожалению, это далеко не все примеры [6–12].

Наличие таких ситуаций свидетельствует о недостаточном уровне судебно-правовой культуры, в результате чего судьи пренебрегают интересами правосудия, чем умаляют авторитет судебной власти, подрывая доверие общества к судейской профессии. Следует согласиться с мнением В. Пастухова о том, что «основные проблемы российского правосудия не в его “коррупционности” и “зависимости” от власти, а в развивающемся, как раковая опухоль, правовом нигилизме и резком снижении профессионального уровня подготовки судей» [13, с. 120].

Правовоспитательная деятельность в первую очередь призвана содействовать формированию духовного фундамента в сознании людей, который предопределил бы неукоснительное соблюдение правовых норм, обеспечил бы основу сознательной реализации права. Это требует рационально организованной и четко направленной работы по созданию правовых стереотипов и установок, основывающихся, прежде всего, на прочных правовых знаниях, убежденности в необходимости и ценности права, стремлении реализовывать принцип правовой справедливости.

Из вышеизложенного следует, что не все судьи обладают должным уровнем судебно-правовой культуры, следовательно, работу государства в этом направлении нельзя считать завершенной, скорее наоборот — необходимо сконцентрировать на нем максимум усилий.

Желаемый уровень судебно-правовой культуры может быть достигнут только в результате осознанного принятия новой системы ценностей населением, заинтересованным в том, чтобы поддерживать демократические правовые стандарты, обеспечивать гуманистические правила общежития и собственную судебно-правовую защиту.

Список литературы:

1. Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2010. Т. 3 : Государство, право, общество / В.В. Борисов, Н.В. Витрук, Н.Л. Гранат и др.; отв. ред. М.Н. Марченко. — 700 с.
2. Матеров, Н.В. Культура судопроизводства в России должна быть на высоком уровне // Российское право. — 2007. — № 4. — С. 14–16.
3. Эбзеев, Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б.С. Эбзеев. — М., 2007. — 384 с.
4. Козлова, Н. Судью приговорили // Российская газета. — 2010. — 1 июня.
5. Егоров, И. В суд — через посредников // Российская газета. — 2010. — 12 нояб.

-
6. Шепелева, А. Ускоренное правосудие // Российская газета. — 2010. — 9 февр.
  7. Шепелева, А. Обманул себя. Мировой судья получил срок за заведомо неправосудное решение // Российская газета. — 2010. — 2 марта.
  8. Куликов, В. Приговор под копирку // Российская газета. — 2010. — 4 марта.
  9. Федосенко, В. Преступление в мантии // Российская газета. — 2010. — 9 марта.
  10. Федосенко, В. Арестанта — на волю, судью — в отставку — право // Российская газета. — 2010. — 14 апр.
  11. Полетаев, В. Суд и дело военного судьи // Российская газета. — 2010. — 6 авг.
  12. Боева, М. Прикоснулись к мантии. Ставропольский судья сам стал фигурантом уголовного дела // Российская газета. — 2010. — 27 авг.
  13. Пастухов, В. Российское правосудие: «отделение от власти» // Сравнительное конституционное обозрение. — 2004. — № 4. — С. 119–123.

References:

1. Obshhaja teorija gosudarstva i prava: akademicheskij kurs : v 3 t. — 3-e izd., pererab. i dop. — М.: Norma, 2010. Т. 3: Gosudarstvo, pravo, obshhestvo / V.V. Borisov, N.V. Vitruk, N.L. Granat i dr.; otv. red. M.N. Marchenko. — 700 s.
2. Materov, N.V. Kul'tura sudoproizvodstva v Rossii dolzhna byt' na vysokom urovne // Rossijskoe pravo. — 2007. — № 4. — С. 14–16.
3. Jebzeev, B.S. Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaja otvetstvennost' i konstitucionnye objazannosti / B.S. Jebzeev. — М., 2007. — 384 s.
4. Kozlova, N. Sud'ju prigovorili // Rossijskaja gazeta. — 2010. — 1 ijunja.
5. Egorov, I. V sud — cherez posrednikov // Rossijskaja gazeta. — 2010. — 12 nojab.
6. Shepeleva, A. Uskorennoe pravosudie // Rossijskaja gazeta. — 2010. — 9 fevr.
7. Shepeleva, A. Obmanul sebja. Mirovoj sud'ja poluchil srok za zavedomo nepravosudnoe reshenie // Rossijskaja gazeta. — 2010. — 2 marta.
8. Kulikov, V. Prigovor pod kopirku // Rossijskaja gazeta. — 2010. — 4 marta.
9. Fedosenko, V. Prestuplenie v mantii // Rossijskaja gazeta. — 2010. — 9 marta.
10. Fedosenko, V. Arestanta — na volju, sud'ju — v otstavku — pravo // Rossijskaja gazeta. — 2010. — 14 apr.
11. Poletaev, V. Sud i delo voennogo sud'i // Rossijskaja gazeta. — 2010. — 6 avg.
12. Boeva, M. Prikosnulis' k mantii. Stavropol'skij sud'ja sam stal figurantom ugovolnogo dela // Rossijskaja gazeta. — 2010. — 27 avg.
13. Pastuhov, V. Rossijskoe pravosudie: «otdelenie ot vlasti» // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. — 2004. — № 4. — С. 119–123.

Р.А. Осипов,
аспирант кафедры теории государства
и права Саратовской государственной
юридической академии

R.A. Osipov,
Post-graduate student,
Saratov State Law Academy
magistr_sar@mail.ru

Роль правовой информированности в формировании и развитии правосознания личности

***Аннотация:** статья посвящена исследованию такой важной в условиях современных российских реалий категории, как правовая информированность, и ее воздействия на формирование и развитие правосознания личности. Правосознание образуется посредством особого процесса — правовой социализации, в результате которого происходит формирование знаний, убеждений и мотивов правомерного поведения, т. е. поведения, соответствующего интересам общества и государства. Описывается различие влияния официальной и неофициальной правовой информации на правовую социализацию и правосознание личности. Анализируется соотношение категорий «правовое информирование» и «правовое воспитание», которые рассматриваются как две стороны одного и того же процесса, направленного на повышение уровня правосознания личности и общества в целом. Автор делает вывод, что правовая информированность высокого уровня выступает естественным препятствием для развития деформаций правосознания.*

***Ключевые слова:** правовая информированность, правосознание, правовое информирование, правовое воспитание, правовая социализация, официальная и неофициальная правовая информация.*

Role of legal knowledge in the forming and development of legal awareness of a personality

***Abstract:** the article is devoted to the searching of such important category in the condition of modern Russian reality as legal knowledge and its influence of the forming and development of legal awareness of a personality. Legal awareness is being formed through special process — legal socialization, in the result of which legal information, views and motives of lawful behavior corresponded to interests of society and state are generated. The difference of influence of official and unofficial legal information on legal socialization and legal awareness is described. The correlation of the categories «legal informing» and «legal upbringing» considered as two sides of the one and the same process directed to the improving of the level of legal awareness of a personality and society as a whole is analyzed. Besides the author came to the conclusion that the legal knowledge of the high level is the natural obstacle to the development of deformations of legal awareness.*

***Keywords:** legal knowledge, legal awareness, legal informing, legal upbringing, legal socialization, official and unofficial legal information.*

Рассматривая категории «правосознание» и «правовая информированность», мы неизбежно приходим к выводу об их тесной взаимосвязи. Бесспорно, что информационные средства современных коммуникаций оказывают огромное воздействие на уровень правосознания как отдельной личности, так и общества в целом [1, с. 72]. Об этом говорит и Л.В. Бутько, подчеркивая, что все, что происходит в информационном пространстве, объединяющем различные информационные потоки, влияет и на состояние правосознания [2, с. 43–46].

Основы правосознания закладываются в процессе правовой социализации личности. Под социализацией в общем плане подразумевается процесс развития

индивида во взаимодействии с окружающим миром, целью которого выступает его превращение в полноценного члена общества [3, с. 3–4]. Что касается правовой социализации, то, исходя из данной трактовки, ее можно определить как процесс формирования знаний, убеждений и мотивов правомерного поведения, т. е. поведения, соответствующего интересам общества и государства.

Правовая социализация — процесс непрерывный. Он осуществляется при участии ряда субъектов, которые меняются в зависимости от того или иного этапа развития личности. Начальные знания, позволяющие «запустить» процесс социализации, а следовательно, и формирование зачатков правосознания, человек получает в семье. Далее в процесс социализации включаются школа, досуговые учреждения, друзья и знакомые. И сегодня уже на начальном этапе становления личности огромное влияние на психику ребенка оказывают средства массовой информации (прежде всего, Интернет и телевидение).

Все вышеперечисленное отражает воздействие неофициальной правовой информации на сознание индивида, посредством чего происходит его начальная и последующая правовая социализация. Однако это вовсе не означает, что официальная правовая информация исключена из процесса правовой социализации личности. Нормы права, выступающие, как мы знаем, основным источником официальной правовой информации, также играют определенную роль в формировании правосознания человека. Помимо этого, влияние на него оказывает и официальная правовая информация, содержащаяся в юридической практике, однако в большей степени это относится к профессиональному правосознанию.

При этом следует различать характер и степень влияния официальной и неофициальной правовой информации на сознание личности. Известно, что информация воспринимается и запоминается существенно лучше, если она сопряжена с определенными эмоциями (как положительными, так и отрицательными). С этой позиции, значение официальной правовой информации в процессе формирования правосознания довольно «скромно». Сама по себе она не несет никакого эмоционального «заряда», отражает факты «в чистом виде», поэтому воспринимается такой, какая она есть. Активность индивида в ее поиске и качество усвоения напрямую связаны с его интересами. Иначе говоря, среднестатистический человек обращается к тому или иному правовому акту (нормативному или ненормативному) только в случае его непосредственной (либо вероятной в будущем) связи с конкретной жизненной ситуацией. Вся же остальная официальная правовая информация «проходит мимо», даже в случае, если по формальным признакам она доведена до индивида.

Неофициальная правовая информация, напротив, редко бывает нейтральной. Она практически всегда эмоционально окрашена (причем негативно гораздо чаще, чем позитивно), а значит, возможности оперирования ею в целях воздействия на сознание граждан куда более широки. Так, сейчас ни один человек не мыслит своей жизни без средств массмедиа. Однако, как отмечает А.В. Железняк, такая привязанность имеет как положительную (возможность оперативного и непрерывного получения новой информации), так и отрицательную (опасность информационного давления на население, манипулирования общественным мнением) стороны [4, с. 39–42].

При этом потенциал положительного влияния СМИ на правосознание российских граждан, прежде всего, молодежи, огромен, поскольку для человека (а для подростка — особенно) телевидение и Интернет являются источниками целенаправленного получения информации. Для реализации данного потенциала их деятельность должна быть подчинена не задаче повышения рейтинга любой ценой, а приоритету доведения до граждан достоверной, полной и своевременной правовой информации — актуальных сведений о юридически закреплённых правилах поведения и о неблагоприятных последствиях, которые могут наступить вследствие их нарушения.

Таким образом, правосознание возникает и далее развивается в том или ином направлении в ходе правовой социализации, которая детерминируется и поддерживается благодаря поступлению к индивиду правовой информации во всем многообразии ее форм и видов. При этом важно осознавать, что зарождение и все дальнейшие трансформации правосознания личности подвержены воздействию как объективных, так и субъективных факторов. Другими словами, правосознание может формироваться как целенаправленно, так и стихийно. Однако, как указывает М.Д. Чеснокова, то, что выглядит стихийно, нередко оказывается осознанным, целенаправленным воздействием через различные каналы [5, с. 80]. И роль правового информирования заключается как раз в упорядочении, «концептуализации» данного процесса, т. е. подчинении его определенным рамкам и условиям, направлении в «правильном» русле, соответствующем общественным интересам.

Необходимость концептуального подхода к повышению качественного уровня правосознания личности отмечается не только в научных кругах, но и на государственном уровне, о чем свидетельствуют утвержденные Президентом РФ в 2011 г. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [6]. Распространение и использование доступных для восприятия информационных материалов, формирующих правовую грамотность, в печатном, электронном, аудиовизуальном и ином виде, а также с помощью средств массовой информации рассматривается в данном документе в качестве одного из основных факторов, способствующих формированию правовой культуры и позитивного типа правосознания. Тем самым официально признается связь между должным образом организованным правовым информированием и высоким уровнем правосознания населения.

Анализ данного документа позволяет сделать вывод, что законодатель рассматривает проблему повышения уровня правосознания сквозь призму такого процесса, как правовое воспитание. В этом с ним солидарны и ученые, подчеркивающие, что формирование и развитие правосознания личности и социальных групп происходит под воздействием совокупности социальных факторов и целенаправленной идеологической, воспитательной деятельности компетентных субъектов [7, с. 33]. Возникает вопрос понимания правового воспитания, от которого зависит соотношение его роли и роли правового информирования в решении задачи повышения уровня правосознания отдельной личности и общества в целом.

Мы придерживаемся широкой трактовки понятий правового воспитания и правового информирования, что позволяет характеризовать их как две стороны единого по своей направленности процесса, естественно, с соот-

---

ветствующими акцентами. В процессе правового воспитания складывается база и повышается уровень правовой информированности населения, а правовое информирование способствует формированию воспитанных в юридическом плане граждан. Подлинное правовое воспитание, как утверждает Г.Ш. Хамитова, должно быть направлено на то, чтобы правовая информация, полученная в процессе обучения, закладывала основы устойчивой привычки правомерного поведения в любых условиях [8, с. 48].

При этом оба процесса влияют на то, высокий или низкий уровень правового сознания в итоге мы имеем в обществе. Если в отношении правового воспитания данное утверждение вопросов не вызывает, поскольку правосознание выступает непосредственным объектом его воздействия, то применительно к правовому информированию, это, возможно, не столь очевидно. Тем не менее, опосредованно, создавая качественную базу знаний содержания норм права, целей их принятия, социального назначения и способов реализации, правовое информирование формирует основы правосознания и способствует его развитию в правильном направлении.

Таким образом, правовая информированность образует необходимую базу своевременной, планомерной правовой социализации личности, в результате чего происходит формирование ее правосознания, ядром которого выступает строгая установка на законопослушное поведение, поддерживаемая и развиваемая посредством организации в обществе качественной и эффективной системы правового воспитания.

Кроме того, правовая информированность должного, высокого уровня является естественным препятствием развития деформаций правосознания, в качестве которых выступают правовой инфантилизм, правовой негативизм, правовой эгоцентризм, правовой идеализм и, наконец, наиболее распространенный в современной российской действительности правовой нигилизм. Полная и достоверная информация о содержании нормативных правовых актов, целях их принятия, предмете и пределах действия, практике реализации и последствиях нарушения юридических предписаний, своевременно доведенная до адресатов, способствует формированию адекватного отношения личности к праву как к социальному регулятору и демократической ценности, исключаящему как отрицание значимости, так и переоценку его возможностей, а также утилитарные намерения по его использованию.

Список литературы:

1. Шевченко, И.В. Правовая социализация и правосознание молодежи // Общество и право. — 2011. — № 2. — С. 69–72.
2. Бутько, Л.В. Информационное значение права и правовой реальности в контексте их воздействия на правосознание // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2012. — № 5. — С. 43–46.
3. Мудрик, А.В. Социализация человека / А.В. Мудрик. — М.: Академия, 2006. — 304 с.
4. Железняк, А.В. Механизмы влияния на политическую психологию и правосознание людей через СМИ // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2014. — № 2. — С. 39–42.
5. Чеснокова, М.Д. Влияние на правосознание населения социальных результатов действия закона (на примере Федерального закона «О противодействии коррупции») // Журнал российского права. — 2013. — № 8. — С. 79–89.

6. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом РФ 4 мая 2011 г. // Российская газета. — 2011. — 14 июля.

7. Симоненко, А.В. Криминологические проблемы воспитания и его роль в предупреждении преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Симоненко. — М., 2005. — 43 с.

8. Хамитова, Г.Ш. Взаимосвязь правового образования молодых граждан и распространения правового нигилизма в молодежной среде // *Фундаментальные исследования*. — 2007. — № 4. — С. 47–48.

References:

1. Shevchenko, I.V. Pravovaja socializacija i pravosoznanie molodezhi // *Obshhestvo i pravo*. — 2011. — № 2. — S. 69–72.

2. But'ko, L.V. Informacionnoe znachenie prava i pravovoj real'nosti v kontekste ih vozdejstvija na pravosoznanie // *Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. — 2012. — № 5. — S. 43–46.

3. Mudrik, A.V. Socializacija cheloveka / A.V. Mudrik. — М.: Akademija, 2006. — 304 s.

4. Zheleznjak, A.V. Mehanizmy vlijanija na politicheskiju psihologiju i pravosoznanie ljudej cherez SMI // *Nacional'naja bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*. — 2014. — № 2. — S. 39–42.

5. Chesnokova, M.D. Vlijanie na pravosoznanie naselenija social'nyh rezul'tatov dejstvija zakona (na primere Federal'nogo zakona «O protivodejstvii korrupcii») // *Zhurnal rossijskogo prava*. — 2013. — № 8. — S. 79–89.

6. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitija pravovoj gramotnosti i pravosoznanija grazhdan : utv. Prezidentom RF 4 maja 2011 g. // *Rossijskaja gazeta*. — 2011. — 14 ijulja.

7. Simonenko, A.V. Kriminologicheskie problemy vospitanija i ego rol' v preduprezhdenii prestuplenij : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / A.V. Simonenko. — М., 2005. — 43 s.

8. Hamitova, G.Sh. Vzaimosvjaz' pravovogo obrazovanija molodyh grazhdan i rasprostraneniya pravovogo nigilizma v molodezhnoj srede // *Fundamental'nye issledovanija*. — 2007. — № 4. — S. 47–48.

Д.Ю. Тарасов,
аспирант

*кафедры теории государства и права
Уральского государственного
юридического университета*

D.Y. Tarasov,
*Post-graduate student,
Ural State Law University*
tarasovDenis@mail.ru

Проблема оценки эффективности норм права, регулирующих экономические отношения: возможные варианты

Аннотация: в статье анализируются традиционные и новые для отечественной юридической науки подходы к проблеме эффективности норм права, регулирующих экономические отношения. Российской юридической наукой проблема эффективности норм права окончательно не решена. Движению вперед в этом направлении будет способствовать выработка консенсуса о критериях и показателях эффективности норм права. Автор исходит из того, что оценка эффективности правовых норм возможна в отношении правовых предписаний регулятивного вида. Показателями экономической эффективности норм права признаются такие виды количественной информации, которые способны демонстрировать результативный сдвиг (или отсутствие такового) в правовой

урегулированности экономических отношений. Набор показателей, характеризующих достижение целей отдельных правовых норм, должен определяться решением экспертного сообщества юристов. В статье утверждается, что эффективность правовой нормы, регуливающей экономические отношения, прямо пропорциональна социальной ценности предмета, регулируемого нормой права. Высказывается рекомендация повышать удельный вес (долю) регулятивных правовых норм прямого действия в общем массиве российского законодательства.

Ключевые слова: норма права, эффективность, критерии и показатели эффективности, экономические отношения.

The problem of evaluating the effectiveness of the rule of law, regulating economic relations: the options

Abstract: the traditional and recent approaches to the economic relations regulatory legal norms virtue problem in the native legal science are analyzing in the article. The author consider the legal norms virtue to be unsettled in Russian legal science. The framing of the consensus about the legal norms criteria and indices will be conducive to the move onward. The author recognize the legal norms' performance evaluation to be probable in point of the regulative enactment. Such kinds of quantitative data as ones capable to demonstrate the efficacious improvement (or its lack) in the economic relations legal regulation are the legal norms performance evaluation. The lawyers' examine body must define the set of controls specifying the separate norms goal attainment. The author states the economic relations regulating legal norm effectiveness to be in direct ratio the social value of this norm's subject for regulation. The author utters the opinion that it's necessary to gain the direct action legal norms relative density (allotment) in the general legislation corpus.

Keywords: the rule of law, efficiency, effectiveness criteria and indicators, economic relations.

Российская юридическая наука постоянно обращается к проблеме эффективности норм права. Однако сказать, что все аспекты этого научного поля осмыслены и исследованы исчерпывающим образом, было бы преувеличением. Остается ряд «узких» мест, которые нуждаются в дальнейшем осмыслении и обсуждении. Так, мало изучена проблема критериев эффективности правовых норм, регулирующих экономические отношения. Ее важность обусловлена тем, что действенность правового регулирования экономических отношений должна постоянно, всесторонне и объективно оцениваться государством и институтами гражданского общества. Особенно это актуально в переживаемый российским обществом период экономической рецессии. Право может внести свою лепту в дело выхода из этого кризисного состояния отечественной экономики.

Очевидно, что реальные сложившиеся правовые отношения могут сигнализировать об эффективности норм права либо отсутствию таковой. В последнем случае требуется активная корректировка правовых средств со стороны государства путем внесения изменений в содержание правового регулирования. В реальности для оценки правового воздействия требуется решение проблемы, которая может быть сформулирована следующим образом: каковы объективные показатели (критерии) эффективности правовых норм, регулирующих экономику?

Поиску ответов на этот вопрос посвящена настоящая статья.

Прежде всего, отметим, что в поле нашего зрения попадают такие правовые предписания, которые устанавливают цели, средства правового регулирования, направленные на упорядочение экономических отношений.

Следовательно, из множества видов норм мы исключаем подмножества дефинитивных, коллизионных, декларативных и оперативных норм. Очевидно, что критерии и показатели эффективности специализированных юридических норм должны быть иными, чем те, о которых речь пойдет ниже.

Понятия «экономическая эффективность» и «юридическая эффективность» не тождественны. Под эффективностью в экономике понимают ситуацию, в соответствии с которой «общество получает максимум возможных благ от использования своих ограниченных ресурсов» [1, с. 68]. Под эффективностью в праве понимают отношение между фактически достигнутым, действительным результатом и той социальной целью, для достижения которой были приняты соответствующие правовые нормы. Ниже пойдет речь не о собственно экономической эффективности, а о достижении таковой с помощью норм права, регулирующих эти отношения.

Общий принцип регламентации сферы производства материальных благ сформулирован Р. Познером, который утверждает, что эффективность закона, регулирующего экономические отношения, проявляется тогда, когда законодательство не диктует фактические действия участников той или иной коллизии, а лишь фиксирует подкрепленные законом права участников, оставляя им возможность искать договоренности на основе признания этих прав. Все это, вместе взятое, обеспечивает экономический рост и социальную справедливость, т. е. максимизирует состояние общества» [2, с. 75]. На основе этого суждения можно вывести «главную формулу» эффективного правового регулирования экономики: гарантии экономической свободы + свобода договоров + результативная правовая регламентация = эффективная экономика.

Анализ научных подходов, преобладающих в отечественной юриспруденции, позволяет прийти к выводу о том, что эффективность в настоящее время «по существу сводится к технологии реализации цели закона (причем только к юридическим аспектам этой технологии — комплексу "мероприятий" правоприменительных и правоохранительных органов), даже без постановки вопроса об оценке соответствующей нормы права» [3, с. 179].

Экономическую эффективность правовых норм невозможно оценить без специальных показателей. Однако вопрос о показателях экономической эффективности норм права требует прояснения методологических аспектов проблемы.

Прежде всего, любой показатель по своей познавательной сущности дает возможность убедиться в чем-либо, оценить, сделать заключение о качественном состоянии какого-либо объекта. Применение показателей в праве помогает составить представление о трендах реальной социальной и правовой действительности. Это связано с тем, что показатели, в отличие, к примеру, от признаков какого-либо процесса (явления), концентрированно и количественно выражают сущность правовых и социальных объектов. Поэтому показателями экономической эффективности норм права будем признавать такие виды количественной информации, которые способны демонстрировать результативный сдвиг (или отсутствие такового) в правовой урегулированности экономических отношений.

Как известно, в экономике ключевым показателем является соотношение результата и издержек (затрат) на его получение. С.А. Курочкин осуществил анализ теоретических подходов, в основе которых эффективность системы

правовых норм рассматривается «как свойство правового средства, определяющееся сопоставлением достигнутого результата воздействия и затрат на его получение» [4, с. 30].

Т.Я. Хабриева полагает, что «основным принципом оценки эффективности правовой нормы является не столько социальный эффект данной нормы, сколько удовлетворение частного интереса, присутствующего в правовых формах, используемых для достижения социальной цели» [5, с. 22]. Автор также утверждает, что «нормативно-правовой акт соответствует критерию полезности, если он улучшает положение хотя бы одного субъекта частного права» [5, с. 22]. С таким подходом автора трудно согласиться, поскольку частный интерес не является определяющим в правовой норме.

Важным тезисом, раскрывающим суть авторской позиции, выступает утверждение, согласно которому эффективность правовой нормы, регулирующей экономические отношения, прямо пропорциональна социальной ценности предмета, регулируемого нормой права. Например, наибольшая ценность гражданско-правовых норм — регулируемая ими свобода хозяйственной деятельности, свобода предпринимательства, порядок в имущественно-стоимостных отношениях. Этому предмету посвящены некоторые нормы Гражданского кодекса РФ, в частности, ст. 1, 2, 8–10, 18, 23, 49, 67 и др. Оценивая эффективность этих норм, можно заключить, что именно они наиболее действенны, наиболее эффективны, ибо имущественные отношения на 95 % носят урегулированный характер, а правовые ограничения свободы предпринимательства в России весьма локальны.

Рассмотрим применимость отдельных критериев экономической эффективности к нормам Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [6]. Выбор этого закона обусловлен тем, что в настоящее время, в связи с развитием кризисных явлений в экономике России в конце 2014 г. и в начале 2015 г., произошло падение количества туристов, выезжающих за рубеж. Согласно данным Ростуризма, в целом по стране количество выезжающих за границу снизилось на 30 % [7]. В этих условиях значение законодательных норм о туризме возрастает, поскольку на право возлагаются надежды как на одно из средств, обеспечивающих преодоление застойных явлений в этой сфере хозяйственной деятельности.

Общее правило оценки эффективности норм права может быть сформулировано следующим образом: «оценивается достижение запланированной законодателем в норме права цели путем сопоставления фактически достигнутых значений целевых показателей с их плановыми значениями». В ст. 4 упомянутого Закона сказано, что основными целями государственного регулирования туристской деятельности являются, в частности, развитие туристской индустрии, обеспечивающей потребности граждан при совершении путешествий (1-я цель), создание новых рабочих мест (2-я цель), увеличение доходов государства (3-я цель). При такой юридически безупречной формулировке целей законодателя осуществить оценку эффективности предписаний (норм), содержащихся в ст. 4 указанного Закона, вполне реально. Для этого следует использовать следующую формулу:

$$\Theta_n = \frac{\Phi_{fn}}{\Pi_{Nn}} \times 100 \%,$$

где: $\mathcal{E}_n$ — эффективность отдельной задачи (цели), выраженная n -м показателем, характеризующим решение этой задачи; n — номер показателя, характеризующего достижение этой цели;

Φ_{fn} — фактическое значение показателя, характеризующего достижение цели, достигнутое за отчетный год;

Π_{Nn} цели — плановое значение n -го показателя, характеризующего решение задачи, планируемое в соответствующем году.

Для оценки экономической эффективности данной нормы следует провести расчет достижения каждой из названных целей по отдельным показателям.

Так, для первой цели (развитие туристской индустрии, обеспечивающей потребности граждан при совершении путешествий) показателем может выступать количественный рост туристических маршрутов; для второй цели (создание новых рабочих мест) — динамика занятости в туристической отрасли; для третьей цели (увеличение доходов государства) — доходы государства в виде налогов с предпринимательской деятельности в туристической сфере.

Думается, что набор показателей, характеризующих достижение целей отдельных правовых норм, должен определяться решением экспертного сообщества юристов.

Итак, можно сделать несколько предварительных умозаключений методологического характера.

Во-первых, оценка социально-экономической эффективности норм закона может производиться по количественным и качественным показателям финансовой, экономической и социальной эффективности.

Во-вторых, становится очевидным, что не все правовые нормы могут быть оценены с точки зрения их вклада в развитие экономики, через показатели произведенных затрат, достигнутых целей и полученного экономического результата. По нашим данным, около 70 % нормативно-правового массива, составляющего действующее российское законодательство, объективно не может быть оценено с точки зрения эффективности в рамках трехчленной структуры: затраты — цели — эффективность, ибо речь идет о большом числе специализированных норм. Эффективность этого вида норм права должна оцениваться с помощью иной методологии, разработка которой — пока еще дело будущего.

Наконец, в-третьих, изложенные выше данные позволяют высказать рекомендацию законодателю относительно повышения удельного веса (доли) регулятивных правовых норм в общем массиве российского законодательства.

В связи со сказанным, перспективным представляется не только анализ эффективности отдельных норм права, но и мониторинг правовых актов в целом, который представляет собой оценку последствий действующих нормативных актов.

Предложенные современной юридической наукой индикаторы правового мониторинга вполне репрезентативны и надежны. К ним относят, в частности, достижение формально-юридических целей, обеспечение един-

---

ства практики применения нормативного акта, обеспечение соответствия практики применения нормативных актов принципу системности права, оценку соответствия последствий нормативного регулирования его целям, декларируемым при принятии правового предписания, и др.

Следует подчеркнуть, что мониторинг — это мощное средство анализа результата действия или бездействия правовых норм. Для того, чтобы этот результат был очевидным, необходима правовая экспертиза норм права, регламентирующих экономику, т. к. они фрагментарны и в большей степени представляют собой, по определению А.В. Малько и Я.В. Гайворонской, «лоскутное правотворчество» [8, с. 22]. Разработка методики такого мониторинга — актуальная задача ближайшего будущего юридической науки.

Список литературы:

1. Ершов, В.В. Экономическое право и экономическая теория / В.В. Ершов, Е.М. Ашмарина, В.Н. Корнев // Государство и право. — 2015. — № 1. — С. 5–16.
2. Алпатов, А.А. О соотношении права и экономики // Государство и право. — 2012. — № 1. — С. 67–76.
3. Правовые акты: оценка последствий : науч.-практ. пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. — М.: ИД «Юриспруденция». 2010. — 224 с.
4. Курочкин, С.А. Об эффективности норм гражданского процессуального права // Журнал российского права. — 2012. — № 4. — С. 24–32.
5. Хабриева, Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. — 2010. — № 12. — С. 5–26.
6. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (в ред. от 3 мая 2012 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 49, ст. 5491.
7. Фалиев М. Езжай, если можешь // Российская газета. — 2015. — 12 февр.
8. Малько, А.В. Теория правовых актов: необходимость и пути создания / А.В. Малько, Я.В. Гайворонская // Государство и право. — 2012. — № 2. — С. 15–24.

References:

1. Ershov, V.V. Jekonomicheskoe pravo i jekonomicheskaja teorija / V.V. Ershov, E.M. Ashmarina, V.N. Kornev // Gosudarstvo i pravo. — 2015. — № 1. — S. 5–16.
2. Alpatov, A.A. O sootnoshenii prava i jekonomiki // Gosudarstvo i pravo. — 2012. — № 1. — S. 67–76.
3. Pravovye akty: ocenka posledstvij : nauch.-prakt. posobie / отв. red. Ju.A. Tihomirov. — M.: ID «Jurisprudencija». — 2010. — 224 s.
4. Kurochkin, S.A. Ob jeffektivnosti norm grazhdanskogo processual'nogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. — 2012. — № 4. — S. 24–32.
5. Habrieva, T.Ja. Jekonomiko-pravovoj analiz: metodologicheskij podhod // Zhurnal rossijskogo prava. — 2010. — № 12. — S. 5–26.
6. Ob osnovah turistskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon RF ot 24 nojabrja 1996 g. № 132-FZ (v red. ot 3 maja 2012 g.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1996. — № 49, st. 5491.
7. Faliev M. Ezjay, esli mogesh // Rossijskaja gazeta. — 2015. — 12 fevr.
8. Mal'ko, A.V. Teorija pravovyh aktov: neobhodimost' i puti sozdanija / A.V. Mal'ko, Ja.V. Gajvoronskaja // Gosudarstvo i pravo. — 2012. — № 2. — S. 15–24.

Д.И. Провалинский,
аспирант
кафедры теории и истории государства
и права
Красноярского государственного
аграрного университета

D.I. Provalinsky,
Post-graduate student,
Krasnoyarsk State Agricultural University
dmi38288850@yandex.ru

Гранты как форма проявления правовых стимулов

Аннотация: актуальность статьи обусловлена тем, что гранты являются не до конца изученным правовым явлением, потенциал которого в современной правостимулирующей политике Российского государства используется недостаточно широко. Цель статьи — на основании анализа предпосылок и истории появления данного правового явления в российской правовой системе определить признаки грантовой поддержки и особенности, отличающие ее от иных правостимулирующих средств. Автор делает выводы о том, что предоставление грантовой поддержки является взаимовыгодным как для государства, так и для других участников общественных отношений, важным и действенным стимулом в развитии научных исследований и разработок, инновационной деятельности, реализации общественными объединениями отдельных общественно полезных программ, активизации деятельности некоммерческих организаций. На основании результатов исследования предлагается авторское определение грантов. Обосновывается вывод о том, что предоставление грантов должно осуществляться на конкурсной основе, причем потенциальный грантополучатель должен доказать, что он справится с задачей успешнее прочих претендентов.

Ключевые слова: государственная политика, правовой стимул, государственная поддержка, грант, грантодатель, грантополучатель.

Grants as a form of legal incentives

Abstract: relevance of the article due to the fact that grants are not up to the end of the study of legal phenomena, the potential of which in the modern Russian state policy legalincentives underutilized. Purpose of the article — on the basis of the background and history of the emergence of the legal phenomenon in the Russian legal system to identify the signs of grant support and features that distinguish it from other legalincentives funds. The author concludes that the provision of grant support is mutually beneficial both for the state and for the other participants in public relations, an important and effective stimulus in the development of research and development, innovation, the implementation of public associations of certain public benefit programs, revitalization of the non-profit organizations, the purpose of which is to solve acute social problems. Based on the results of the research proposed to the author's definition of grants, as well as substantiates the conclusion that the grants should be made on a competitive basis, and on the potential grantee shall have the duty to prove that it is, among other contenders, he successfully cope with the problem, the solution of which is allocated matching grants.

Keywords: government policy, legal incentives, state support grant, grantor, grantee.

Государственная поддержка может проявляться в различных формах, не только путем предоставления преимуществ отдельным хозяйствующим субъектам (преференций). К числу таких форм относится и грантовая поддержка.

Термин «грант» (от англ. *grant*) в буквальном переводе означает «акт дарения», «официальное предоставление» [1].

В правовой системе Великобритании под «грантом» понимается:

— возникновение или передача права собственности на имущество на основании письменного акта (например, пожалованное в пользование имущество, дарованное имущество);

— завещательное предоставление, т. е. предоставленные судом полномочия определенным физическим лицам или фондам по управлению наследственным имуществом умершего гражданина;

— распределение законодательной или королевской властью денежных средств, полномочий и т. д. для достижения определенных целей [2].

В российском праве данное понятие появилось в начале 90-х гг. XX в., когда в государстве начали происходить серьезные политические, экономические и социальные преобразования, повлекшие, в свою очередь, изменения и в его правовой системе.

Предпосылкой для правового регулирования грантовой поддержки явилось применение международными и иностранными организациями грантовых форм финансирования образования, науки, культуры, направление денежных средств на социальные и иные благотворительные цели. Учитывая, что такие поступления имели безвозмездный характер и предназначались для использования в общественно полезных целях, возникала необходимость их льготного налогообложения на территории Российской Федерации.

Тогда понятие «грант» появилось в совместном письме Госналогслужбы и Минфина России от 11 июня 1993 г. № ЮУ-4-06/88Н, 04-06-01 «О порядке налогообложения грантов, получаемых от иностранных благотворительных организаций» [3], в котором под грантом понимались целевые средства, предоставляемые безвозмездно иностранными благотворительными организациями предприятиям, организациям и физическим лицам в денежной или натуральной форме на проведение научных или других исследований, опытно-конструкторских работ, обучение, лечение и другие цели с последующим отчетом об их использовании.

Таким образом, обусловленное, в первую очередь, необходимостью нормативного закрепления в целях налогообложения, понятие «грант» приобрело собственные признаки — безвозмездность, целевое расходование, общественно полезные цели использования. И хотя данное понятие не содержало указания на еще один признак — безвозвратность, он подразумевался, исходя из правовой природы гранта, определяемого как дар, пожертвование.

Специфической особенностью первоначального правового регулирования грантов являлось то, что в качестве грантодателей могли выступать только иностранные благотворительные организации.

Другая особенность правового регулирования грантов на первом этапе состояла в том, что на их получателей — юридических лиц возлагалась обязанность по предоставлению отчета об использовании в налоговый орган по месту их нахождения. Нецелевое использование денежных средств, представленных в качестве грантов, влекло за собой взыскание их в полном объеме в доход федерального бюджета. На физических лиц такая обязанность не возлагалась.

Второй этап правового регулирования грантовой поддержки связан с принятием Федерального закона от 21 июня 1996 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О подоходном налоге с физических лиц» [4], содержащего перечень организаций, гранты которых не включались в совокупный доход физических лиц и не подлежали налогообложению. Тем самым фактически был расширен действующий

круг грантодателей. В их число помимо иностранных благотворительных организаций вошли иные некоммерческие, а также международные организации и организации, внесенные в специальный перечень, утверждаемый Министерством науки и технологий РФ.

Следующий этап правового регулирования в данной сфере был обусловлен принятием в 2000 г. Налогового кодекса РФ, который, сохранив ранее установившиеся отношения по налогообложению грантов, ввел понятие гранта, применяемого для целей налогообложения (гл. 25 Кодекса). Согласно подп. 14 п. 1 ст. 251 НК РФ грантами признаются денежные средства или иное имущество в случае, если их передача (получение) удовлетворяет следующим условиям:

— они предоставляются на безвозмездной и безвозвратной основах российскими физическими лицами, некоммерческими организациями, а также иностранными и международными организациями и объединениями по перечню таких организаций, утверждаемому Правительством РФ, на осуществление конкретных программ в области образования, искусства, культуры, науки, физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), охраны здоровья, охраны окружающей среды, защиты прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных законодательством Российской Федерации, социального обслуживания малоимущих и социально незащищенных категорий граждан;

— они предоставляются на условиях, определяемых грантодателем, с обязательным предоставлением грантодателю отчета о целевом использовании гранта;

— они предоставляются в виде инвестиций и средств, полученных в порядке и из источников, указанных в данном подпункте.

Тем самым Налоговый кодекс РФ расширил круг грантодателей, обозначил цели, на которые выделяются гранты, и формы предоставления грантов (денежные средства или иное указанное в подп. 14 п. 1 ст. 251 НК РФ имущество), определил, что гранты предоставляются на безвозмездной и безвозвратной основах, закрепил обязанность грантополучателя предоставлять грантодателю отчет о целевом использовании гранта.

В отличие от других правостимулирующих средств российской правовой системы, не имеющих правового закрепления, понятие «грант» используется не только в нормах налогового законодательства, но и в некоторых других нормативных актах, относящихся к различным отраслям права.

Так, Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности» [5] относит благотворительные гранты к источникам формирования имущества благотворительных организаций и понимает под ними благотворительные пожертвования, которые имеют строго целевое назначение и предоставляются гражданами, а также юридическими лицами в денежной или натуральной форме.

Определение гранта содержится также в Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [6], согласно которому грант определяется как денежные и иные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно гражданами и юридическими лицами, в том числе иностранными гражданами и иностранными юриди-

---

ческими лицами, а также международными организациями, получившими право на предоставление грантов на территории Российской Федерации в установленном Правительством РФ порядке, на проведение конкретных научных исследований на условиях, предусмотренных грантодателями.

В некоторых нормативных правовых актах Президента РФ и Правительства РФ [7] гранты рассматриваются в качестве государственных стипендий, предназначенных для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры, искусства, образования и науки.

Постановлением Правительства РФ от 12 января 1996 г. № 11 «Об улучшении информационного обеспечения населения Российской Федерации» [8] установлено, что гранты могут предоставляться в форме возвратных и безвозвратных бюджетных ссуд, налоговых освобождений, поставок оборудования в порядке лизинга, поставок бумажной продукции в порядке товарного кредита и иных формах в соответствии с законодательством Российской Федерации.

С принятием 19 мая 1995 г. Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [9] в российском праве появилось понятие «государственные гранты», под которыми понимается одна из форм государственной поддержки общественных объединений в виде целевого финансирования отдельных общественно полезных программ общественных объединений по их заявкам.

В приведенных правовых нормах мы можем увидеть некоторые расхождения в понимании гранта, в том числе и в отношении понятия «грант», применяемого для целей налогообложения.

Как справедливо отмечает А.А. Кумаритова, в российском законодательстве отсутствует системное представление о правовом институте грантов. Разрозненные несогласованные нормы о грантах, содержащиеся в некоторых нормативных правовых актах, отражают только отдельные элементы этого правового института и иногда носят взаимоисключающий характер [10, с. 91]. В связи с этим представляется справедливым высказывание Д. Милославской о том, что в российском законодательстве понятие «грант» приходится «собирать» из разных правовых актов, относящихся к различным отраслям права, что не позволяет получить полного представления о правовом статусе гранта [11, с. 45].

По нашему мнению, данное понятие должно быть единым для всех отраслей права, что позволило бы достичь единообразия как в правовом регулировании мер грантовой поддержки, так и в правоприменительной практике.

В современной действительности в качестве грантодателей выступают государственные и муниципальные органы, а также юридические и физические лица, международные организации, получившие право на предоставление грантов на территории Российской Федерации в порядке, установленном Правительством РФ. Достаточно широким является и перечень целей, на которые предоставляются гранты. Однако, на наш взгляд, это не должно влиять на существо правоотношений, связанных с предоставлением гранта, и его основные характеристики.

Учитывая изложенное, предлагаем следующее авторское определение: *грант* — это безвозмездная и безвозвратная передача на конкурсной основе денежных средств или иного имущества от грантодателя грантополучателю на общественно полезные и значимые цели с последующим предоставлением отчета об их использовании.

При этом составляющие, касающиеся круга грантодателей, грантополучателей, определения целей, порядка проведения конкурса (определения условий получения гранта) и предоставления отчета, в рамках различных направлений поддержки могут иметь те или иные особенности.

Следует особо отметить, что в предложенное определение намеренно включено такое положение, как предоставление гранта на конкурсной основе. Предоставлению гранта в любом случае должно предшествовать проведение конкурса, особенно это касается государственных и муниципальных грантов. При этом именно на потенциальном грантополучателе должна лежать обязанность доказать, что он справится с задачей успешнее прочих претендентов.

Представляется, что независимо от того, кто выступает в качестве грантодателя — государственный (муниципальный) орган или иное лицо (международная организация, физическое или юридическое лицо) — гранты выполняют стимулирующую роль, которая заключается в том, что данная мера поддержки направлена на совершение грантополучателями действий в общественно полезных целях. При этом государственные и муниципальные гранты можно отнести к мерам непосредственной государственной поддержки, в данном случае средства выделяются из соответствующих бюджетов. Все остальные гранты следует отнести к мерам опосредованной государственной поддержки, поскольку именно государство в целях выполнения определенных социально значимых задач путем правового регулирования определяет круг грантодателей, цели, на которые могут быть выделены гранты, виды имущества, которое, помимо денежных средств, может быть предоставлено в виде грантов, а также порядок налогообложения грантополучателей.

Несмотря на то, что предоставление грантовой поддержки является взаимовыгодным как для государства, так и для других участников общественных отношений, правостимулирующий потенциал данного правового института в современном российском праве используется еще недостаточно.

Между тем предоставление мер финансовой поддержки, к каким, безусловно, относятся гранты — это важный и действенный стимул в развитии научных исследований и разработок, инновационной деятельности, реализации общественными объединениями отдельных общественно полезных программ, активизации деятельности некоммерческих организаций, целью деятельности которых является решение острых социальных проблем.

Список литературы:

1. Oxford English Dictionary : second edition / edited by John Simpson and Edmund Weiner. — Clarendon Press, 1989.
2. A dictionary of law : fourth edition / edited by E.A. Martin. — New York: Oxford University Press, 1997.
3. О порядке налогообложения грантов, получаемых от иностранных благотворительных организаций : письмо Госналогслужбы и Минфина России от 11 июня 1993 г. № ЮУ-4-06/88Н, 04-06-01 // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств РФ. — 1993. — № 9.
4. О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О подоходном налоге с физических лиц» : федеральный закон РФ от 21 июня 1996 г. № 83-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 26, ст. 3035.

---

5. О благотворительной деятельности : федеральный закон РФ от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — № 33, ст. 3340.

6. О науке и государственной научно-технической политике : федеральный закон РФ от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 35, ст. 4137.

7. О грантах Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства : постановление Правительства РФ от 9 сентября 1996 г. № 1061 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 38, ст. 4431.

8. Об улучшении информационного обеспечения населения Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 12 января 1996 № 11 (с изм. от 18 августа 1996 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 3, ст. 188.

9. Об общественных объединениях : федеральный закон РФ от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — № 21, ст. 1930.

10. Кумаритова, А.А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве // Журнал российского права. — 2008. — № 7. — С. 88–99.

11. Милославская, Д. Трудности семантической интерпретации юридического текста // Российская юстиция. — 2000. — № 3. — С. 45–47.

References:

1. Oxford English Dictionary : second edition / edited by John Simpson and Edmund Weiner. — Clarendon Press, 1989.

2. A dictionary of law : fourth edition / edited by E.A. Martin. — New York: Oxford University Press, 1997.

3. O porjadke nalogooblozhenija grantov, poluchaemyh ot inostrannyh blagotvoritel'nyh organizacij : pis'mo Gosnalogslužby i Minfina Rossii ot 11 ijunja 1993 g. № JuU-4-06/88N, 04-06-01 // Bjul'eten' normativnyh aktov ministerstv i vedomstv RF. — 1993. — № 9.

4. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon Rossijskoj Federacii «O podohodnom naloge s fizicheskih lic» : federal'nyj zakon RF ot 21 ijunja 1996 g. № 83-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1996. — № 26, st. 3035.

5. O blagotvoritel'noj dejatel'nosti : federal'nyj zakon RF ot 11 avgusta 1995 g. № 135-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1995. — № 33, st. 3340.

6. O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoj politike : federal'nyj zakon RF ot 23 avgusta 1996 g. № 127-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1996. — № 35, st. 4137.

7. O grantah Prezidenta Rossijskoj Federacii dlja podderzhki tvorcheskih proektov obshhenacional'nogo znachenija v oblasti kul'tury i iskusstva : postanovlenie Pravitel'stva RF ot 9 sentjabrja 1996 g. № 1061 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1996. — № 38, st. 4431.

8. Ob uluchshenii informacionnogo obespechenija naselenija Rossijskoj Federacii : postanovlenie Pravitel'stva RF ot 12 janvarja 1996 № 11 (s izm. ot 18 avgusta 1996 g.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1996. — № 3, st. 188.

9. Ob obshhestvennyh ob#edinenijah : federal'nyj zakon RF ot 19 maja 1995 g. № 82-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1995. — № 21, st. 1930.

10. Kumaritova, A.A. Gosudarstvennye i municipal'nye granty: vzniknovenie, stanovlenie i perspektivy razvitija v rossijskom grazhdanskom prave // Zhurnal rossijskogo prava. — 2008. — № 7. — S. 88–99.

11. Miloslavskaja, D. Trudnosti semanticheskoj interpretacii juridicheskogo teksta // Rossijskaja justicija. — 2000. — № 3. — S. 45–47.

М.А. Волкова,
аспирант
кафедры конституционного и
муниципального права
Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского

M.A. Volkova,
Post-graduate Student,
Saratov State University
named after N.G. Chernyshevsky
marina-volk87@mail.ru

Участие граждан в управлении делами государства через институт политических партий

***Аннотация:** роль политических партий значительно увеличивается на современном этапе развития российского общества. Этому способствуют объективные причины. Именно политические партии стали одним из важнейших институтов, посредством которого возможно участие граждан в управлении делами государства через институт политических партий. Автором исследовано содержание правовой конструкции «форма участия в управлении делами государства», проанализирован Федеральный закон «О политических партиях» в части выявления форм привлечения граждан к участию в формировании и деятельности органов публичной власти. Сделан вывод о том, что политические партии являются действенным инструментом вовлечения российских граждан в процесс участия в управлении делами государства. Граждане могут участвовать в управлении делами государства или воздействовать на принятие управленческих решений через непосредственное принятие решений политической партией либо гражданами, в нее входящими (например, выдвижение законопроекта на рассмотрение), либо через воздействие на принятие решения посредством ряда спланированных действий, акций.*

***Ключевые слова:** конституционная демократия, народовластие, политические партии, участие в управлении делами государства.*

The participation of citizens in managing the affairs of the state through the institution of political parties

***Abstract:** the role of political parties is significantly increased at the present stage of development of Russian society. That the political parties have become one of the most important institutions, through which citizens may participate in managing state affairs. Object — the main objective is to identify and analyze the forms of participation of citizens in managing the affairs of the state through the institution of political parties. The authors studied the content of the legal structure “a form of participation in managing state affairs,” analyzed the Federal Law “On political parties” in identifying forms of attracting citizens to participate in the formation and activities of public authorities. The study authors concluded that political parties are an effective tool for the involvement of Russian citizens in the process of participation in the management of state affairs. Citizens can participate in managing state affairs, or to influence management decisions through direct decision-making by a political party or citizens belonging to it (eg., To the extension of the bill), or through its impact on decision-making through a series of planned actions, actions.*

***Keywords:** constitutional democracy, democracy, political parties participate in managing state affairs.*

Традиционно фундаментом демократии, ее проявлением признается отношение к человеку как к высшей ценности, закрепление, гарантирование и обеспечение широкого спектра прав и свобод человека и гражданина, а также возможности реального участия граждан в осуществлении государственного управления и контроля над деятельностью органов государственной власти. В основных законах современных государств отражены положения, непосредственно связанные с началами демократии. Так, в

Конституции РФ нашли закрепление все указанные выше моменты, в том числе установлено право граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.

Отмеченное конституционное право граждан России может стать элементом основы российской демократии только в том случае, если оно будет иметь гарантии своей реализации, отработанный механизм осуществления, а также действенные средства защиты. В связи с этим в области науки и практики конституционного права неоднократно поднимались и обсуждались проблемы, касающиеся объема и содержания права граждан на участие в управлении делами государства, его детализации в текущем федеральном и региональном законодательстве, его реализации применительно к различным ветвям власти и т. д. Неоднократно поднимался вопрос и о формах участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства, в том числе и на уровне докторских диссертационных исследований [1]. Авторы предлагают рассматривать формы участия как основной и необходимый элемент характеристики права граждан на участие в управлении делами государства, а также концептуально приводят их классификацию. Так, формы участия граждан в управлении делами государства делят на непосредственные и опосредованные; на формы, реализуемые в области правотворчества, в сфере исполнительной власти, в сфере отправления правосудия. Кроме этого формами участия признаются, например, народная правотворческая инициатива, отзыв депутата, лоббизм, забастовки, законодательное предложение, общественная экспертиза законопроектов и их общественное обсуждение, поступление на государственную службу, консультативный совет, молодежный парламент, национальный проект и др.

В связи с этим, полагаем, возникла потребность в формулировании наиболее точного критерия определения формы участия граждан в управлении делами государства.

Для решения поставленной задачи предлагаем обратиться к системному толкованию норм и положений Конституции РФ, а также к теоретическим наработкам в сфере науки конституционного права и общей теории права, теории деятельности, а также философскому содержанию категории «форма». Статья 32 Конституции РФ содержит указание на то, что граждане Российской Федерации могут участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Использование формулы «непосредственно — через представителей» или «лично — через представителей» довольно распространена и исходит, видимо, от выработанных теорией конституционного права и теории права форм демократии — прямой (непосредственной) и представительной. Если отталкиваться только от этого, то получается, что право на участие в управлении делами государства может быть реализовано или может существовать (на наш взгляд, формулировка изначально не верная!) в двух формах — непосредственной и представительной. В этом случае общая нить формулировок, формул, конструкций, используемых в Конституции РФ, будет соблюдена, цепочка логических умозаключений не нарушена.

Однако грамматический и содержательный анализ текста этой конституционной нормы позволяет заключить, что в ней речь идет о некоем деятельностном компоненте. Акцент сделан на то, что участие подразумевает под собой совершение активных действий со стороны граждан России. В пассивном варианте это право реализовано быть не может, что возможно в отношении иных прав. Поэтому далее нужно обратиться к теории деятельности.

Деятельность — «специфическая форма активного поведения и отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование в интересах людей» [2, с. 160]. Такое понимание деятельности указывает на то, что она является сложным явлением, содержащим несколько элементов: цель — идеальное представление о конечном результате преобразования окружающей действительности; субъект деятельности; объект деятельности — отношения, подвергаемые преобразованию; средства, методы и способы, сам процесс деятельности — совокупность актов поведения и этапов их совершения [3]. Для нас важным здесь является указание на способы и средства деятельности.

Довольно часто понятия «средство», «способ», «метод» используются без разграничения их этимологического смысла. Средства — правовые явления, процессы и предметы, с помощью которых реализуется право и достигается юридически значимая цель. Одни и те же средства могут использоваться различными способами в зависимости от ситуации и характера интереса и цели. Способ деятельности представляет собой конкретный путь, направление достижения намеченной цели (результата) с помощью конкретных средств и при наличии определенных условий деятельности. Способ деятельности как собирательная по сравнению со средствами категория может состоять из действия или системы действий, поэтапное совершение которых способствует решению промежуточных или конечных задач.

Наконец, философская категория «форма» означает либо структуру вещи, либо выражение содержания, либо определенный способ бытия (существования) чего-либо. Не вдаваясь подробно в философские рассуждения, предлагаем следующее видение поставленной проблемы.

Во-первых, когда речь идет о форме применительно к конституционному праву граждан на участие в управлении делами государства, правильно говорить о форме участия, но не о форме права. Право на участие в управлении делами государства может быть реализовано в форме, а само, будучи правом, имеет закрепление в Конституции — форме объективного права.

Во-вторых, формами участия граждан в управлении делами государства могут быть предусмотренные Конституцией — непосредственное участие и через представителей, лично и коллегиально.

В-третьих, участие должно осуществляться определенными способами. Считаем, что способами участия являются различного рода совокупности действий, ведущих к наиболее оптимальному достижению результата. В зависимости от предполагаемого результата способами могут выступать выборы, взаимодействие, контроль, протестные выступления и т. д.

В-четвертых, в представленной цепочке не хватает средств участия граждан в управлении делами государства. Вот ими и будет то, что выше авторами было отнесено к формам. Именно эти реально существующие социально-политические институты (средства), оформленные и облеченные в организационно-правовую материю, позволяют реализовать право граждан на участие в управлении делами государства.

Как уже упоминалось, отнесение некоторых институтов к средствам, обеспечивающим участие граждан в управлении делами государства, не вызывает однозначных мнений у правоведов, чего нельзя сказать о таком средстве, как политическая партия. Политические партии необходимо рассматривать как средство участия граждан в управлении делами государства, поскольку они представляют собой коллективное выражение мнений входящих в партию граждан. При этом политически активные граждане с четко обозначенной гражданской позицией могут принять участие в управлении делами государства непосредственно (к примеру, путем их выбора в депутаты), а менее активные — опосредованно, что еще раз доказывает наличие двух форм участия (непосредственной и опосредованной) и многообразия средств, обеспечивающих такое участие. Как раз политическая партия и является тем средством, которое позволяет гражданам участвовать в управлении делами государства в двух названных выше формах. В данном случае можно отметить уникальность партии именно в возможности обеспечить участие и в одной, и в другой форме, в то время как многие средства позволяют реализовывать участие только в одной из форм (например, общественная экспертиза или митинг предполагают реализацию только формы опосредованного участия граждан).

Обратимся к целям политических партий. К ним Федеральный закон «О политических партиях» [4] относит: формирование общественного мнения; политическое образование и воспитание граждан; выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти; выдвижение кандидатов (списков кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти.

Даже по обозначенным в Законе целям можно выделить возможную форму их реализации на практике через политическую партию. Так, например, такая цель, как выдвижение кандидатов (списков кандидатов) в депутаты детерминирует непосредственное участие в управлении делами государства, а такая цель, как политическое воспитание граждан — предполагает опосредованную форму участия, поскольку, скорее всего, она будет реализовываться посредством взаимодействия с институтами гражданского общества и государства (здесь уже правильнее говорить о способах участия). Однако такая цель, как выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, на наш взгляд, может предполагать обе формы участия в управлении делами государства.

В политической партии граждане (а также партия в целом) могут участвовать в управлении делами государства или воздействовать на принятие управленческих решений через непосредственное принятие решений

политической партией либо гражданами, в нее входящими (например, выдвижение законопроекта на рассмотрение), либо через воздействие на принятие решения посредством ряда спланированных действий, акций.

Таким образом, предлагается рассматривать политическую партию как институт гражданского общества, что не вызывает сомнений и подтверждается рядом диссертационных работ на подобную тематику [5]. Те действия и процедуры, с помощью которых реализуется право на участие граждан в управлении делами государства через институт политических партий, следует рассматривать как способы участия. По специфике воздействия способов на объект их можно делить на коллегиальные и единоличные, связанные с информационными технологиями, радикальные (например, забастовки) и т. д. При этом особым способом является взаимодействие политических партий с государственными структурами, что дает более действенный результат для обоих взаимодействующих субъектов.

Рассмотрев широкое влияние политических партий на законотворческий процесс, нельзя не отметить недостаточное урегулирование участия граждан в управлении делами государства через институт политических партий. Недостатком является отсутствие единого документа, в котором перечислялись бы все возможные пути названного участия граждан в управлении делами государства. В настоящее время наиболее детальное правовое регулирование получило только такое средство участия граждан в управлении делами государства через политические партии как парламентаризм в связи с его особой востребованностью со стороны государственных органов.

Список литературы:

1. Липчанская, М.А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М.А. Липчанская. — Саратов, 2012. — 58 с.
2. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1989. — 836 с.
3. Карташов, В.Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.Н. Карташов. — Ярославль, 1990.
4. О политических партиях : федеральный закон РФ от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2011. — № 29, ст. 2950.
5. Акимова, М.А. Негосударственные формы защиты прав и свобод личности: вопросы теории и практики : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / М.А. Акимова. — Саратов, 2012. — 22 с.

References:

1. Lipchanskaja, M.A. Uchastie grazhdan Rossijskoj Federacii v upravlenii delami gosudarstva: konstitucionno-pravovoe issledovanie : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / M.A. Lipchanskaja. — Saratov, 2012. — 58 s.
2. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'. 2-e izd. — M.: Sovetskaya enciklopedia, 1989. — 836 s.
3. Kartashov, V.N. Juridicheskaja dejatel'nost': problemy teorii i metodologii : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / V.N. Kartashov. Jaroslavl', 1990.
4. O politicheskijh partijah : federal'nyj zakon RF ot 11 ijulja 2001 g. № 95-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2011. — № 29, st. 2950.
5. Akimova, M.A. Negosudarstvennye formy zashhity prav i svobod lichnosti: voprosy teorii i praktiki : avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk / M.A. Akimova. — Saratov, 2012. — 22 s.

Д.С. Кулапов, соискатель,
кафедра теории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия

D.S. Kulapov,
Competitor,
Saratov State Law Academy
kulapovd@mail.ru

К вопросу об определении медиабельности правового спора

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью комплексного исследования понятия медиабельности спора и выделению основных предпосылок проведения процедуры медиации. Целью статьи является определение категории медиабельности в рамках отечественного законодательства с учетом практики зарубежных стран. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Определяя возможность медиабельности спора, следует обращать внимание на совокупность объективных и субъективных факторов. К факторам объективного характера, прежде всего, следует отнести правовые нормы, которыми руководствуются стороны, общепринятые нормы морали и этики, условия конкретного спора, которые позволяют или не позволяют применять процедуру медиации в каждом отдельном случае. Нельзя забывать и о субъективных факторах. Поскольку процедура медиации является добровольной, огромное значение имеет и стремление сторон к урегулированию правового спора подобным образом. Стоит отметить и различные группы правоотношений между участниками процедуры медиации, также нуждающиеся в комплексном исследовании и выявлении возможных проблем, возникающих на практике. По итогам изучения отечественного и зарубежного опыта проведения медиативных процедур автор приходит к выводу о том, что, несмотря на кажущуюся простоту определения медиабельности спора, в каждом конкретном споре следует учитывать совокупность указанных выше факторов. Только в этом случае процедура применения и выработки итогового медиативного соглашения может быть эффективной.

Ключевые слова: категории правового спора, медиабельность, правоотношения, условия допустимости, зарубежная практика.

To the question about interpretation is the legal dispute mediable or not

Abstract: the relevance of the article due to the importance of a comprehensive study of the concept of mediapilot legal dispute and identifying the main prerequisites for the conduct of mediation. The aim of the article is the definition of the category of mediapilot within the framework of national legislation in line with the practice of foreign countries. The implementation of the goals was achieved through scientific dialectic, analysis, synthesis) and private scientific methods (formal-legal, comparative legal). The author concludes that, in determining the possibility of mediapilot legal dispute, you should pay attention to the combination of objective and subjective factors. So, for objective factors primarily include legal norms that guide the parties, the generally accepted norms of morality and ethics, the conditions of a particular dispute, which allow or do not allow the use of a mediation procedure in each individual case. We should not forget about subjective factors. Because mediation is voluntary, it is of great importance and desire of the parties to the settlement of a legal dispute in this way. Also worth noting, and different relations between the parties of the mediation procedure, which also require a comprehensive study and identify potential problems that may occur in practice. According to the results of the study of domestic and foreign experience of mediation procedures, the author comes to the conclusion that, despite the apparent simplicity of determining mediapilot legal dispute, in each particular dispute should take into account the totality of the factors mentioned above. Only in this case, the procedure of application and elaboration of the final mediation messages can be effective.

Keywords: categories of legal dispute, admissibility of mediation, legal relations, conditions of validity, the foreign practices.

Условия допустимости применения медиации можно сформулировать исходя из законодательно перечисленных категорий правовых споров, подлежащих урегулированию в рамках процедуры медиации. Как известно, в целом в юридической науке вопросы компетенции юрисдикционных органов необходимо исследовать сквозь призму институтов подведомственности или например, арбитрабельности правового спора. В международной практике в качестве механизма, позволяющего определить условия, при наличии которых правовой спор может быть урегулирован с участием посредника (медиатора), рассматривается категория «медиабельность спора».

В юридической науке медиабельность предлагается рассматривать как особенность юридического конфликта, который можно разрешить с помощью процедуры медиации. Так, С.И. Калашникова выделяет в качестве такой особенности медиабельности условие проведения примирительной процедуры [1, с. 17–18]. По ее мнению, медиабельность определяется факторами объективного и субъективного характера.

Можно выделить следующие признаки медиабельности с точки зрения объективного фактора: в законе не содержится запрета на проведение медиации в конкретном случае; предмет спора и его сущность соответствуют общепринятым нормам морали и этики; предусмотрена законодательная возможность заключения по данной категории споров мировых соглашений. Тот факт, что по спору возможно заключение мирового соглашения, является дополнительным объективным критерием возможности проведения медиации, и наличие запрета на заключение мирового соглашения не должно служить основанием отказа в проведении процедуры.

К субъективным факторам С.И. Калашникова относит: выраженное желание сторон к проведению процедуры медиации; относительную зависимость сторон спора от решений друг друга. Критерием эффективности медиации может служить волеизъявление каждой из сторон в пользу применения медиации. При этом нежелание одной из сторон конфликта на проведение процедуры влечет за собой невозможность ее применения в конкретном споре.

Из анализа теоретических исследований видно, что многие авторы не уделяют должного внимания категории медиабельности правового спора, просто называя ситуации применимости медиативной процедуры. Известный ученый Л. Боуль выделяет условия, при которых медиация становится возможной: невысокая эмоциональная напряженность между сторонами; взаимный положительный настрой сторон; обоюдное желание продолжения дальнейшего делового сотрудничества; наличие у сторон право- и дееспособности; установленная компетенция сторон на участие в медиативной процедуре и заключение от имени организации медиативного соглашения; равные права и обязанности сторон; многоаспектность спора; большая возможность достижения иного исхода, в отличие от предполагаемого судебного решения; обладание достаточными материальными и временными ресурсами; отсутствие правового запрета на проведение процедуры в конкретном случае; затраты в ходе медиации предполагаются

менее значительными по сравнению с судебными издержками; очевидная конфиденциальность проведения процедуры по сравнению с судебным разбирательством. Помимо этого автор отдельно выделяет случаи немедиабельности спора, а именно, когда в споре фигурирует национальная безопасность, государственная политика, права человека в целом, желание сторон создать правовой прецедент по данной категории дел; спор относительно толкований и применения закона; недобросовестная заинтересованность в затягивании конфликта, получении нужной для одной из сторон коммерческой информации; высокая эмоциональная напряженность сторон; заведомая бескомпромиссная позиция одной из сторон; необходимость государственной защиты субъективного права; различный объем прав у сторон; нежелание продолжения дальнейших отношений [3, с. 91–97].

При решении вопроса о медиабельности необходимо установить наличие объективных и субъективных факторов, свидетельствующих о возможности урегулирования спора с помощью медиатора [1, с. 100–106]. Категория правового спора относится к объективным критериям, влияющим на определение медиабельности. Соответственно, решая вопрос о возможности урегулирования спора с применением процедуры медиации, необходимо провести сопоставление между основными характеристиками спора и теми категориями споров, которые указаны в ч. 2 ст. 1 Федерального закона РФ №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [7] (далее — ФЗоПМ). В свою очередь, правовой спор, при наличии дополнительных факторов, будет обладать свойством медиабельности и может быть урегулирован с применением медиативной процедуры.

Д.Ю. Шестаков выделяет пригодные и непригодные случаи медиации [4]. Так, к факторам, определяющим первые он относит: экономическую нецелесообразность судебного разбирательства; сложное законодательство, подлежащее применению; иски, затрагивающие разные стороны; сопряженность спора с каким-либо деликатным случаем; нежелание огласки.

Другой ученый, Цисана Шамликашвили, полагает, что медиация приемлема в случаях, когда сторонам необходимо закрепленное письменное решение по итогам переговоров; нет заинтересованности в создании прецедента; необходима конфиденциальная обстановка; есть интерес к экономии ресурсов и в дальнейшем взаимовыгодном сотрудничестве [5].

Кроме того, на наш взгляд, следует выделять случаи, когда медиация неприемлема, например, при необходимости создания коммерческого прецедента; при возможности проведения судебного процесса в кратчайшие сроки; при необходимости подачи заявления об обеспечении иска; при нежелании одной из сторон проведения переговоров; при стремлении одной из сторон разрешить правовой спор с привлечением публичности.

Нет необходимости в уточнении положения о запрете проведения медиативной процедуры, если сущность спора и связанные с ним обстоятельства заведомо противоречат нормам морали и этики. При анализе процедуры медиации важно учитывать, что на складывающиеся правоотношения

распространяют свое действие некоторые правовые нормы. Как указывал М.И. Байтин, «правоотношение — особый вид осознанных, волевых отношений, ибо, прежде чем ему сложиться в качестве правового, оно должно пройти не просто через волю отдельных лиц, хотя в большинстве случаев и это имеет место, но непременно через государственную волю общества, и быть предусмотренным в норме права» [6, с. 75].

Медиация проводится в рамках права и в соответствии с законодательством: ФЗоПМ, Федеральным законом № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)”»; Гражданско-процессуальным кодексом РФ; Арбитражно-процессуальным кодексом РФ.

Правоотношения между субъектами процедуры медиации можно разделить на правоотношения, возникающие до, во время и после проведения процедуры медиации.

До проведения процедуры медиации возникают правоотношения, существующие до обращения к процедуре медиации между сторонами, по поводу которых возник спор, в связи с чем они намерены обратиться к процедуре медиации; правоотношения между сторонами и медиатором по вопросу заключения договора о проведении процедуры, о порядке оплаты услуг, месте проведения; между медиатором и саморегулируемой организацией медиаторов.

Во время проведения процедуры медиации возникают правоотношения между сторонами по соблюдению установленного медиатором порядка проведения медиации; между медиатором и сторонами во время проведения процедуры медиации (невмешательство, соблюдение принципов проведения — конфиденциальность, и т. п.); между представителями и медиатором.

После завершения процедуры медиации возникают правоотношения между сторонами и судом; между сторонами после достижения согласия в результате проведения процедуры медиации; между сторонами и медиатором после заключения медиативного соглашения и завершения медиативной процедуры (неразглашение информации о проведении медиации).

Существуют также правоотношения, которые могут возникнуть на любой стадии проведения процедуры медиации. Это правоотношения между участниками процедуры медиации в случае нарушения принципов процедуры медиации; между сторонами и медиатором в случае решения сторонами о замене медиатора (в случае ненадлежащего оказания услуг медиатором, возникновения подозрений в его заинтересованности).

С учетом отраслевой специфики законодатель установил определенные категории споров, по которым медиация может быть применима, а также те случаи, когда устанавливается запрет на использование процедуры медиации (например, если спор затрагивает интересы третьих лиц).

Таким образом, несмотря на кажущуюся внешнюю простоту определения медиальности спора, в каждом конкретном случае необходимо учитывать совокупность объективных и субъективных факторов с целью проведения

эффективной процедуры примирения и выработки итогового медиативного соглашения.

Список литературы:

1. Калашникова, С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.И. Калашникова. — Екатеринбург, 2010. — 26 с.
2. Пель, М. Приглашение к медиации / М. Пель. — М.: МЦУПК, 2009. — 400 с.
3. Boule, L. Mediation: principles, process, practice / M. Netic, L. Boule. — London, Dublin, Edinburgh: Butterworths, 2001.
4. Шестаков, Д.Ю. Коммерческая медиация и ее отношения с арбитражем // I российско-французская конференция по медиации 30 сентября 2010 г. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант».
5. Медиация в коммерческих спорах, медиация как социально значимый инструмент : пресс-конференция. [Электронный ресурс] // Центр медиации и права : сайт. URL: <http://www.mediacia.com/events.php?id=6> (дата обращения: 10.03.2015).
6. Байтин, М.И. Сущность права (Современное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. — М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. — 544 с.
7. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федеральный закон РФ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 31, ст. 4162.
8. Александров, Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н.Г. Александров. — М.: Госюриздат, 1955. — 176 с.
9. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. — М.: Юр. лит., 1974. — 340 с.

References:

1. Kalashnikova, S.I. Mediacija v sfere grazhdanskoj jurisdikcii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / S.I. Kalashnikova. — Ekaterinburg, 2010. — 26 s.
2. Pel', M. Priglasenie k mediacii / M. Pel'. — M.: MCUPK, 2009. — 400 s.
3. Boule, L. Mediation: principles, process, practice / M. Netic, L. Boule. — London, Dublin, Edinburgh: Butterworths, 2001.
4. Shestakov, D.Ju. Kommercheskaja mediacija i ee otnoshenija s arbitrazhem // I rossijsko-francuzskaja konferencija po mediacii 30 sentjabrja 2010 g. [Jelektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Garant».
5. Mediacija v kommercheskih sporah, mediacija kak social'no znachimyj instrument : press-konferencija. [Jelektronnyj resurs] // Centr mediacii i prava : sajt. URL: <http://www.mediacia.com/events.php?id=6>. (data obrashhenija: 10.03.2015).
6. Bajtin, M.I. Sushhnost' prava (Sovremennoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) / M.I. Bajtin. — M.: ООО ID «Pravo i gosudarstvo», 2005. — 544 s.
7. Ob al'ternativnoj procedure uregulirovanija sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii) : federal'nyj zakon RF ot 27 ijulja 2010 g. № 193-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2010. — № 31, st. 4162.
8. Aleksandrov, N.G. Zakonnost' i pravootnoshenija v sovetskom obshhestve / N.G. Aleksandrov. — M.: Gosjurizdat, 1955. — 176 s.
9. Halfina, R.O. Obshhee uchenie o pravootnoshenii / R.O. Halfina. — M.: Jur. lit., 1974. — 340 s.

Д.А. Поддубная,
аспирант
кафедры гражданского и семейного права
Саратовской государственной
юридической академии

D.A. Poddubnaya,
Post-graduate student,
Saratov State Law Academy
didapoddubnie@mail.ru

К вопросу о некоторых проблемах нормативного закрепления функций саморегулируемых организаций

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью роли саморегулируемых организаций в организации механизма становления и развития бизнес-сообщества. Цель статьи — проанализировать надлежащее функционирование механизма саморегулирования в современных условиях развития государства, а также указать основные направления, которые необходимо разработать для последующего успешного применения указанного механизма. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Автор приходит к выводу, что заявленные законодателем функции малоприменимы на практике. Для их успешного претворения необходима как корректировка соответствующих условий законодательства, так и разработка теоретической основы нововведений с постановкой четких задач и понимания особенностей механизма рассмотрения споров в СРО. Указанные действия должны стать основой успешного функционирования механизма СРО и его дальнейшего развития.

Ключевые слова: саморегулирование, саморегулируемые организации, СРО, разрешение споров, третейский суд, квалификация судей, дисциплинарная ответственность.

On the question of fixing some of the problems of regulatory functions of self-regulatory organizations

Abstract: the relevance of the article due to the importance of the role of self-regulatory organizations (future — SRO) in the organization of the mechanism of formation and development of the business community. The article aims to analyze the proper functioning of the mechanism of self-regulation in modern conditions of development of the state, and indicate the main areas that need to be developed for subsequent successful application of this mechanism. Implementation of the tasks was achieved through scientific dialectic, analysis, synthesis) and specific scientific methods (formal-legal, comparative legal). The author comes to the conclusion that the stated functions legislator is less applicable in practice. For their successful implementation of the necessary legislative adjustments to the relevant terms of legislation and the development of theoretical foundations of innovation by setting clear objectives and understanding of the mechanism of dispute settlement in SRO. These actions should be the basis for the successful functioning of the mechanism of SRO and its further development.

Keywords: regulation, self-regulatory organization, SRO, dispute resolution, arbitration, qualification of judges, disciplinary liability.

Саморегулирование сегодня является неотъемлемой частью профессиональной деятельности. Само по себе саморегулирование представляет правовой пласт, предполагающий наличие широкого круга полномочий у избранных представителей профессионального сообщества. Саморегулирование олицетворяет собой осуществление властных полномочий, делегированных государством для самостоятельного их применения в рамках определенных профессиональных сообществ — саморегулируемых организаций (далее — СРО).

Вместе с тем ст. 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» [1] (далее — Закон о СРО) установлен перечень функций, характерных для деятельности рассматриваемого института и обуславливающих цели, в соответствии с которыми этот институт и был создан. К установленным Законом о СРО основным функциям относятся: разработка и установление условий членства субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности в саморегулируемой организации; принятие мер дисциплинарного воздействия в отношении своих членов; представление интересов членов СРО в их отношениях с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления; осуществление контроля за предпринимательской или профессиональной деятельностью своих членов в части соблюдения ими требований стандартов и правил СРО, условий членства в СРО и другие.

Однако некоторые функции в связи с неоднозначностью своего содержания вызывают дискуссии среди членов научного и профессионального сообщества. Потому анализ таких функций необходимо провести более подробно, с целью выявления «слабых мест» и предложения определенных условий, способствующих успешному запуску механизма их действия.

Так, вызывающей нарекания относительно смысловой содержательности является такая функция СРО, как применение мер дисциплинарного воздействия в отношении членов СРО. Появление указанной функции обусловлено необходимостью обеспечения карательными функциями правомочий, осуществляемых СРО. Это представляется справедливым, поскольку, не имея метода воздействия на нарушителей, невозможно установить жесткую дисциплину внутри организации.

Вместе с тем существующий механизм материальной ответственности членов СРО имеет больший эффект по сравнению с принципами контроля деятельности уполномоченных органов и должностных лиц государства. Наличие материальной ответственности СРО, воплощенной в идее создания компенсационных фондов или страхования общих рисков, и является эффективной системой контроля за рынком. Кроме того, на СРО возложена функция по осуществлению контроля за соблюдением собственными членами как требований нормативных правовых актов, так и правил, стандартов, принятых в организации.

Одним из методов контроля признается создание и деятельность третейских судов в рамках СРО. В данном случае функция третейского судьи для СРО является дополнительной, сопутствующей. Кроме того, создание третейских судов при отдельной СРО не влияет на специфику ни самой СРО, ни третейских процедур. Указанные суды создаются во исполнение требований закона, предписывающего СРО создавать органы, применяющие меры дисциплинарной ответственности к членам СРО за нарушение принятых правил и стандартов. Подобная функция необходима для повышения степени ответственности членов СРО, однако на сегодняшний день объем рассматриваемых дел в рамках одной СРО весьма мал,

---

что влечет за собой неразумную трату денежных средств организации на поддержание работоспособности суда во время вынужденного простоя. Более разумным следует считать идею обращения за разрешением возникающих споров в третейские суды при торгово-промышленных палатах либо создания таких судов при профессиональных объединениях, в состав которых входит несколько СРО.

Другой стороной анализируемой проблемы является то, что в третейских судах реальное рассмотрение споров, возникающих между членами саморегулируемой организации, а также между ними и потребителями произведенных членами саморегулируемой организации товаров (работ, услуг), иными лицами, в соответствии с законодательством о третейских судах осуществляется недостаточно часто. Стоит отметить, что на сегодняшний день система третейских судов считается несовершенной. Это можно объяснить как нечастой применимостью данного способа разрешения споров, так и наличием иных предрассудков, касающихся аппарата судей и их квалификации, что также взаимосвязано с первым доводом. Все это является неизбежной причиной отказа потребителей от передачи возникших споров на разрешение третейским судам СРО.

Сложившаяся ситуация требует незамедлительных действий, ввиду того, что институт СРО развивается динамично, соответственно, отношения, им регулируемые, так или иначе могут породить конфликт интересов у иных субъектов. При этом, как отмечают ученые, недопустимо наличие различных форм зависимости третейских судов и судей [2, с. 99–107], которые рассматривают указанную категорию дел.

Жесткому контролю должна подвергаться возможность появления среди третейских судей работников хозяйствующих субъектов — членов СРО, работников органов управления СРО, арбитров, имеющих иные формы той или иной зависимости от СРО, ее органов управления. Выходом из сложившейся ситуации может стать определение примерного перечня фактов, свидетельствующих об отсутствии беспристрастности; совершенствование института отвода и самоотвода судей, а также утверждение положения о третейском суде СРО, в котором зафиксированы основания для отвода и самоотвода судьи третейского суда.

Следует также присоединиться к мнению А.А. Мохова о том, что ряда проблем деятельности третейских судов можно избежать путем укрупнения третейских судов СРО в некоторых отраслях деятельности либо создания специализированного третейского суда на уровне субъекта Российской Федерации или на федеральном уровне, с предъявлением дополнительных требований к третейским судьям СРО (наличие специальных знаний и навыков, независимость от СРО и ее отдельных членов и др.), а также определения условий и порядка отвода и самоотвода судей [3, с. 42–46]. Предпринятые действия смогут способствовать изменению мнения потребителей о функциональной составляющей третейских судов, а также популяризации данного метода разрешения споров, что является важным для укрепления статуса третейских судов как достойного альтернативного

метода квалифицированного разрешения спора, затрагивающего механизм саморегулирования.

Выбор темы настоящей статьи не случаен. Анализ функции применения мер дисциплинарного воздействия в отношении членов СРО предваряет судебное рассмотрение спора. Обеспечение дисциплины внутри отдельной СРО является гарантом добросовестной деятельности ее членов. Поскольку государство в лице СРО рассчитывает получить основу для скорого развития механизма осуществления профессиональной деятельности на принципиально новых условиях и переместить вектор своего контроля на результаты деятельности бизнес-сообщества, а не на ее процесс, то следует детально подходить к регулированию вопросов полномочий, передаваемых для самостоятельного разрешения таким организациям.

Перечень оснований для применения мер дисциплинарного взыскания должен быть предельно четким и исчерпывающим. Необходимо предусмотреть наказание для лиц, использующих свое служебное положение для «дисквалификации неугодных членов». Кроме того, представляется справедливым при избрании такой меры дисциплинарного воздействия, как исключение из членов СРО, привлекать для принятия соответствующего решения максимальное количество участников, а, возможно, даже выносить этот вопрос на разрешение соответствующего национального объединения.

Таким образом, вопросы, касающиеся применения мер дисциплинарного воздействия, а также рассмотрения дел в третейском суде, в целом для предотвращения повторения прошлых ошибок требуют своевременной законодательной корректировки. Только динамичная и инициативная деятельность как законодателя, так и СРО позволит обеспечить стабильное развитие предпринимательской инициативы на принципах, предписанных законодателем.

Список литературы:

1. О саморегулируемых организациях : федеральный закон РФ от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2007. — № 49, ст. 6076.
2. Курбатов, А.Я. Обеспечение беспристрастности третейских судей в судебно-арбитражной практике и законодательстве // Закон. — 2013. — № 4. — С. 36–43.
3. Мохов, А.А. О третейских судах саморегулируемых организаций // Арбитражный и гражданский процесс. — 2014. — № 10. — С. 10–15.

References:

1. O samoreguliruemymh organizacijah : federal'nyj zakon RF ot 1 dekabrja 2007 g. № 315-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2007. — № 49, st. 6076.
  2. Kurbatov, A.Ja. Obespechenie bespristrastnosti tretejskih sudej v sudebno-arbitrazhnoj praktike i zakonodatel'stve // Zakon. — 2013. — № 4. — S. 36–43.
  3. Mohov, A.A. O tretejskih sudah samoreguliruemymh organizacij // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. — 2014. — № 10. — S. 10–15.
-

В.А. Мун,
аспирант
кафедры теории и истории права
и государства
Волгоградского филиала Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте РФ

V.A. Mun,
Post-graduate student,
Volgograd Branch of the Russian Academy
of National Economy and State Service
under the President of the Russian
Federation

mun.viktoriya@mail.ru

Эволюция защитной функции трудового права в период со второй половины XIX до конца XX века

Аннотация: статья посвящена правовому анализу процесса становления и развития института защиты трудовых прав в России в период со второй половины XIX до конца XX в. Актуальность статьи обусловлена, в первую очередь, важностью исследования проблем, возникающих в области регулирования трудовых отношений, необходимостью выявления исторических причин их образования. Цель статьи — проанализировать эволюцию правовых норм, направленных на защиту трудовых прав, выявить сложности в осуществлении механизмов реализации трудовых прав в различные исторические периоды. Реализация поставленных задач была достигнута, прежде всего, путем применения сравнительно-исторического и формально-юридического методов. Особое внимание уделено социально-историческим условиям, сопровождающим развитие норм, регулирующих трудовые правоотношения. Автор заключает, что со временем менялись подходы к содержанию понятия «охрана труда» и «защита трудовых прав», процесс формирования механизмов, защищающих трудовые права, продолжался в течении десятилетий.

Ключевые слова: трудовое право, функции трудового права, охрана труда, условия труда, защита трудовых прав.

Evolution of the protective function of labor law in the period from the second half of the XIX century to the end of the XX century

Abstract: the article is devoted to legal analysis of the process of formation and development of the institution of protection of labor rights in Russia during the second half of the XIX century to the end of the XX century. Relevance of the article is due, first of all, the importance of studying the problems arising in the field of labor relations, the need to identify the historical reasons for their education. Purpose of the article is to analyze the evolution of steam regulations aimed at protecting labor rights, identify difficulties in the implementation of mechanisms for the implementation of labor rights in different historical periods. The implementation of the objectives has been achieved primarily through the use of comparative-historical and formal-legal methods. Particular attention is paid to the social and historical conditions, accompanied by the development of rules governing labor relations. The authors conclude that over time changed the approaches to the concept of “labor protection” and “protection of labor rights”, the process of formation mechanisms of protecting labor rights lasted for decades.

Keywords: labour law, the function of labour law, labour protection, labour conditions, protection of labour rights.

Развитию трудового права как самостоятельной отрасли права предшествовал длительный период эксплуатации наемного труда, в том числе женщин и детей, характеризующийся нарушением условий труда, низкой заработной платой, злоупотреблений штрафами со стороны нанимателей. Постепенно к обществу и государству пришло понимание важности осуществления защиты лиц наемного труда от эксплуатации. Именно по этой

причине общественные отношения в сфере применения наемного труда заслуживают особого внимания и изучения.

Начало формирования трудового права в России принято относить ко второй половине XIX в., когда крестьянская реформа, начатая в 1861 г., упразднившая крепостное право, дала сильный толчок развитию капитализма в России. На фоне борьбы рабочих с тяжелыми условиями труда развивалось фабричное законодательство, регулирующее отношения между нанимателями и рабочими. Указанные нормы имели своей целью закрепление основных условий заключаемого между сторонами договора и были по своей сути гарантией их исполнения. На данной стадии развития трудового права отсутствовали нормы, посвященные защите прав рабочих.

Необходимо отметить, что под защитой трудовых прав мы понимаем систему мер, охраняемых государством, направленных на защиту трудовых прав и свобод работников, предотвращение нарушения их прав в сфере труда, а также восстановление нарушенных прав путем предоставления им гарантий и компенсаций.

Законы и положения, принятые вплоть до 1885 г., не были направлены на гарантирование прав рабочих, а создавались с целью нормативного закрепления основных прав и обязанностей рабочих и нанимателей, оснований возникновения и прекращения трудовых правоотношений.

Характерной чертой для зарождающегося рабочего класса было неумение отстаивать свое мнение перед нанимателем, выдвинуть условия, защитить свои права и интересы. В то время на фабриках и заводах господствовали несправедливые условия труда, отсутствие свободы договора, эксплуатация рабочих, несоразмерная труду заработная плата и несвоевременная ее выплата, отсутствие санитарных норм и правил безопасности на рабочих местах, эксплуатация женского и детского труда.

Первым нормативным правовым актом, направленным на реализацию некоторых элементов защитной функции трудового права, стал принятый 3 июня 1885 г. Закон «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» [1], запрещающий ночные работы на фабриках для женщин и детей, не достигших семнадцатилетнего возраста. Указанная норма была введена на три года, начиная с 1 октября 1885 г.

Следующим шагом стало введение института фабричного надзора. Так, 3 июня 1886 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного Совета о введении в действие нового закона, регулирующего трудовые отношения: «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа членов фабричной инспекции» [2]. Несмотря на то, что должность фабричного инспектора была учреждена принятием 1 июня 1882 г. Закона «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» [3], особую значимость фабричные инспектора получили после введения института фабричного надзора.

Вместе с тем следует оговориться, что указанный институт не был призван защищать чьи-либо права и интересы, в том числе права и интересы рабочих. Анализ правил, принятых 3 июня 1886 г., позволяет сделать вывод об исключительно надзирающем характере фабричных инспекторов, в

обязанности которых входило: наблюдение за исполнением постановлений на фабриках, заводах и мануфактурах; составление при участии местной полиции протоколов о нарушении постановлений и передача их в судебные органы; обвинение в суде виновных в совершении этих проступков; составление отчетов; осуществление надзора за соблюдением порядка на фабриках; наблюдение за исполнением рабочими и фабрикантами правил, определяющих их обязанности; предупреждение споров, возникающих между фабрикантами и рабочими в целях «миролюбивого соглашения сторон»; возбуждение преследований, а также обвинение на суде виновных в нарушении Закона от 3 июня 1886 г.

Итак, на протяжении второй половины XIX в. нормы, посвященные фабричному законодательству, не были в полной мере направлены на обеспечение трудовых прав и гарантий работников, а также предоставление компенсаций в сфере труда. Однако их ценность заключается в появлении понятий защиты трудовых прав, восстановления нарушенных прав работников.

Очередным этапом развития защитной функции трудового права стало советское законодательство о труде. Первым советским нормативным правовым актом о труде, который регулировал вопросы рабочего дня, работы в ночное время и времени отдыха работников, в том числе праздников, был Декрет Совета Народных Депутатов от 29 октября 1917 г. о восьмичасовом рабочем дне [4], послуживший основой разработки Кодекса законов о труде 1918 г. [5]. Последний закреплял единственное право трудящихся, а именно: право на труд за получение вознаграждения, предусмотренного по данной специальности. Как справедливо отмечал И.С. Войтинский, «Кодекс 1918 г. отразил развивавшуюся тенденцию к твердому централизованному регулированию условий труда, т. е. к принудительному установлению единообразия условий труда» [6, с. 68].

Дальнейшее развитие правовое регулирование труда нашло в Кодексе законов о труде 1922 г. [7]. Проведенная в 1922 г. новая кодификация трудового законодательства ставила своей целью заменить Кодекс 1918 г. новым законом, призванным регулировать трудовые отношения в условиях новой экономической политики. Так, впервые были введены понятия коллективного договора, трудового договора, профессиональных союзов, правил внутреннего распорядка. Появились разделы, посвященные гарантиям и компенсациям, органам по разрешению конфликтов, а также социальному страхованию.

9 декабря 1971 г. был принят Кодекс законов о труде РСФСР [8], более детально регламентирующий институт трудового договора, а также вопросы разрешения трудовых споров. Его нормы значительно расширили права трудящихся, в частности женщин, молодежи, улучшили условия труда, расширили предоставляемые гарантии. Введенный законодателем раздел о надзоре за соблюдением законодательства о труде закрепил практику привлечения рабочих и служащих к участию в управлении производством. Указанная мера вводилась с целью укрепления законности в области трудовых отношений. Как обоснованно подчеркнул А.С. Пашков, «отмеченные нововведения отражают процесс расширения прав трудящегося человека» [9, с. 11]. Следует также обратить внимание на то, что до принятия Кодекса законов о труде

РСФСР 1971 г. порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров по поводу применения труда ничем не регламентировался.

Примечательно, что в советской юридической литературе понятие охраны труда имело два значения: широкое и узкое. Так, в широком понимании термин «охрана труда» применялся как совокупность всех норм советского трудового права, поскольку они установлены в интересах трудящегося. Данная позиция была общепризнанной в советской литературе [10, 11]. Так, С.А. Иванов отмечал, что, «имея своей конечной целью охрану труда, заботу о человеке труда, его правах и интересах, трудовое законодательство, а с ним и трудовое право являются и сегодня показателем гуманизма общественного строя» [12, с. 10]. Вместе с тем В.И. Семенов считал необходимым рассматривать понятие «охрана труда» лишь в узком смысле, поскольку «неправомерно относить нормы о рабочем времени, времени отдыха, заработной плате и другие к понятию “охрана труда”, к этому понятию должны быть отнесены лишь организационно-правовые меры, которые предусматриваются нормами юридического института охраны труда» [13, с. 17].

На основе приведенных точек зрения мы можем проследить, как произошла смена походов к пониманию функций и назначения трудового права. Регулятивные императивные правовые нормы постепенно уступили свою значимость охранительным нормам, имеющим своей целью осуществление защитной функции.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что рассматриваемый механизм, отражающий защитную функцию трудового права, формировался на протяжении многих десятилетий. От того, насколько близко принятые законы в указанной области отвечают принципам гуманизма, защиты, социальной обеспеченности прав и свобод, зависит истинное отношение государства к рабочей силе. Целью государства должно быть создание условий для беспрепятственного, эффективного осуществления рабочей деятельности и сохранения здоровья нации в целом.

Список литературы:

1. О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах : закон от 3 июня 1885 г. // ПСЗРИ. — 1885. — Т. V, № 3013.
2. Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа членов фабричной инспекции от 3 июня 1886 г. // ПСЗРИ. — 1886. — Т. VI, № 3769.
3. Закон о малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах от 1 июня 1882 г. // ПСЗРИ. — 1882. — Т. II, № 931.
4. О восьмичасовом рабочем дне : декрет СНК РСФСР от 29 октября 1917 г. // СУ РСФСР. — 1917. — № 1, ст. 10.
5. Кодекс законов о труде 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 87/88, ст. 905.
6. Войтинский, И.С. Трудовое право СССР / И.С. Войтинский. — М.: Труд и книга, 1925. — 364 с.
7. О введении в действие Кодекса законов о труде РСФСР 1922 г : постановление ВЦИК от 9 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. — 1922. — № 70, ст. 903.
8. Кодекс законов о труде РСФСР от 9 декабря 1971 г. // Ведомости ВС РСФСР. — 1971. — № 50, ст. 1007.

-
9. Пашков, А.С. Третий советский Кодекс труда // Правоведение. — 1972. — № 2. — С. 7–17.
  10. Коршунова, Е.Н. Советское трудовое право и вопросы производительности труда / Е.Н. Коршунова, А.С. Краснопольский. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 164 с.
  11. Киселев, Я.Л. Охрана труда по советскому трудовому праву / Я.Л. Киселев. — М.: Госюриздат, 1962. — 223 с.
  12. Иванов, С.А. Советское трудовое право: вопросы теории / С.А. Иванов, Р.З. Лившиц, Ю.П. Орловский. — М.: Наука, 1978. — 366 с.
  13. Семенов, В.И. Охрана труда в СССР / В.И. Семенов. — Минск: Наука и техника, 1976. — 288 с.

References:

1. O vospreshhenii nochnoj raboty nesovershennoletnim i zhenshinam na fabrikah, zavodah i manufakturah : zakon ot 3 ijunja 1885 g. // PSZRI. — 1885. — Т. V, № 3013.
2. Pravila o nadzore za zavedenijami fabrichnoj promyshlennosti i o vzaimnyh otnoshenijah fabrikantov i rabochih i ob uvelichenii chisla chlenov fabrichnoj inspekcii ot 3 ijunja 1886 g. // PSZRI. — 1886. — Т. VI, № 3769.
3. Zakon o maloletnih, rabotajushih na zavodah, fabrikah i manufakturah ot 1 ijunja 1882 g. // PSZRI. — 1882. — Т. II, № 931.
4. O vos'michasovom rabochem dne : dekret SNK RSFSR ot 29 oktjabrja 1917 g. // SU RSFSR. — 1917. — № 1, st. 10.
5. Kodeks zakonov o trude 1918 g. // SU RSFSR. — 1918. — № 87/88, st. 905.
6. Vojtinskij, I.S. Trudovoe pravo SSSR / I.S. Vojtinskij. — М.: Trud i kniga, 1925. — 364 s.
7. O vvedenii v dejstvie Kodeksa zakonov o trude RSFSR 1922 g : postanovlenie VCIK ot 9 nojabrja 1922 g. // SU RSFSR. — 1922. — № 70, st. 903.
8. Kodeks zakonov o trude RSFSR ot 9 dekabrja 1971 g. // Vedomosti VS RSFSR. — 1971. — № 50, st. 1007.
9. Pashkov, A.S. Tretij sovetskij Kodeks truda // Pravovedenie. — 1972. — №2. — S. 7–17.
10. Korshunova, E.N. Sovetskoe trudovoe pravo i voprosy proizvoditel'nosti truda / E.N. Korshunova, A.S. Krasnopol'skij. — М.: Izd-vo AN SSSR, 1955. — 164 s.
11. Kiselev, Ja.L. Ohrana truda po sovetскому трудовому праву / Ja.L. Kiselev. — М.: Gosjurizdat, 1962. — 223 s.
12. Ivanov, S.A. Sovetskoe trudovoe pravo: voprosy teorii / S.A. Ivanov, R.Z. Livshic, Ju.P. Orlovskij. — М.: Izdatel'stvo «Nauka», 1978. — 366 s.
13. Semenov, V.I. Ohrana truda v SSSR / V.I. Semenov. — Minsk: Nauka i tehnika, 1976. — 288 s.

**• МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
«ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ СУДЕБНОЙ ПОЛИТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ» •**

В.А. Терехин,
*кандидат юридических наук,
заслуженный юрист РФ,
зав. кафедрой правосудия
Пензенского государственного
университета*

V.A. Terehin,
*Candidate of Law,
Honored Lawyer of the Russian
Federation, Head of the Chair,
Penza State University
pravosudiepenza@mail.ru*

**Правосудие как ключевой компонент судебной
деятельности: проблемы понимания***

**Justice as the main element of judicial activity:
problems of understanding**

Проблемы правосудия издавна привлекали к себе внимание многих исследователей. Тем не менее на сегодняшний день в юридической науке так и не сформировано единого общепринятого взгляда как на понятие этого феномена, так и на средства оптимизации судебной деятельности.

Только за последние десятилетия в специальной литературе приведено несколько десятков авторских определений данного правового явления. Их подборку и обстоятельный анализ провели такие исследователи, как М.И. Клеандров, Г.А. Жилин, В.В. Ершов, Л.А. Прокудина, С.А. Кладова и др.

Как показывает анализ литературных источников, понятие правосудия в юриспруденции интерпретируется по-разному: как социально-правовая ценность; как справедливость; как форма судебной власти; как особая разновидность государственной деятельности; как особый вид правоприменительной деятельности; как вид правоохранительной деятельности; как форма защиты нарушенного права и т. д.

На наш взгляд, все дефиниции можно условно объединить в определенные группы в зависимости от теории понимания авторами права и правосудия, используемых ими методов исследования и, как следствие, от толкования существенных характеристик познаваемого объекта.

Во-первых, следует непременно согласиться с трактовкой правосудия как социально-правовой ценности (В.А. Телегина). Это обусловлено тем, что в науке применяется такое средство исследования природных явлений и процессов, как аксиологический (ценностный) подход. В контексте правовой аксиологии и государства, и право рассматриваются как ценности (О.В. Мартышин), а правосудие —

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Стратегия развития правосудия в условиях глобализации» (№ 14-03-00284).

это государственно-правовой институт. Вместе с тем восприятие правосудия в качестве социально-правовой ценности возможно лишь при условии его легитимности, соответствия нормам и принципам права, требованиям справедливости, а также общепринятым, общечеловеческим нравственно-этическим стандартам.

Во-вторых, авторы довольно часто отождествляют правосудие, как собственно и само право, со справедливостью. При таком подходе к пониманию права правосудие означает: «судить по праву, по справедливости» (М.И. Байтин, М.А. Фокина).

В самом общем плане с этим суждением можно согласиться, тем более что названная идея получила определенное законодательное закрепление. В частности, согласно ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание. В соответствии со ст. 297 УПК РФ принимаемые судами акты наряду с законностью и обоснованностью должны отвечать требованиям справедливости.

В то же время справедливость — это не столько правовая, сколько нравственная категория. Поэтому в данном подходе отчетливо видна существенная «дефектность»: абстрактность термина «справедливость» порождает сложности более определенного, конкретного выявления и правового регулирования пределов и границ содержания правосудия. Все это создает предпосылки для возможных нарушений судами требований законности.

В-третьих, в юриспруденции правосудие расценивается как форма судебной власти, форма государственной, в частности, судебной деятельности. Однако следует дополнить, что правосудие — не только составная часть многогранной судебной деятельности, но, исходя из его социальной значимости, ее основной сегмент.

В-четвертых, многие авторы (А.Т. Боннер, В.В. Ершов) определяют правосудие как вид либо особый вид государственной деятельности, осуществляемой судами. В данном случае подчеркиваются два ключевых аспекта: 1) правосудие — это прерогатива государства, оно обладает монополией на его осуществление; 2) понятие этого феномена трактуется через категорию «деятельность». Характеристика правосудия как разновидности государственно-правовой деятельности вытекает из положений Конституции РФ, Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», где в большинстве случаев слово «правосудие» используется в сочетании с терминами «осуществление» или «отправление» и воспринимается в движении, в процессе. Думается, что деятельностный подход предоставляет возможность более глубокого и всестороннего изучения явления не столько в статике, сколько в динамике.

В-пятых, в советский период нашей истории в науке преобладала точка зрения о том, что суд, осуществляя правосудие, охраняет от всяких посягательств интересы господствующего класса (или интересы общества и граждан) путем применения мер государственного принуждения к лицам, нарушающим установленный правопорядок. В связи с изменением в современной России социально-правовых ценностей и роли суда в обществе произошла трансформация научной мысли: сейчас правосудие трактуется прежде всего с позиции защиты нарушенного права.

В-шестых, исследователи под правосудием понимают осуществляемую судами правоприменительную либо правоохранительную деятельность по

рассмотрению и разрешению дел. Названная точка зрения является верной, поскольку правосудие — это многоаспектный государственно-правовой феномен, содержание которого вбирает и правоприменение, и правозащиту, и правоохрану субъектов общественных отношений.

Наконец, существует понимание правосудия в широком и узком смыслах.

Следует также иметь в виду, что в последнее время законодатель делает попытки дать нормативную дефиницию правосудия. Например, ст. 4 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» гласит: «Суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства». Как видно, объем содержания официальной трактовки данного феномена крайне мал, и его можно расценивать только в самом общем виде. Между тем оптимальная дефиниция правовых явлений предопределяется его сущностными свойствами.

Обобщая имеющиеся в науке предложения, в качестве основных признаков правосудия, на наш взгляд, можно выделить следующие:

1) правосудие представляет собой особый вид государственно-правовой деятельности, осуществляемой судами, учрежденными согласно Конституции РФ и федеральному конституционному закону, а также мировыми судьями, наделенными соответствующими полномочиями в установленном законом порядке. Необходимость выделения в качестве субъектов отправления правосудия, наряду с судами, судей обусловлена российской правовой реальностью, где правосудие осуществляют 7,5 тыс. мировых судей. Их юрисдикция распространяется на конкретные судебные участки в пределах административно-территориальных районов, и они работают автономно, т. е. организационно не оформлены в суды. Общая численность мировых судей в три раза превышает количество действующих в России судов;

2) основным содержанием правосудия является деятельность по рассмотрению и разрешению судами (судьями) отнесенных к их ведению дел — юридических конфликтов;

3) правосудие осуществляется на основе норм и принципов отечественного и международного права, в том числе в строго регламентированном процессуальном порядке посредством конституционного, гражданского, административного, уголовного и арбитражного судопроизводства;

4) цель правосудия — защита прав и свобод личности, интересов общества и государства.

Таким образом, *правосудие* представляет собой особую деятельность государственных органов — судов, а также мировых судей по рассмотрению и разрешению дел на основе отечественного и международного права, в том числе посредством конституционного, гражданского, административного, уголовного и арбитражного судопроизводства, с целью защиты прав и свобод личности, интересов общества и государства.

Вместе с тем характеристика изучаемого правового феномена будет не совсем полной, если не привести точку зрения о понимании правосудия, высказанную недавно ректором Российского государственного университета правосудия В.В. Ершовым (см.: Ершов В.В. Право и правосудие как парные

категории // Российское правосудие. 2014. № 1. С. 16). Автором предложен подход к исследованию права и правосудия как парных категорий с позиции интегративного понимания права и с учетом происходящих в мире процессов глобализации. Правосудие рассматривается как особый вид государственной деятельности, сущность которой состоит в рассмотрении и разрешении судами дел в соответствии с принципами и нормами права, содержащимися в единой системе форм международного и национального права, реализуемых в государстве с целью защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и правовых интересов лиц, участвующих и не участвующих в конкретном деле.

Предложения автора во многом являются новыми и, безусловно, заслуживают внимания, глубокого и всестороннего анализа. По сути, они — приглашение к дискуссии, которая ориентирует на дальнейшее осмысление и совершенствование теоретических и практических проблем правопонимания, правоприменения и правосудия.

А.В. Малько,

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН*

В.В. Елистратова,

*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра иностранных языков,
Саратовской государственной
юридической академии*

С.А. Семикина,

*кандидат юридических наук, старший
научный сотрудник
Саратовского филиала Института
государства и права РАН*

A.V. Malko,

*Doctor of Law, Professor, Honored
Scientist of the Russian Federation,
Director of Saratov branch of Institute of State
and Law of Russian Academy of Science
igp@sgap.ru*

V.V. Elistratova,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy*

S.A. Semikina,

*Candidate of Law, Senior Research Worker,
Saratov branch of Institute of State and
Law of Russian Academy of Science
igp@sgap.ru*

О необходимости формирования правовой политики в сфере создания судебной системы Евразийского экономического союза*

About necessity of forming of legal policy in the sphere of creation of the judicial system of Eurasian economic union

Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) все больше становится составной частью современной экономической и политико-правовой жизни его государств-членов. Этому предшествовала огромная

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Стратегия развития правосудия в условиях глобализации» (№ 14-03-00284).

работа в рамках различных интеграционных структур на постсоветском пространстве. Сейчас особое значение имеет выявление эффективных средств юридического обеспечения деятельности новой наднациональной структуры на основе продуманной правовой политики в сфере создания самостоятельной и полноценной судебной системы ЕАЭС.

Правовая политика способствует повышению эффективности правового регулирования в сфере интеграционного правосудия в целях формирования судебной системы нового межгосударственного объединения и наиболее оптимальному развитию евразийских интеграционных процессов в целом. Судебная система ЕАЭС призвана играть существенную роль по обеспечению единообразного применения права и углублению интеграции.

Становление эффективного интеграционного правосудия в рамках ЕАЭС — процесс постепенный и длительный. Именно согласованная правовая политика в данной сфере обеспечит необходимую комплексность мер по формированию названной судебной системы. Согласно Статуту Суда ЕАЭС целью его деятельности является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Судебная политика как особая разновидность правовой политики представляет собой комплекс целенаправленных долгосрочных мер по выстраиванию соответствующего судоустройства и судопроизводства. В этом процессе важно творчески использовать положительный опыт как предшественника Суда ЕАЭС — Суда ЕврАзЭС, так и Суда ЕС. Государства-члены ЕАЭС значительно переформатировали юрисдикцию Суда по сравнению с той, которой обладал Суд Евразийского экономического сообщества. Из Статута Суда исключен вопрос о преюдициальной юрисдикции. Национальные суды будут самостоятельно толковать и применять положения норм права Союза. Однако на основе консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС при его взаимодействии с национальными судами предполагается осуществлять единообразное применение норм права Союза и способствовать созданию единого правового пространства в режиме верховенства права.

В рамках судебно-правовой политики необходимо создать эффективные механизмы разрешения споров и разногласий между государствами-членами ЕАЭС, а также определить меры их ответственности в случае нарушения установленных норм и принципов, определяющих положительную динамику евразийских интеграционных процессов.

Последовательная правовая политика будет способствовать формированию полноценной судебной системы ЕАЭС, соблюдению баланса интересов всех его участников и обеспечению их равноправного членства.

А.А. Фомин, *доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры правосудия,
Пензенского государственного
университета*

A.A. Fomin, *Doctor of Law, Associate Professor,
Penza State University*
fominpenza@mail.ru

Роль общественности при осуществлении правосудия

The role of the community in the administration of justice

«Советские» стереотипы и методы административно-партийного формирования судебных органов и осуществления ими своих полномочий без реального, а не формально-бюрократического участия общественности в демократических условиях неприемлемы. Только привлечение в судебную сферу широких слоев населения гарантирует легитимность судебной системы и судебной деятельности. Это требует поиска новых идей, организационно-правовых средств и мер, позволяющих институтам гражданского общества влиять на процесс судебно-правового реформирования в современной России.

В механизме формирования и осуществления судебной власти ведущая роль выпадает на долю государства, ибо гражданское общество и создало государство для регулирования наиболее важных, а следовательно, и конфликтных ситуаций между своими составными частями, разрешаемыми органами судебной власти государства. Тем не менее нельзя забывать, что интересы государства и интересы общества — понятия несовпадающие, а при определенных обстоятельствах даже противоположные. Если интересы государства можно охарактеризовать такими параметрами, как укрепление государственной власти, военное могущество, территориальная целостность и нерушимость границ, то интересы гражданского общества характеризуются социальной справедливостью, правами граждан и общества в целом во взаимоотношениях с государством, социальным благополучием граждан, демократическим плюрализмом, открытостью общества.

Где же ключ к решению подобных противоречий? Ответ прост. Интерес защиты прав и свобод личности должен иметь приоритет среди всех иных государственных интересов при создании и функционировании судебной системы.

Однако идеи приоритетности защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов личности в судебной деятельности осознаются крайне медленно и с большим трудом. Это — следствие многих причин. Одна из них — непонимание роли суда и судебной власти в обществе, когда суд продолжает восприниматься главным образом в качестве карающего, а не правозащитного органа не только населением, но и следователями, прокурорами и даже самими судьями. Долгие годы у нас доминировал позитивистский подход, при котором утверждался безусловный приоритет интересов государства по сравнению с правами и свободами граждан.

Формирование и функционирование судебной власти, несмотря на предпринимаемые усилия и ощутимые сдвиги в реформировании судебной системы,

---

до сих пор происходят на фоне высокого уровня юридического нигилизма по поводу возможностей судебной защиты своих прав и интересов у большинства наших сограждан. Как же должно быть организовано отправление правосудия, чтобы оно отвечало интересам общества? Ответ на этот вопрос следует искать, прежде всего, в конституционных положениях, посвященных судебной власти и формирующих стандарты справедливости при осуществлении отношений правосудия, к которым: беспристрастность суда, гласность, открытость (публичность) судебного разбирательства, оперативность правосудия, состязательность и равноправие сторон, непереносимое участие общественности в отправлении правосудия. Гражданское общество и независимый суд представляют собой причинно взаимосвязанные, необходимые системные компоненты правового государства, развитие одного явления невозможно без адекватного совершенствования другого.

А.Ф. Мещерякова,
*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правосудия,
Пензенского государственного
университета*

A.F. Meshcheryakova,
*Candidate of Law, Associate Professor,
Penza State University
Fuga9@yandex.ru*

**Специализация судов и унификация
процессуального законодательства как средство
повышения качества правосудия***

**Specification of courts and unification
of procedural legislation as the means
of increase of the justice's quality**

Любая реформа — это благодатная тема для дискуссий, особенно если речь идет о судах, которые нередко становятся последней надеждой для людей в поисках справедливости. Новым витком судебной реформы стала разработка Комитетом Государственной Думы РФ проекта Концепции единого процессуального кодекса и принятие Кодекса об административном судопроизводстве.

С одной стороны, предложение об унификации процессуальных норм, регламентирующих рассмотрение гражданских дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, весьма привлекательно, поскольку в связи с объединением ВС РФ и ВАС РФ необходимо устранить имеющиеся противоречия между АПК РФ и ГПК РФ, иначе невозможно обеспечить единообразие судебной практики. С другой стороны, возможную перспективу объединения норм процессуального законодательства в один кодекс, на наш взгляд, следует рассматривать как отказ от развития принципа специализации судов,

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Стратегия развития правосудия в условиях глобализации (№ 14-03-00284)».

который неплохо развит в странах романо-германской правовой системы, например, в Германии и Франции.

В России, казалось бы, идея о специализации судов получила свое отражение в законодательстве и до недавнего времени также пользовалась популярностью. Так, с 2013 г. свою деятельность начал осуществлять Суд по интеллектуальным правам, создание которого было продиктовано спецификой и сложностью рассматриваемых им дел.

Рассмотрение экономических споров и споров, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, имеет свои особенности, обусловленные юридическим статусом сторон и правовой природой самого дела. Например, экономический анализ нередко требуется при рассмотрении тех или иных вопросов налогообложения: оснований и целей установления льгот определенным категориям налогоплательщиков, рассмотрения разнообразных методологических вопросов, проведения правовой квалификации совершенных сделок. Именно поэтому дела экономического характера должны рассматриваться по особым правилам и специализированными судебными органами.

Принятие Кодекса об административном судопроизводстве в некоторой степени вселяет надежду на возвращение к идее о создании административных судов – специализированных судебных органов, занимающихся рассмотрением споров с властью. Конечно, административное судопроизводство стало более детализировано, но законодатель не решил ключевого вопроса – вопроса судебной подведомственности административных дел, поскольку сфера действия названного Кодекса распространяется на Верховный Суд РФ и суды общей юрисдикции. Арбитражные суды в своей деятельности продолжают руководствоваться АПК РФ.

Таким образом, логика законодателя весьма противоречива. Предлагается установить единые правила рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, и в то же время наблюдается совершенно противоположный подход в отношении административных дел. На наш взгляд, следует создать административные суды как самостоятельные органы судебного контроля за деятельностью органов власти и управления, передав на их рассмотрение все административные дела, которые в настоящее время входят в компетенцию судов общей юрисдикции и арбитражных судов и составляют огромный пласт.

В заключение отметим, что принцип специализации судов в нашей стране развит недостаточно. Тем не менее, как нам представляется, дальнейшее реформирование правосудия должно происходить по пути формирования специализированных судов как необходимого элемента механизма обеспечения конституционного права граждан на судебную защиту.

Д.И. Артёмова,
*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правосудия,
Пензенского государственного
университета*

D.I. Artemova,
*Candidate of Law, Associate Professor,
Penza State University*
artdarya@yandex.ru

Международно-правовые стандарты и принципы уголовного правосудия

International-legal standards and principles of criminal justice

Международные стандарты и принципы уголовного правосудия, олицетворяющие собой облаченные в правовую форму нравственно-этические категории, являются ориентиром для позитивного преобразования российской правовой системы.

Несмотря на то, что во многих нормативных актах, признанных на международном уровне и законодательно закрепленных в актах нашего государства, роль международных стандартов четко определена, все же существуют определенные проблемы их применения. Во-первых, реализация норм международного права, международных договоров, международных прецедентов — это редкое явление в практике уголовного правосудия; во-вторых, российская правовая система не признает судебные прецеденты источником права; в-третьих, ряд общеевропейских принципов в соответствии с толкованием, данным им Европейским судом по правам человека, содержат правила, которые ухудшают положение участвующих в деле лиц, что не совместимо с уголовно-процессуальным законодательством России; в-четвертых, дефиниции некоторых процессуальных категорий в российском законодательстве, например, таких как «суд», «обвиняемый» и др., не соответствуют их определениям в актах, признанных международным сообществом.

Достаточно сложным остается и вопрос о реагировании государства на международные стандарты при реформировании законодательства. Механизм приведения отечественного права в соответствие с международными стандартами пока не имеет нормативного регулирования. Практика показывает, что на этапе вступления государства в межгосударственные объединения и международные организации вступающее государство проводит большую работу по отмене и изменению действующих законов, подготовке проектов новых правовых актов, разработке схем и процедур деятельности. Однако после имплементации международных стандартов интенсивность этой практики иногда снижается, и создание новых нормативных актов в порядке учета международных обязательств государства задерживается, своевременная корректировка национальных норм и институтов не производится. Исправление этих дефектов требует системного подхода в реализации новых правовых решений, строгого учета

международных обязательств государства, контроля за реализацией изменений в законодательстве и правоприменительной практике.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: международно-правовые стандарты — это передовые нормы-принципы, содержащие в себе определяющее статутное положение личности в уголовном судопроизводстве и обеспечивающие его права и свободы. Но это также и морально-политические и нравственные обязательства государств, уровень реализации которых будет непосредственно влиять на процессы демократизации в обществе, на взаимоотношения личности и государства, на степень развития гражданского общества. Однако их реальное правовое воплощение в Российской Федерации затруднено, что создает определенные сложности в их понимании, а, следовательно, и в применении на практике.

Г.В. Молева,

*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правосудия Пензенского
государственного университета*

И.С. Лапаев

*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правосудия Пензенского
государственного университета*

G.V. Moleva,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Penza State University
gmolev@mail.ru*

I.S. Lapaev,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Penza State University
ifsel@yandex.ru*

Признание и исполнение иностранных судебных решений как средство повышения эффективности правосудия

Recognition and execution of foreign judicial court decisions as the means of the efficiency of justice's increase

Признание и приведение в исполнение следует понимать как юридический акт, которым суверенное государство, распространяя действие иностранного решения на собственную территорию, признает бесспорность установленных им прав и обязанностей сторон и санкционирует принудительное осуществление содержащихся в нем властных предписаний. При этом иностранное решение воспринимается как окончательное, что влечет за собой невозможность повторного рассмотрения того же спора.

Решение наделяется такими же юридическими качествами, как и судебные акты признающего государства, однако пределы его действия не могут быть большими, чем те, которыми оно ограничено в стране происхождения, и оно не может посягать на суверенитет другого государства при попытке реализации на его территории.

Основная роль в регулировании вопросов признания и приведения в исполнение в России иностранных судебных актов, несмотря на приоритет

международно-правовых источников, принадлежит Гражданскому процессуальному и Арбитражному процессуальным кодексам РФ, которые устанавливают предпосылки, условия и процедуру признания иностранных решений.

Важнейшей предпосылкой этого является наличие двустороннего либо многостороннего международного договора, предусматривающего такую возможность, либо федерального закона, который прямо говорит о допустимости признания и приведения в исполнение иностранных решений в отсутствие международного договора.

В российской судебной практике и доктрине весьма спорным является вопрос о том, можно ли признать и (или) привести в России в исполнение иностранное решение в условиях, когда отсутствует международный договор России или федеральный закон, допускающий такое его признание и (или) приведение в исполнение. Причем, учеными и практиками выдвигаются и обосновываются полярные точки зрения: от невозможности признания и исполнения в отсутствие международного договора — до обоснования различных вариантов такого признания.

При этом анализируемая проблема особенно остра в отношении решений иностранных государственных судов: в отношении иностранных третейских судов она решается за счет Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк 1958 г.) и Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже».

На наш взгляд, основным фактором, определяющим допустимость признания и санкционирования исполнения иностранного акта при отсутствии международного договора, должен выступать критерий соответствия последствий исполнения решения выполнению функций государства, определенных на основе Конституции РФ. В Российской Федерации должен действовать механизм признания иностранных решений, позволяющий в отсутствие межгосударственных соглашений воплощать в жизнь лишь такие иностранные акты, исполнение которых соответствует целям защиты прав граждан и организаций.

Принцип взаимности, вынужденно применяемый судами сегодня, далеко не всегда способствует достижению поставленных целей. Сам по себе он допускает признание решений иностранных государств на том основании, что такие государства приводят в исполнение выгодные для них российские решения, даже если доверие к судебной системе этих стран полностью отсутствует. Однако следование принципу взаимности не сможет способствовать признанию решения иностранного суда, вынесенного в пользу российского субъекта, если в стране вынесения решения не признаются акты российских юрисдикционных органов.

Своевременное и правильное устранение данной проблемы, которая обычно воспринимается как носящая частный характер, положительно отразится на многих сферах межгосударственного взаимодействия. Либерализация режима признания и приведения в исполнение иностранных судебных постановлений может стать одним из вариантов выхода России из правовой изоляции.

Возможным выходом в приведенной ситуации может быть отнесение решения вопросов о допустимости признания и исполнения актов иностранной юстиции в отсутствие международного договора к прерогативе судов, которые вполне в состоянии давать самостоятельную оценку последствиям реализации конкретного иностранного решения, с точки зрения соответствия целям охраны прав граждан и организаций.

В.Б. Вершинин,
*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правосудия Пензенского
государственного университета*

V.B. Vershinin,
*Candidate of Law, Associate Professor,
Penza State University
vad1204@yandex.ru*

**Подача искового заявления через сеть Интернет
как одно из условий реализации принципа
доступности правосудия**

**Filing a claim through Internet
as one of the conditions of the principle
of justice accessibility's realizing**

Нарастающие темпы информатизации российского общества требуют последовательной реализации простого и индивидуализированного способа предоставления услуг для населения, а, следовательно, и объективной перестройки функционирования государственных органов и, в первую очередь, суда.

До сих пор действующим гражданским процессуальным законодательством допускается предъявление заявлений в суд путем личной подачи документов в канцелярию суда или через учреждение почтовой связи. При этом в арбитражном судопроизводстве давно уже действует механизм предъявления иска в суд через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» путем заполнения формы, размещенной на официальном сайте арбитражного суда.

Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» в целях развития информационно-коммуникационных технологий в судах общей юрисдикции предполагает осуществление такого мероприятия, как создание условий для электронного судопроизводства, предусматривающего упрощение процедур подачи в суд исковых заявлений, жалоб в электронном виде. Однако гражданам пока приходится привычно проходить бумажные процедуры, хотя подача документов в суд через сеть «Интернет» снижает временные и денежные затраты сторон по их доставке, способствует соблюдению сроков исковой давности и процессуальных сроков. Более того, подача иска в суд в электронном формате повышает скорость обработки исковых заявлений, регистрации их в канцелярии суда и т. п.

На наш взгляд, применяемый в арбитражном судопроизводстве порядок подачи иска и документов к нему должен быть по аналогии введен и в гражданском процессе. Для этого, кроме технического оснащения судов общей юрисдикции, необходимо внести соответствующие дополнения на официальных сайтах судов в системе ГАС «Правосудие». Так, требуется ввести соответствующую форму для заполнения реквизитов искового заявления и разместить информацию по порядку прохождения регистрации и подачи иска и документов к нему.

Возможность подачи документов в электронном виде в суд не должна ограничиваться только предъявлением искового заявления. Этот механизм должен применяться и при обжаловании судебных актов, и при обращении в суд с различными ходатайствами.

Сейчас Минюстом России разработан законопроект с поправками в УПК РФ, который позволяет участникам уголовного судопроизводства направлять в суд в электронном виде ходатайства, заявления, жалобы, представления и прилагаемые к ним доказательства. При этом документы визируются электронной подписью и подаются через специальную форму на сайте суда. Аналогичные новеллы скоро придут в арбитражный и гражданский процесс. Для этого, как пишет юридический портал Право.ру, будут внесены изменения в АПК РФ и ГПК РФ.

Процесс принятия дополнений в законодательство и их реализации на практике следует максимально ускорить для того, чтобы запланированное введение электронного правосудия во всех судах с 2016 г. стало правовой реальностью.

М.А. Костенко,
*кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой гражданского и
корпоративного права Южного
федерального университета*

M.A. Kostenko,
*Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Chair,
South Federal University
makostenko@sfedu.ru*

Стандарты юридической техники в условиях реформирования судопроизводства в России

Standards of legal techniques in the terms of reforming of Russian legal procedure

Реформирование судебной системы на современном этапе связано с интенсивными социально-экономическими процессами в государстве, которые ставят новые задачи и определяют необходимость перехода судопроизводства России на качественно новый уровень деятельности. Цели судебной реформы определены — повышение качества осуществления правосудия и совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. В настоящий период можно констатировать, что судебная реформа перешла в активную фазу и подтверждением этому,

---

в частности, является объединение Верховного и Высшего арбитражного судов, дискуссия по поводу единого процессуального кодекса.

Эффективность судопроизводства оказывает серьезное воздействие на политические, социально-экономические и юридические сферы общественной жизни, что требует взвешенности, обоснованности и системности в принятии решений. Деятельность по научному обоснованию стратегии эффективного осуществления правосудия, повышению качества судебной деятельности составляет судебную политику, которая призвана научно обосновать направления реформирования судебной системы, предложить адекватные виды средств, которые позволят реализовать обозначенные в концепции судебной политики цели и задачи.

Одним из важнейших средств формирования и реализации судебной политики выступает юридическая техника, представляющая собой систему ресурсов, направленных на подготовку правовых актов и осуществление иных видов юридической деятельности, а также оценку надлежащего выражения в действующем праве социального компромисса, обеспечение совершенства правовых актов по форме и содержанию.

Проводимые реформы должны быть поддержаны на инструментальном уровне, что позволит повысить не только технико-юридическое качество процессуальных кодексов, но и создаст условия для усиления контроля за подготовкой судебных актов. В процессуальных кодексах законодатель крайне фрагментарно регламентировал требования к подготовке судебных актов, ограничившись закреплением структуры судебных актов. Однако на практике приходится сталкиваться с многочисленными ошибками судебных актов технико-юридического характера, которые в итоге сказываются в целом на качестве правосудия, подрывают доверие граждан и организаций ко всей судебной ветви власти.

Соблюдение правил юридической техники при подготовке судебных актов — это одна из сторон обеспечения законности, обоснованности, мотивированности, полноты судебных решений (приговоров), их логической безупречности и языкового совершенства. Закрепление стандартов юридической техники судебных актов будет способствовать совершенствованию всего механизма рассмотрения и разрешения спора, а значит правосудия в целом. В целях комплексного решения задач реформирования судебной системы необходимо разработать для судейского корпуса программу повышения квалификации по технике подготовки судебных актов, формированию специальных компетенций в области юридической техники.

К.Е. Игнатенкова,
*кандидат юридических наук,
ученый секретарь Саратовского
филиала Института государства и
права РАН*

K.E. Ignatenkova,
*Candidate of Law, Scientific secretary
of Saratov branch of Institute of State and
Law of Russian Academy of Science
igp@sgap.ru*

Судейское усмотрение как средство повышения эффективности правосудия

Judicial discretion as the means of the efficiency of justice's increase

В целях укоренения разделения властей и исключения полномочия субъектов, наделенных властью, в деятельности должностных лиц и органов государства как специального субъекта основополагающим является принцип «дозволено то, что прямо разрешено законом». Это обусловлено необходимостью защитить интересы граждан, которые во взаимоотношениях с государством всегда выступают более «слабой» стороной.

В связи с этим дискуссионным является вопрос о возможности применения судейского усмотрения. Оно представляет собой одну из разновидностей дозволений, адресованных специальному субъекту — судье. Казалось бы, как и для представителей других властных структур, для судей также должны быть установлены строгие ограничения в выборе варианта поведения. Наделение «излишней» свободой отправителя правосудия чревато серьезными последствиями. Поэтому расхожим является мнение, что судейскому усмотрению не должно быть места в нашей правовой действительности.

Однако существует и другая точка зрения, которую изложил и обосновал в своей работе, посвященной данной проблеме, А. Барак (см.: *Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999*). Во введении к книге подчеркивается, что судейское усмотрение, существующее уже долгое время, в настоящий момент приобрело особую актуальность. Прежняя «бедность» общественной жизни и скованность человеческой инициативы сменяется таким их многообразием, что никаких законов для регулирования конфликтов и споров уже недостаточно. Это вполне объяснимо: идет процесс становления гражданского общества, в основу которого положен принцип свободы личности, нуждающийся в эффективных способах его нормативного регулирования.

Небывало возросла гражданская экономическая активность людей и, к сожалению, уголовно наказуемая деятельность. Жизненные ситуации, с которыми сталкиваются судьи, наполняются такими особенностями, которые право предвидеть не в состоянии. Для разрешения же любого, даже самого необычного конфликта нужна правовая основа. Главным «козырем» в данном случае и становится судейское усмотрение. Тот, кто в этих все усложняющихся условиях отрицает необходимость судейского усмотрения, обрекает трудноразрешимые конфликты, которые из жизни все равно не вычеркнуть, на неурегулированность, а общество — на хаос.

Мы не говорим о том, что судья должен быть выше закона, что его мнение, а не правовая норма будут решать судьбу дела. Те, кто опасается подобных тенденций, очевидно, не совсем верно понимают сущность рассматриваемого явления. Судейское усмотрение — это полномочие, данное лицу, которое обладает властью выбирать между двумя или более альтернативами, когда каждая из альтернатив законна.

Как и любое другое дозволение, судейское усмотрение не может носить неограниченный характер. Судья не вправе взвешивать любой фактор, какой ему понравится. Он не должен допускать ни произвола, ни дискриминации; его обязанность — действовать справедливо и разумно. Судейское усмотрение, как и любое дозволение, *имеет свои пределы*.

Таким образом, судейское усмотрение можно рассматривать как одно из средств повышения эффективности правосудия, применяемое, однако, не во всех ситуациях, а только в сложных судебных делах, требующих от судьи особой интуиции, объективности и ответственности.
